РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КУНСТКАМЕРЕ

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Выпуск 1

Под ред. д.и.н. М.Ф. Хартанович,
д.и.н. Ю.К. Чистова

Санкт-Петербург
2011

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

УДК 069.8
ББК 72я43+95.4
Л75

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

д.и.н. П.А. Кротов
(Санкт-Петербургский государственный университет),

к.и.н. А.И. Терюков (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН)

Л75 **Ломоносовские чтения в Кунсткамере. К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова** / Под ред. д.и.н. М.Ф. Хартанович, д.и.н. Ю.К. Чистова. СПб.: МАЭ РАН, 2011. Вып. 1. 208 с.

ISBN 978-5-88431-215-9

В сборнике, посвященном жизни и деятельности великого российского ученого XVIII в. Михаила Васильевича Ломоносова, освещается жизненный и творческий путь ученого, роль его как разностороннего исследователя-энциклопедиста, просветителя европейского масштаба. Особое место отводится памяти потомков, организации юбилеев М.В. Ломоносова и премий его имени. Значительное внимание уделено истории Музея М.В. Ломоносова. На уникальном архивном материале развертывается история организации академического музея, его трудная история и перспективы развития.

УДК 069.8
ББК 72я43+95.4

© МАЭ РАН, 2011.
© Коллектив авторов, 2011.
© Н.И. Пашковская, обложка, 2011.

ISBN 978-5-88431-215-9

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ВВЕДЕНИЕ

Имя великого российского ученого Михаила Васильевича Ломоносова дорого для каждого, кто интересуется историей России и российской науки. Народная кладовая талантов представила миру в начале XVIII в. гениального человека, разнообразно и самобытно воплотившего лучшие черты национальной русской культуры. В дальнейшем, какие бы благоприятные обстоятельства ни складывались, этот феномен так и не повторился, хотя русская земля всегда была богата народными самородками, но по силе самовыражения на протяжении XIX–XX веков так и не было равных Ломоносову талантов в области науки и культуры. Он затмил всех разносторонностью интересов и масштабом вклада в различные отрасли отечественной науки.

В 2011 г. мировая общественность отмечает 300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, его отдел истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) подготовил юбилейную конференцию «Ломоносовские чтения в Кунсткамере» и сборник статей «Ломоносовские чтения в Кунсткамере» (Вып. 1). Предполагается проводить подобные тематические чтения раз в пять лет.

Сюжетно сборник представляет разнообразные исследования, связанные с ролью М.В. Ломоносова в развитии науки и культуры России XVIII в., вклада ученого в развитие научных учреждений, отражением идей Ломоносова в современном естествознании и гуманитарных науках. Особое место занимают работы, посвященные сохранению памяти потомков о Ломоносове на протяжении XIX–XXI веков. На основе архивного и опубликованного материала, периодических изданий впервые рассмотрены планы, проекты и осуществление мероприятий, связанных с юбилеями М.В. Ломоносова. Показан процесс подготовки, организации конкурсов по награждению премиями и наградами имени выдаю-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

щегося ученого. В увековечивании памяти Ломоносова большую роль сыграли Академия наук, Московский государственный университет на протяжении XIX–XXI веков. Самой высокой научной премией в России является медаль им. М.В. Ломоносова, которой награждаются как отечественные, так и иностранные ученые.

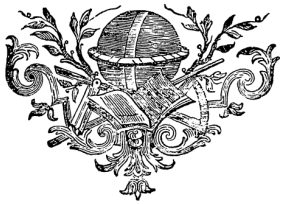
В сборнике большое место занимают исследования и публикации, посвященные истории организации и деятельности Музея М.В. Ломоносова. Впервые приводятся архивные документы, освещающие трудную работу по послевоенному восстановлению здания Кунсткамеры и организации в ее стенах Музея М.В. Ломоносова.

Жизнь М.В. Ломоносова — вечный пример беззаветного служения Родине. А.С. Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте…» (Собр. соч. Т. 6) с большой проницательностью и глубиной указывал на титаническую силу духа, грандиозный размах, разносторонность научных интересов Ломоносова: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, Ритор, Механик, Химик, Минеролог, Художник и Стихотворец — он все испытал и все проник».

М.Ф. Хартанович

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Статьи



Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Н.П. Копанева

М.В. ЛОМОНОСОВ И КУНСТКАМЕРА

В системе департаментов Академии наук, которые должны «*не только существовать бок о бок и объединяться в составе единой корпорации, но, с выгодой для общего дела, сливать и соединять усилия*»[1], М.В. Ломоносов важное место отводил Кунсткамере и Библиотеке, которые он часто рассматривал как неделимое целое. В дошедших до нас записках М.В. Ломоносова о реформировании Академии наук нет специальных разделов о Библиотеке и Кунсткамере, хотя они и должны были иметь место. В записке 1758–1759 гг. о необходимости преобразования Академии в главе «О стате Академическом» названы Библиотека и Кунсткамера[2]. По сути задуманного становится ясно, что Ломоносов в готовившемся им академическом регламенте предполагал написать о целях и задачах каждого из указанного им учреждения Академии. Подготовленный ученым регламент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук[3] дошел до нас в незаконченном виде, и мы имеем возможность познакомиться только с первой его частью — «О собрании Академии наук».

Успел ли Ломоносов до своей кончины в апреле 1765 г. написать другие части, среди которых был и раздел о Кунсткамере, остается неизвестным. Однако в сохранившейся записке о необходимости преобра-

[1] Ломоносов М.В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 118.

[2] Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Там же. Т. 10. С. 64.

[3] Местонахождение рукописи неизвестно. Впервые напечатано у П.С. Билярского (Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 652–669). В полном собрании сочинений (Т. 10. С. 138–160) документ опубликован по П.С. Билярскому.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

зования Академии наук (1758–1759 гг.) есть план шестой части, названной «О Библиотеке и Кунсткамере»[1]. План включает в себя следующие главы: 1) о содержании и расположении Библиотеки и Кунсткамеры, 2) о пускании гостей, 3) о употреблении книг от академических служителей, 4) о выписке книг и всяких вещей в Библиотеку и Кунсткамеру[2].

Начнем с того, что Кунсткамера стала фактически первым «местом работы» молодого Ломоносова, только что вернувшегося из Германии в Петербург. В июне 1741 г. советник Канцелярии И.Д. Шумахер поручил профессору И. Амману преподавать Ломоносову естественную историю. В июле Ломоносов начал составлять каталог Минерального кабинета Кунсткамеры, в ноябре того же года закончил. Просмотрев подготовленную вверенным ему учеником работу, Амман сообщил в академическую Канцелярию, что исправлять что-либо в каталоге он не находит нужным[3]. Каталог был составлен на латинском языке и опубликован в общем музейном каталоге «Musei Imperialis Petropolitani...»[4]. Ломоносовым составлены разделы: Gemmae (Камни дорогие [здесь и далее перевод И.И. Голубцова], Marmora (Роспись мраморам), Crystalli (Хрустали горные), Lapides rudes et majores (Камни простые и большие), Petrefacta (Материи, в камни обращенные), Ostracodermata (Животные водяные в камни обращенные), Lapides in animalium intestinis nati et partes animalium terrestrium petrefactae (Камни, внутри животных найденные, и части земных зверей, в камни обращенные), Succina (Янтари)[5].

Иван Иванович Голубцов перевел описания Ломоносова на русский язык. Ученый сам «поправлял» работу Голубцова, поскольку работа состояла не только в переводе, но и в создании русской терминологии по рудному делу. В 1742 г. Ломоносов начал работу над книгой «Первые

[1] Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 72.

[2] Там же.

[3] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 3. Д. 31. Л. 81.

[4] Musei Imperialis Petropolitani. Vol. 1. Teil: 1, 3: Pars tertia, qua continentur res naturales ex regno minerali Petropolitanae: Acad. Scientiarum, 1745. Опубликованный текст не во всем совпадает с рукописью, хранящейся в СПФ АРАН (Ф. 20. Оп. 3. Д. 63. Л. 1–44). Текст М.В. Ломоносова на латинском языке опубликован в полном собрании сочинений (1954. Т. 5. С. 7–69). Там же опубликован перевод на русский язык всего каталога Минерального кабинета, составленного И.Г. Гмелиным (в переводе В.И. Лебедева) и М.В. Ломоносовым (в переводе И.И. Голубцова) (С. 73–241).

[5] Другие части каталога Минерального кабинета составлены И.Г. Гмелиным.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

основания горной науки», а в 1763 г. был издан его труд «Первое основание металлургии или рудных дел». Для исследований Ломоносов использовал и минералогические коллекции Кунсткамеры[1]. Описывая золотоносные руды, ученый отмечал, что в Академии наук, *«в Минеральной каморе, находится кусок самородного золота весом 22 золотника»*. Есть в Кунсткамере и серебра самородного чистого *«кус весом 7 фунтов»*, *«самородной меди плита весом близ 20 фунтов»*, *«счерна сероватая квасцовая руда, которая в одном фунте гран золота содержит»*.

Мнение М.В. Ломоносова о том, в каком состоянии находился академический музей, и предложения по совершенствованию управления им есть в «репортах», которые ученый настойчиво подавал в Канцелярию и президенту Академии наук. Вызывало беспокойство Ломоносова и вольное обращение с деньгами, определенными на восстановление Кунсткамеры и Библиотеки, погоревших в декабре 1747 г. Причину пожара ученый видел в происках советника Канцелярии И.Д. Шумахера против «соперников», а именно А.К. Нартова и Ж.-Н. Делиля. В 1764 г., излагая историю академической Канцелярии, Ломоносов отмечал, что перед пожаром Шумахер решил отвести для Канцелярии более просторное помещение, заняв Рисовальную и Гравировальную палаты. «Рисовальное дело» перевели в Механическую экспедицию А.К. Нартова, который должен был освободить занимаемое им помещение. **«***Инструменты и мастеровые* [были] *разведены по тесным углам, и некоторые из них в кунсткамерские палаты, в такие покои, где печи едва ли с начала сего здания были топлены и при переводе тогдашних мастеров либо худо поправлены или и совсем не осмотрены. Сказывают, что близ трубы лежало бревно, кое от топления загорелось»*[2].

Упрекал Ломоносов Канцелярию и в сокрытии масштабов понесенного от пожара ущерба: *«Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с сибирскими и китайскими вещами, Астрономическая обсерватория с инструментами, Готторпский большой глобус, Оптическая камера со всеми инструментами и старая Канцелярия с оставшимися в ней архивными делами, однако повреждение двору и публике показано весьма малое и о большом глобусе объявлено, что он только повредился, невзирая на то, что оного в цело-*

[1] См. об этом: Данилевский В.В. Ломоносов как исследователь русских руд // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Т. III. С. 209.

[2] Ломоносов М.В. «Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени». 1764 не позднее августа 26 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 281–282.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

сти ничего не осталось, кроме старой его двери, коя лежала внизу в погребе. Для лучшего уверения о малом вреде от пожару в "Ведомостях" описано хождение по Кунсткамере некоего странствующего мальтийского кавалера Загромозы, в коем именованы оставшиеся в целости вещи, кои он, Загромоза, видел. <...> Таким образом, негодование у двора и молву в людях о сем пожаре утолив, начала несколько Академия в 1748 г. и большой глобус починивать новым образом, то есть все новое делать, прилагая всякое старание. Положено великое множество казенного иждивения, и каменная палатка, где он ныне стоит, обошлась около пяти тысяч! Между тем как неудовольствие у двора охолодело, так и выстройка глобуса остановилась и в шестнадцать лет еще совсем не окончена»[1].

15 июля 1759 г. Ломоносов обратился в академическую канцелярию[2] по поводу средств, которые тратились на изготовление новых шкафов. Особым ордером президента Академии наук[3] сумму в 2000 рублей из доходов академической Книжной лавки, которая предназначалась по академическому регламенту «*на умножение Библиотеки и Кунсткамеры»*, разрешено было употребить *«на строение шкафов и прочих приличных украшений»*. Возражения Ломоносова сводились к тому, что это академические деньги, а на ремонт здания Кунсткамеры и восстановление интерьера Сенат определил *«сумму особливую», которую «не должно мешать с академическою казною, но чего еще на достройку недостает, требовать должно от Правительствующего Сената»*[4].

Тратить 2000 рублей на изготовление новых шкафов ученый считал делом расточительным. Во-первых, деньги нужны на выплату жалованья академическим служащим, исправление старой и строительство новой типографий, выплату пенсий почетным членам Академии и другие нужды. Во-вторых, писал Ломоносов, *«известно, что кунсткамерские вещи и книги в Библиотеке стоят в шкафах, то еще нет необходимой нужды, чтобы делать новые, но могут стоять в прежних, пока сумма на новые от Правительствующего Сената истребована будет»*[5].

---

[1] Там же.

[2] Ломоносов М.В. Представление в Канцелярию АН об исходатайствовании добавочной суммы на достройку погоревших академических палат. 1759 июля 15 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 207–208.

[3] Ордер президента Академии наук К.Г. Разумовского от 11 июня 1759 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 470. Л. 193–194.

[4] Ломоносов М. В. Представление в Канцелярию АН об исходатайствовании… // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 207.

[5] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

К тому же, подчеркивал ученый, истинное украшение Кунсткамеры и Библиотеки *«состоит во множестве редких и нужных книг и вещей, любопытства достойных»*, а не в позолоченных шкафах.

Сумма от Сената была выделена в 1753–1754 гг. немалая: 32 089 руб. было отпущено специально на ремонт пострадавшего от пожара здания. Однако распоряжавшимся деньгами И. Таубертом деньги были уже истрачены, требовались дополнительные ассигнования на завершение восстановительных работ, которые и брались им из штатных академических сумм. Представление М.В. Ломоносова не ушло дальше академической Канцелярии. Отчет о потраченных на ремонт суммах И. Тауберт представил в Сенат только в 1762 г.[1]

12 августа 1759 г. Ломоносов протестовал против заключения подряда с «вольным столяром Кинтом» на каменные и штукатурные работы в Обсерватории здания Кунсткамеры[2]. Подряд с Кинтом был заключен И. Таубертом и Я. Штелином без согласия М.В. Ломоносова, третьим советником Канцелярии, и подписан К.Г. Разумовским. Сумма, потребованная мастером, превышала смету, представленную архитектором Шумахером в июне 1759 г. При заключении подряда «торговались» иноземцы Кинт и Бехер, других подрядчиков не было. Однако оказалось, что «торг» произведен был лишь для видимости, *«ибо ту работу, как известно, приняли на себя обще, а не один Кинт»*[3].

Ломоносов предлагал найти других подрядчиков, а *«для будущих осеннего и зимнего времени покрыть и загородить тою Обсерваторию в надлежащих местах досками, на что чаятельно кошт надобен небольшой, а в будущем году начать оную выстройку по той же архитекторской смете с маия месяца, почему надеяться можно, что во оное время не только за архитекторскую в смете цену, но и с немалым уменьшением отделать другие подрядчики возьмут»*[4].

Несмотря на возражения Ломоносова, «вольный столяр» Кинт получил подряд на штукатурные работы, с которыми в установленные контрактом сроки не справился. Обсерватория была не отремонтирована не только к осени 1759 г., но и к зиме 1760 г. Но и отремонтированная, она все время подвергалась переделкам. В 1763 г. Ломоносов с болью писал о том, что в Обсерватории не ведутся астрономические наблюдения, а

[1] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 532. Л. 224 об.

[2] Ломоносов М.В. Мнение по делу о подряде на каменные и штукатурные работы в Обсерватории. 1759 августа 12 // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 208–209.

[3] Там же. С. 209.

[4] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

профессор Ф. Эпинус пренебрегает обустройством Обсерватории: *«Обсерватория астрономическая, хотя всегда служила больше к профессорским ссорам, нежели к наблюдениям светил, однако ныне уже походит на запустелый после разделения языков столп вавилонский. Невзирая на положенные иждивения к строению башни после пожару, на частые поправки и перепочинки, несмотря на то, что от Правительствующего [Сената] вдруг дано было на инструменты 6000 рублев, не приносит Обсерватория ни ученому свету пользы, ни же Академии чести. <…> Г. Епинус и его элев Румовский весьма редко бывают на Обсерватории, так что и часы астрономические вместо исправного и бесперерывного ходу иногда стоят по нескольку недель без всякого движения. При некоторых не беззнатных приключениях небесных, наблюдения достойных, посылал я в ясные ночи к Обсерватории осведомиться, что там происходит. Однако найдено, что не токмо оная заперта, но и крыльцо занесено глубоким снегом. <…> Да и впредь лучшего ожидать нельзя, затем что и на будущее лето готовятся Обсерваторию перелаживать по нраву г. Епинуса, которыми многочисленными переделками, бывшими при Делиле и при Гришове и после новой постройки, так бы должна быть сыта Канцелярия, чтоб о том и подумать не могла без произведения беспокойства в денежном своем желудке»*[1].

Писал Ломоносов и о том, что *«физическая камора»* не имеет *«ни образа, ни подобия того, в каком состоянии она была при Крафте и Рихмане, но и едва следы ее видны. Лежат уже много лет физические инструменты по углам разбросаны, в плесени и во ржавчине, безо всякого употребления ни к новым академическим изобретениям»*[2].

Наблюдая явные финансовые злоупотребления И. Тауберта, Ломоносов потребовал, чтобы тот представил в Академическую канцелярию отчеты о состоянии Кунсткамеры и Библиотеки[3]. Тауберт отказался выполнять требования Ломоносова, мотивируя свой поступок тем, что *«Кунсткамера и Библиотека до Канцелярии не принадлежат, а должен обо всем оном знать он, г. Тауберт, яко унтер-библиотекарь, да притом и от его высокографского сиятельства Академии Наук г. президента оба оные департаменты препоручены в особливое его смотрение»*[4].

[1] Ломоносов М.В. Отчет о состоянии Физической камеры, Обсерватории и Ботанического сада // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 258–260.

[2] Там же. С. 258.

[3] Выписка из журнала Канцелярии АН по поводу непредставления И.И. Таубертом отчетов о состоянии Библиотеки и Кунсткамеры // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 241.

[4] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В «Определении» Канцелярии[1] Ломоносов писал о необходимости создания комиссии в составе профессоров Фишера, Брауна, Котельникова, Федоровича и адъюнкта Протасова «*для рассмотрения оных департаментов*»[2]. «Определение» двумя другими советниками Канцелярии (И. Таубертом и Я. Штелиным) подписано не было. Требование Ломоносова было связано не только с финансовыми неурядицами вокруг ремонта здания, но и с тем, что никакой работы по пополнению фондов фактически не проводилось, а новые каталоги не создавались (перевезенные после пожара из Кунсткамеры в дом Демидовых книги и музейные экспонаты просто стояли в шкафах).

В связи с отказом Я. Штелина подписать «Определение» о производстве ревизии в Кунсткамере и Библиотеке М.В. Ломоносов направил ему письмо: *«Ваше благородие, найдете справедливым, чтобы положить конец неурядице и чтобы мы в Канцелярии, как главенствующем месте, знали, что происходит в Библиотеке и Кунсткамере, потому что вежливость и комплименты ничего не значат в делах, касающихся государственного блага, когда несправедливость берет перевес. Если ваша милость имеете высказать что-нибудь против, кроме вежливостей, то выскажите это письменно. <…> Г. Тауберт вчера объявил (что и занесено в протокол), что Канцелярия не может вмешиваться в Библиотеку. Если Вы находите справедливым, чтобы мы отдали г. Тауберту в приданое*[3] *Библиотеку и т.д., то подпишитесь под этим. Между тем я исполню все и представлю обо всем подробно Правительствующему Сенату»*[4].

И. Тауберт предпринял недюжинные усилия, для того чтобы уйти от необходимости предоставления отчета о состоянии Кунсткамеры и Библиотеки. Он обратился с жалобой на Ломоносова к И.И. Шувалову, о чем известно из его письма Я. Штелину: «*Его* [Шувалова] *весьма удивили затеи нашего дорогого коллеги, некоторые образчики коих я ему показал. Он оставил у себя тот, который касался предполагаемого обследования Библиотеки, и обещал потолковать об этом также и с Романом Илларионовичем Воронцовым. Со вчерашнего дня, как мне*

[1] Ломоносов М. В. Определение Канцелярии АН о производстве обследования Библиотеки и Кунсткамеры // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 241–243.

[2] Там же. С. 242.

[3] М.В. Ломоносов имеет в виду, что до Тауберта Библиотекой и Кунсткамерой занимался И.Д. Шумахер, дочь которого вышла замуж за Тауберта.

[4] Подлинник письма на немецком языке. Пер Т.Н. Кладо в кн.: Ломоносов М.В. Письмо Штелину Я.Я., 2 июня 1761 г. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 555–556.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

передавали, наш первый писатель чувствует себя прижатым к стене и начинает догадываться, что все это дело может обернуться очень для него плохо. Если президент пожелает действовать строго, ничто не спасет его [Ломоносова] *от его гнева»*[1]. Ироничные *«дорогой коллега»* и *«первый писатель»*, конечно, относятся к Ломоносову.

Обращает на себя внимание тот факт, что искушенный в интригах Тауберт поспешил направиться за поддержкой к тем лицам, которые покровительствовали Ломоносову, стремясь опередить последнего. Предложение ученого о ревизии Кунсткамеры и Библиотеки в 1761 г. принято не было. В декабре 1761 г. Ломоносов обратился к президенту Академии наук с требованием отдать Тауберта под следствие, перечислив *«пункты продерзостей Канцелярии советника Тауберта»*[2], среди которых были и нарушения Академического регламента в отношении Кунсткамеры и Библиотеки: «*Не подает* [Тауберт] *репортов и счетов от Библиотеки, Кунсткамеры и от других врученных ему в смотрение департаментов, что противно указам и Академическому регламенту»*[3]. Неизвестно, подал ли эту записку Ломоносов Разумовскому. Во всяком случае, и этот документ не возымел действия.

В декабре 1761 г. Ломоносов подготовил записку о преступлениях и упущениях И. Тауберта[4], в которой опять обращал внимание на отсутствие уже многие годы отчетов по Кунсткамере и Библиотеке, о трате денег, отведенных «в размножение» их, что было особенно важно после утрат от пожара 1747 г., на великолепные шкафы, тем великолепнее, чем дороже, пренебрегая *«полезным делом»*, т.е. приобретением экспонатов для музея и книг для библиотеки. Здесь же Ломоносов приводит и тот факт, что и Никита Демидов, чей дом был отведен под Кунсткамеру и Библиотеку, жаловался в Сенат, что *«оный Тауберт держит в их доме не токмо людей, к Библиотеке и Кунсткамере не принадлежащих, но и аглинское пиво немалым числом бочек, о чем из Правительствующего Сената насылались в Канцелярию Академии наук указы»*[5].

О том, сколь далеки от интересов дела были решения и поступки Тауберта, свидетельствует и история с размещением академических де-

[1] Записки императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VII. С. 122.

[2] Ломоносов М.В. Представление президенту АН об отдаче И.И. Тауберта под следствие // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 246–250.

[3] Там же. С. 249.

[4] Ломоносов М.В. Записка о служебных преступлениях и упущениях И.И. Тауберта // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 250–255.

[5] Там же. С. 250.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

партаментов в приобретенном Академией наук для университета и гимназии Строгановском доме. В 1764 г., воспользовавшись болезнью Ломоносова и его отсутствием в Академии, Тауберт начал перестройку дома не для учебных департаментов. Он решил разместить под одной крышей Анатомический театр, «кунсткамерские вещи», типографские и Книжной лавки «магазейны», а также квартиры анатома и астронома и других академических служащих[1].

Доводы Ломоносова против размещения этих академических департаментов в одном здании с жилыми помещениями полны здравого смысла: *«Анатомический театр должен быть не в жилом доме, но в одинаком месте, ибо кто будет охотно жить с мертвецами и сносить скверный запах? <…> И сам анатомик с фамилией едва ли при такой мерзости может вести чистую экономию. <…> Астроному также едва ли приятно будет такое соседство»*[2]. *«Для кунсткамерных вещей, —* с досадой и горечью писал Ломоносов, — *искать новой квартеры стыдно, затем что починка погоревших палат идет уже около двенадцати лет и суммы изошло до тридцати тысяч»*[3].

Ломоносов справедливо заключил, что *«изо всего сего непристойного помещения людей и вещей разного рода, как в некоторый народный трактир, коим без шумов и опасности вместе быть нельзя, явствует, что сия покупка учинена и дом оторван от Университета и Гимназии без основания»*[4]. Президент Академии внял доводам Ломоносова и распорядился отвести дом Строгановых под гимназию и университет[5].

При жизни Ломоносова вопрос о финансовых злоупотреблениях И. Тауберта так и не рассматривался. Лишь после того как при президенте Академии наук К.Г. Разумовском была введена должность директора Академии и им был назначен В.Г. Орлов (с 1766 по 1774 гг.) статскому советнику Тауберту было запрещено самостоятельно заключать подряды по Кунсткамере и Библиотеке под угрозой того, что при нарушении этого распоряжения подряды оплачиваться не будут[6].

---

[1] Ломоносов М.В. Краткая история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 300.

[2] Ломоносов М.В. Представление в Канцелярию АН об отводе дома Строгановых под Университет и Гимназию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 598–602.

[3] Там же. С. 600.

[4] Там же. С. 601.

[5] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 534. Л. 145.

[6] Там же. Д. 537. Л. 117 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Проверка фондов этих учреждений началась уже после смерти Ломоносова, в 1767–1768 гг.[1] То, что Тауберт был не чист на руку, видимо, было общеизвестно. П.П. Пекарский приводит следующие факты. В сентябре 1765 г. Г.Н. Теплов по требованию Екатерины II запрашивал в Академии наук необходимые императрице бумаги из собрания графа Я. Брюса. Узнав, что бумаги хранятся в Академии наук, Екатерина написала, что тогда их и спрашивать не для чего, *«понеже верно украдены»*. Прочитав отметки Тауберта об уничтожении «*за ненадобностью» «большого свертка русских книг»* и *«разных письменных каталогов»* из того же собрания Брюса, императрица отреагировала: *«Тоже выкрал»*[2].

Ситуация бесконтрольности в Кунсткамере была еще при И.Д. Шумахере. В «Краткой история о поведении Академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» Ломоносов отметил те *«пункты»*, по которым Шумахер был официально изобличен специальной комиссией, созванной по жалобе академиков, но настроенной к Шумахеру *«доброхотно»*: *«1) что он содержал у себя под именем кунсткамерских служителей четырех лакеев, водил в своей либерее, кои никакого в Кунсткамере дела не имели, на академическом жалованье по 24 рубли на год, на что издержал казенных денег с лишним 1400 р.; 2) что определенные деньги по потчевание гостей, в Кунсткамеру приходящих, по четыреста рублев на год держал на себя и присовокупил к своему жалованью, чтобы не давать никакого отчету, чего всего истрачено было больше семи тысяч рублев; 3) что он держал казенную французскую водку, коя имелась всегда для кунсткамерских вещей, употреблял на свои домашние потребы»*[3].

«Библиотека и Кунсткамера имеет расположение толь же худо, как и прежде», — писал с горечью Ломоносов[4]. Причем их положение, как и состояние Физического кабинета, Обсерватории, Ботанического сада, становилось с годами только хуже. В 1763 г. *«по должности»* (как член Канцелярии) и *«по совести»* Ломоносов писал *«о весьма худом состоянии самых нужнейших академических департаментов»*, которые

[1] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 537. Л. 233; Там же. Д. 2243. Каталог находящимся в Императорской Кунсткамере всяким художественным и редким вещам, вновь ревизованным в 1768 г.

[2] Пекарский П.П. История Императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 665.

[3] Ломоносов М.В. Краткая история о поведении Академической Канцелярии… // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 278.

[4] Ломоносов М.В. Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской Императорской академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 13.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

«*лежат бесполезны, в плачевном состоянии*», а *«жалованье и другие расходы из казны тратятся напрасно»*[1]. В одном из документов Ломоносов приводит пример с принятием на академическую службу егеря *«якобы для стреляния птиц и зверей в Кунсткамеру, а подлинно для удовольствия чьей-то поварни»*[2].

Из предложений М.В. Ломоносова по пересмотру штата Академии наук становится ясно, что Кунсткамере и Библиотеке ученый придавал прежде всего научное значение: *«Академия Наук, Университет, Гимназия, Библиотека и Кунсткамера одинаково имеют дело с наукой, более того, они связаны между собой тесными узами»*[3]. Ученый считал, что ведать Кунсткамерой и Библиотекой должен не сотрудник академической Канцелярии, а ординарный академик *(«будет ведать книгами и произведениями природы и искусства»*[4]) с прибавкой к жалованью. К нему из адъюнктов необходимо придать двух помощников, которые *«будут под надзором библиотекаря хранить книги и редкости в порядке и чистоте»*[5].

В обязанности академикам вменялось и смотрение за такими департаментами, как Анатомический театр, Обсерватория, Физический кабинет, Ботанический сад и ботанические коллекции. Астроном, имеющий в своем распоряжении Обсерваторию, должен заботиться о снабжении ее инструментами, для чего в Академии есть Мастерская палата и на что в бюджете имеются деньги. Часть инструментов он должен предоставить своему адъюнкту и студенту, чтобы они могли приобретать навыки астрономических наблюдений, а порой и подтверждать точность наблюдений академика. Ординарный академик физики имеет в своем распоряжении Физическую экспериментальную палату и должен стараться, чтобы она была снабжена необходимыми инструментами, особенно «*новейшего изобретения других и его собственного»*. Использовать инструменты *«для приращения натуральной науки новыми опытами»* может не только академик, но и адъюнкт и студент.

Ботаник, он же профессор натуральной истории, содержит *«Академический Ботанический сад, оранжерею, семена и сушеные травники, все в исправном и надобном числе и количестве».* Хорошо, если Ботанический сад будет в порядке и красив, *«дабы показать не стыдно было посторонним любителям сея науки. В оранжерее содержать иностранные травы,*

[1] СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2. Л. 176–177 об.

[2] Ломоносов М.В. Записка о необходимости преобразования Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 39.

[3] Ломоносов М.В. Предположения об устройстве и уставе Петербургской академии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 118.

[4] Там же. С. 128.

[5] Там же. С. 130.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

сколько допустит здешний климат и сколько требуется к показанию ботанических разных систем для наставления учащихся»[1]. Анатом *(«анатомик»* у Ломоносова) должен заботиться о Кунсткамере, изготовляя *«анатомические препараты частей человеческих и других животных, <…> когда в ней что из таковых вещей обветшает или попортится»*. Он должен содержать в порядке и Анатомический театр. В его же обязанности входит и знание зоологии, *«т.е. натуральной истории животных»*.

Заботился М.В. Ломоносов и о пополнении фондов Кунсткамеры, прежде всего столь хорошо знакомых ему минералогических коллекций. В апреле 1757 г. он передал в Кунсткамеру образцы цветных стекол, находившихся в Химической лаборатории на Васильевском острове (два ящика)[2]. Судьба этих музейных экспонатов, созданных Ломоносовым и переданных им в дар Кунсткамере, довольна интересна и символична. До образования Минералогического музея как самостоятельного учреждения (1836 г.) ломоносовские *«чудесные стекла-самоцветы»* (выражение В.В. Данилевского) находились в составе коллекций Кунсткамеры. В 1920-е годы они были переданы в Институт археологической технологии Академии истории материальной культуры, а затем в Государственный Эрмитаж. В 1948 г. при создании фондов и экспозиции Музея М.В. Ломоносова из Эрмитажа в новый музей были переданы *«баночки с образцами ломоносовских смальт»* (Акт № 286 от 5 октября 1948 г.).

Несмотря на то что факт этот был известен[3] и ломоносовский дар Кунсткамере использовался даже для изучения технологии стекольного производства, разработанной ученым[4], до недавнего времени эти экспонаты не только не считались мемориальными объектами, но и не были доступны посетителям Музея. Для нас же эти великолепные по чистоте цвета образцы стекла являются своеобразным символом, напрямую соединяющим Кунсткамеру времен М.В. Ломоносова с Кунсткамерой нынешней — Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

---

[1] Ломоносов М. В. Проект регламента Академии наук // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 148.

[2] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 527. Л. 149–151; Д 501. Л. 69; Д. 502. Л. 199 об.; Д. 221. Л. 281–281 об.

[3] Безбородов М.А., Ченакал В.Л. Химико-технологическое и микроскопическое исследование огнеупоров Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 91.

[4] Там же. С. 83–99; Ченакал В.Л. Станок Ломоносова для формовки четырехгранных стеклянных брусков // Ломоносовский сборник: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 113.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.Б. Свердлов

К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ М.В. ЛОМОНОСОВЫМ ДЛЯ ВОЛЬТЕРА в 1757–1759 гг.

И.И. Шувалов предложил Вольтеру написать «Историю Российской империи при Петре Великом» в особых условиях подготовки русско-французского договора, направленного против прусского короля Фридриха II, и начала Семилетней войны (1756–1763)[1]. В письме к И.И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. М.В. Ломоносов назвал это решение так: *«Непременное ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженныя памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках»*[2]. Но Вольтер при написании этого труда ставил перед собой иные задачи.

Ранее Вольтер уже рассматривал деятельность Петра. В «Истории Карла XII», написанной и позднее дополненной в 1720–1730-е годы, он положительно оценил конструктивный характер петровских преобразований в сравнении с разрушительной для Швеции активностью ее короля[3]. В «Анекдотах о царе Петре Великом», написанных и изданных во второй половине 1740-х годов в обстоятельствах напряженных российско-французских политических отношений, Вольтер изложил концепцию развития России в мировом контексте как следствия закономерности исторического прогресса, современного уровня развития эко-

[1] Копанев Н.А. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // Вольтеровские чтения: Материалы международных конференций. СПб., 2009. Вып. 1. С. 35.

[2] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 10. С. 524.

[3] Voltaire. Histoire de Charles XII. Amsterdam, 1739. T. II. Nouvelle Edition revue, corrigée, augmentée de beaucoup de particularités trés-interessantes, et imprimée sur le Manuscrit de l'Auteur.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

номики, культуры и состояния *«нравов»*. Основное содержание деятельности Петра Великого, по Вольтеру, — приобщение России к этой цивилизации, противопоставленной *«варварству»*. Он написал о многих преобразованиях Петра, отметив также негативные проявления характера и поступков царя, российской общественной жизни. Такое позитивное, но критическое отношение к личности Петра Вольтер распространил в редких замечаниях и на деятельность императрицы Елизаветы Петровны в тех случаях, когда она противоречила деяниям отца[1].

В этих критических замечаниях Вольтера прослеживается его реакция на несоответствие в делах Петра Великого и российской действительности просветительским идеалам, тогда как напряженное состояние российско-французских отношений позволило эту критику изложить во Франции публично. Возможно, скрытой критикой Вольтером современных российских властей стало возвеличивание преобразовательной деятельности Петра в противоположность ее свертыванию в правление Елизаветы.

В новых политических обстоятельствах второй половины 1750-х годов и разрабатываемой Вольтером концепции философии истории, нашедшей обобщающее выражение в «Опыте о нравах и духе народов» (1765–1769), автор «Истории Российской империи при Петре Великом» нуждался в новых фактах, которые свидетельствовали бы о многообразной деятельности царя.

К 1747 г. Вольтер уже прочел книги о России, изданные на Западе. Теперь к нему стали поступать переведенные на французский язык значительные материалы, которые по инициативе И.И. Шувалова подготовили для него российские историки. Эти материалы не датированы и не указаны люди, которые их для Вольтера готовили. Наряду с такими рукописными материалами Вольтеру было отправлено «Слово похвальное Петру Великому» М.В. Ломоносова, а когда в 1760 г. был опубликован ломоносовский «Краткий Российский летописец», то ему послали французский перевод и этого произведения.

По наблюдениям Е.Ф. Шмурло, Вольтер получил с курьером первый «пакет» с материалами 17 июля 1758 г.[2] В дополнение к нему из Петер-

[1] Voltaire. Anecdotes sur le Csar Pierre le Grand // Oeuvres de Mr. de Voltaire. Nouvelle édition revue, corrigée et considerablement augmentée par l'Auteur. Dresde, 1748. T. II.

[2] Шмурло Е. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929. С. 57–59; М. Мерво датирует получение первого «пакета» более широко — летом 1758 г.: Mervaud M. Introduction // Voltaire. The Complete Works. Oxford, 1999. Vol. 47. P. 106–109.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

бурга был получен Вольтером в мае 1759 г. второй «пакет»[1]. В обоих «пакетах» содержались переводы исторических источников, статистические материалы и специально для Вольтера подготовленные очерки. Были и другие поступления из Петербурга. Так что всего в распоряжении Вольтера оказалось более 120 таких рукописей[2]. Впрочем, по подсчетам М. Мерво, Вольтер использовал лишь около половины из «русских» по происхождению рукописей — 55 из 120. Многие российские и иностранные источники он не учитывал, модифицировал или использовал ограниченно[3].

В распоряжении Вольтера оказались многочисленные материалы, содержавшие сведения о деятельности и личности Петра Великого: некоторые его указы, отрывок «Поденной записки», хронологические перечни его деяний и сведения о разных событиях в отдельности, от его рождения до смерти, о членах его семьи, «анекдоты» о международных переговорах Петра и его послов, о заключении международных договоров, письма Петра к адмиралу Ф.М. Апраксину и П.П. Шафирову, копии писем других персон, материалы о коронованных особах других государств, а также прочих лиц, российских и зарубежных.

Отдельные сочинения (mémoires) и бумаги содержат сведения о государственных доходах, истории торговли, происхождении и состоянии армии и флота, состоянии фабрик и мануфактур, строительстве городов, крепостей, портов, дорог и отдельных зданий, полиции, законодательстве (в частности, законодательстве военном), состоянии церкви, духовных лиц и реорганизации церковного управления, а также о религиях, которые почитаются в России. Особые материалы относятся к восстаниям стрельцов, предательству Мазепы, делу царевича Алексея, заговорам и интригам. Этногеографические описания посвящены России, особенно Петербургу, Москве и даже Камчатке[4]. Эти материалы мало привлекались для изучения российской исторической науки середины XVIII в.

Особой научной проблемой является участие М.В. Ломоносова в подготовке материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом».

Уже П.П. Пекарский, изучая научную деятельность М.В. Ломоносова, остановился на этом вопросе. Из приведенного им письма Ломоносова от 2 сентября 1757 г. к И.И. Шувалову следовало, что ученый был

[1] Mervaud M. Introduction… P. 109–111.

[2] Альбина Л.Л. Вольтер-историк в своей библиотеке // Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 148.

[3] Mervaud M. Introduction… P. 171–177.

[4] Voltaire. The Complete Works. Oxford, 1999. Vol. 47. P. 990–1043.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

готов отправить Вольтеру *«сокращенное описание дел»* Петра Великого, имеющиеся у него «записки о трудах великого нашего монарха». Сам он хотел подготовить *«краткий экстракт из летописцев наших» «о состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича»*. В письме от 10 октября того же года Ломоносов сообщил Шувалову, что он уже подготовил *«сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов»*, тогда как *«сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора»* он *«старается» «привести к окончанию подобным образом»*[1].

Таким образом, проблема участия М.В. Ломоносова в подготовке материалов для труда Вольтера была в научной литературе поставлена. Но долгое время она оставалась неизученной. Е.Ф. Шмурло в своем исследовании, посвященном написанию и изданию Вольтером «Истории Российской империи при Петре Великом», сосредоточился на критических замечаниях российских ученых в связи с этим трудом и на дискуссии с ними его автора. А.И. Андреев отметил работы М.В. Ломоносова, посвященные российской истории, в более широком контексте его интересов к географии и этнографии. В этой связи он предпринял анализ конволютов рукописей, присланных Вольтеру из Петербурга и хранящихся ныне в Российской национальной библиотеке. В их составе он выделил те работы, которые, по его мнению, принадлежали перу М.В. Ломоносова[2].

Вопрос о мере участия Ломоносова в отборе и подготовке материалов для вольтеровской «Истории Российской империи» стал особо важен в связи с работой над «Полным собранием сочинений» великого ученого во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX в. Редакция этого академического издания сочла достоверным определение авторства Ломоносова лишь одной из петербургских рукописей, хранящихся в Библиотеке Вольтера. Это переведенные на французский язык очерки, первый из которых озаглавлен «Mémoire sur la première révolte des strélitz en 1682» («Записка о первом восстании стрельцов в 1682 г.»).

В этих очерках, или «экстрактах», как они именовались в период подготовки материалов для Вольтера, повествовалось о пяти стрелецких восстаниях в 1682–1698 гг., а также о правлении царевны Софьи. Они

[1] Пекарский П. История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. II. С. 617–618.

[2] Андреев А.И. Ломоносов и Крашенинников // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 286–296; он же. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России // Там же. С. 297–301; он же. Труды Ломоносова по географии России // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 130–143.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

были обоснованно идентифицированы с подготовленным М.В. Ломоносовым *«описанием стрелецких бунтов»* и опубликованы в его полном собрании сочинений на французском и русском языках под условным названием «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». В примечаниях к ним были указаны исторические источники, которыми пользовался М.В. Ломоносов при написании очерка.

Относительно других «экстрактов», которые он готовил для труда Вольтера («Сокращенное описание дел государевых Петра Великого» и «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора») в примечаниях к этой публикации отмечено, что они не сохранились[1].

Позднее Е.С. Кулябко и Н.В. Соколова обратили внимание на содержащуюся в первом томе вольтеровских материалов к «Истории Российской империи» анонимную рукопись «Abrégé chronologique des événements les plus remarcables de règne de Pierre I» («Краткое хронологическое изложение событий, наиболее замечательных в правление Петра I» (далее «Abrégé»)[2]. Они датировали эту рукопись по филиграни «Pro Patria» 1762 г. По их наблюдениям, это был беловик, подготовленный Г.Ф. Миллером для Вольтера, тогда как черновики рукописи и материалы к ней находятся в «Портфелях» Миллера, хранящихся ныне в Российском государственном архиве древних актов. По мнению Е.С. Кулябко и Н.В. Соколовой, Г.Ф. Миллеру для ускорения работы помогали И.И. Тауберт и И.С. Барков. Определили они также основные исторические источники, которыми пользовались Г.Ф. Миллер и его помощники[3].

Против таких наблюдений решительно возразила Г.Н. Моисеева. По ее наблюдениям, в том же первом томе вольтеровских материалов наряду с «Abrégé» содержалась другая, более краткая хронологическая таблица — «Tables chronologiques des Faits Mémorables apparténants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand» («Хронологические таблицы памятных фактов, относящихся к истории императора Петра Великого»; далее — «Tables»)[4]. Филиграни первой из них датировались 1753-м г., второй — 1741–1759 гг. На первом листе «Abrégé» была сделана приписка: «Quoique Monsieure de Voltaire ait dejà une première Copie de cet Abrégé, on a cru devoir une seconde parceque depuis on y a fait plusieurs

[1] Библиотека Вольтера РНБ (далее БВ РНБ). Рукописи. 5–242. Т. 2. Л. 384–400; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 97–161, 568–572.

[2] БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 1. Л. 302–312 об.

[3] Кулябко Е.С., Соколова Н.В. И.С. Барков — ученик Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1965. Т. 6. С. 274–277.

[4] БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 1. Л. 302–312 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

addition» («Хотя у господина де Вольтера уже есть первая копия этого Краткого изложения, посчитали обязанным подготовить вторую, поскольку позднее в нее были сделаны некоторые дополнения». Перевод наш. — *М.С.*).

Г.Н. Моисеева отметила авторов, известия которых были дополнены в «Abrégé», — Ле Брюна, Д. Перри, Г. Адлерфельда, Й. Нордберга, Ф.И. Страленберга. Указанные при этом страницы книг данных авторов позволили ей определить издания, которые были использованы для дополнений в «Abrégé». По ее наблюдениям, последняя по времени из этих книг (Ф.И. Страленберга) была опубликована в 1757 г.

Г.Н. Моисеева установила также русский текст, более ранний список которого был использован для французского перевода, выполненного для Вольтера, — «Сокращенное описание дел государя Петра I»[1]. В нем есть те дополнения, которые присутствуют в «Abrégé» и отсутствуют в «Tables». Определяющим фактом для Г.Н. Моисеевой в атрибуции «Abrégé» М.В. Ломоносову стало отнесение «потешных» полков Петру I в 1683 г., поскольку Г.Ф. Миллер написал в одной из своих поздних работ, что они были набраны в 1687 г. и при активном участии Ф. Лефорта. Так как в «Abrégé» учреждение «потешных» полков отнесено к 1683 г., этот факт стал для Моисеевой решающим аргументом в пользу отнесения данного произведения к творчеству М.В. Ломоносова[2].

Вероятно, эти наблюдения Г.Н. Моисеевой оказались достаточными для М. Мерво и его сотрудников. Поэтому в подготовленной ими описи рукописей, присланных из Петербурга Вольтеру, «Abrégé» указана как принадлежащая авторству М.В. Ломоносова, а следующие за ней в конволюте «Tables» приведены без авторской атрибуции, но как первая версия предшествующей рукописи. Они отметили также существование трех присланных из Петербурга рукописей, находившихся в распоряжении Вольтера. Одна из них озаглавлена «Abrégé des annales Russes avec la Généalogie composé par M. Lomonossoff à St. Petersbourg» («Краткое изложение русских летописей с генеалогией, составленное М. Ломоносовым в Санкт-Петербурге»). Но, по мнению М. Мерво, Вольтер эти рукописи не использовал, поскольку они содержали подробности о древнерусских правителях, а они не представляли для него интереса. Вольтер ограничился лишь панегириком М.В. Ломоносова Петру Великому[3].

[1] Архив СПб Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 698. Л. 1–12.

[2] Моисеева Г.Н. Из архивных разысканий о Ломоносове («Сокращенное описание дел государя Петра I») // Русская литература. 1979. № 3. С. 123–131.

[3] Voltaire. The Complete Works… T. 46. P. 107, 163; T. 47. P. 990, 994.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Все сделанные ранее наблюдения важны для атрибуции «Tables» и «Abrégé» (прежде всего, обоснованно установленное временно́е первенство «Tables»), а также для изучения вопроса об участии М.В. Ломоносова в подготовке материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера.

В первых по времени «Tables» «начало двух гвардейских полков, Преображенского и Семеновского, под именем “потешных”» отнесено к 1683 г., что соответствует мнению М.В. Ломоносова, как установила Г.Н. Моисеева, а также тексту «Сокращенного описания». Текст «Tables» действительно во многом тождествен «Сокращенному описанию». Но в нем нет дополнений и ссылок на использованные исторические произведения, сделанных неизвестным редактором в первоначальном тексте, как это написано в «Сокращенном сказании». Некоторые изменения имеют характер литературного редактирования. В тексте «Tables» нет некоторых исторических событий, которые указаны в «Сокращенном описании», но содержатся такие исторические подробности, которых в «Сокращенном описании» нет. Эти дополнения, в частности, далеки от жизненного и научного опыта Г.Ф. Миллера, но близки М.В. Ломоносову.

Текст в «Сокращенном описании» под 1699 г. «Учреждение в Москве школы для мореплавания» передан в «Tables» близко по содержанию к «Учреждению Морской академии в Москве» («L’établissement d’une Académie maritime à Moscou»), но здесь же добавлено по-французски — «sur la tour de Souhareff» («на Сухаревой башне)». Для М.В. Ломоносова, который долго жил в Москве, это дополнение было необходимо в отличие от использованного им источника.

Вероятно, хорошим знанием Москвы первой трети XVIII в. М.В. Ломоносовым объясняется другая приписка в «Tables». Если в «Сокращенном сказании» кратко написано под 1707 г. — «Укрепление Москвы» — и указаны соответствующие страницы труда Д. Перри, то в «Tables» сообщается конкретно: «Городские укрепления Москвы перестроены заново» («La ville de Moscou fut réfortifiée de nouveau»).

В «Сокращенном описании» под 1701 г. написано со ссылкой на страницы сочинения Ле Брюна: «Начали строить у города Архангельского крепость, называемую Новая Двинка». В «Tables» строительство Новодвинской крепости соотнесено с путешествием Петра в Архангельск, а ее возведение указано как совершившийся факт, что также было хорошо известно М.В. Ломоносову: «Путешествие Его величества Петра Первого в Архангельск, где им была построена (fit batu) новая крепость, названная Новая Двинка».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В «Tables» и в «Сокращенном описании» содержится под 4 июля 1719 г. совпадающий первоначальный текст об отправлении в Китай в качестве посла гвардии капитана Льва Васильевича Измайлова. В первом из этих произведений указано также, что позднее Измайлов стал генерал-лейтенантом. Происхождение этого дополнения неясно. Но поскольку он получил этот чин в 1734 г., отсюда следует, что данное разъяснение о высшем в его карьере воинском чине появилось в хронологической таблице после этого года.

К постоянным интересам Ломоносова-химика, одного из постоянных участников в организации фейерверков по поручению властей и административного руководства Академии, относится дополнительная запись в «Tables» о «начале» пороховой фабрики на Охте 10 декабря 1719 г.

13 февраля 1757 г. распоряжением К.Г. Разумовского М.В. Ломоносов был назначен советником академической Канцелярии, а 24 марта 1758 г. ему был поручен контроль над академическими Историческим и Географическим собраниями, а также университетом и гимназией. В соответствии с новыми обязанностями М.В. Ломоносова как руководителя Географического департамента в «Tables» содержатся сведения, отсутствующие в «Сокращенном сказании»: «основание» «Царицынской линии», т.е. военной оборонительной системы (1719 г.), «основание» речного порта в Гжатске, «чтобы более облегчить внутреннюю торговлю империи» (1720 г.).

Установленные в «Tables» дополнения численно невелики в сравнении с «Сокращенным сказанием» и соответственно с «Abrégé». Все они, кроме разъяснения о будущем повышении в чине Л.В. Измайлова, соотносятся с обстоятельствами жизни и деятельности М.В. Ломоносова и находятся на периферии интересов Г.Ф. Миллера. Поэтому можно предположить, что эти дополнения, а также редакционные изменения внесены в уже существовавшую хронологическую таблицу Ломоносовым.

Если это предположение верно, то появление «Tables chronologiques des Faits Mémorables apparténants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand» в редакции М.В. Ломоносова можно объяснить таким образом. Когда Ломоносов получил от И.И. Шувалова предложение принять участие в подготовке материалов для заказанного Вольтеру труда о Петре Великом, он, как отмечено ранее, в письме от 2 сентября 1757 г. предложил Шувалову отправить Вольтеру для составления *«краткого плана» «сокращенное описание дел государевых, которое я имею»*[1].

[1] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 10. С. 525.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Это «сокращенное описание» представляло собой хронологическую таблицу, которая уже давно, во времена работ российских и иностранных авторов над историей Петра Великого в 1720-е годы по инициативе П.П. Шафирова, Б.И. Куракина и Г. Гюйссена, была для них подготовлена (мысль о существовании такой таблицы в разговоре с нами высказал также Н.А. Копанев). В полной мере осознавая важность такой таблицы для работы Вольтера и составления его «краткого плана» будущей «Истории Российской империи при Петре Великом», Ломоносов в короткий срок, к лету 1758 г. (первый «пакет» материалов для Вольтера), отредактировал имеющийся у него список таблицы, внес в нее небольшое число дополнений и передал этот отредактированный экземпляр И.И. Шувалову для пересылки Вольтеру.

В отличие от М.В. Ломоносова Г.Ф. Миллер, которого И.И. Шувалов также привлек к подготовке материалов для Вольтера, действовал неспешно. Подобно Ломоносову, в основу своей работы он положил список той же хронологической таблицы. Но Миллер и его возможные помощники существенно дополнили ее многочисленными сведениями о Российской империи в правление Петра Великого из опубликованных и рукописных материалов того времени. При этом в рабочем экземпляре во многих случаях они указывали книги и страницы, откуда данные сведения заимствовались. О такой работе свидетельствуют найденные Е.С. Кулябко и Н.В. Соколовой в «Портфелях» Г.Ф. Миллера черновики этой хронологии и материалы к ней, а также список с рабочего экземпляра Миллера, открытый Г.Н. Моисеевой в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Беловиком новой редакции хронологии, подготовленной Миллером, стал, как установили Е.С. Кулябко и Н.В. Соколова, «Abrégé chronologique des événements les plus remarcables de règne de Pierre I», сохранившийся в бумагах Вольтера[1].

Такое происхождение присланных из Петербурга двух различающихся редакций хронологической таблицы объясняет появление в «Abrégé» хранящейся в бумагах Вольтера ранее приведенной надписи, в которой сообщалось, что корреспондент французского философа и историка посчитал необходимым подготовить для него дополненное «Краткое изложение» деяний Петра Великого, хотя у него уже есть ранее присланный экземпляр с их перечнем и хронологией. Отсюда становится очевидным, что «Abrégé» подготовлен Миллером, а по объективным причинам более краткие «Tables» — Ломоносовым.

[1] Кулябко Е.С., Соколова Н.В. И.С. Барков... С. 277.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Поэтому можно сделать вывод, что в замечательном по научным достоинствам издании М. Мерво трудов Вольтера в полной мере обосновано временно́е соотношение «Tables» и «Abrégé», но «Tables» не являлись, как считают издатели, первой редакцией (version) «Abrégé». Напротив, «Tables» и «Abrégé» — самостоятельные произведения, созданные на основе ранее существовавшей хронологической таблицы. Первое из них относится к творчеству Ломоносова, а второе подготовлено Миллером, но не Ломоносовым, как указано в издании М. Мерво.

В пользу такого вывода свидетельствует состав и содержание сборника работ, хранящегося в Архиве СПб ИИ РАН[1] и введенного в научный оборот Г.Н. Моисеевой. Она не обратила внимания на то, что в этом сборнике после «Хронологических записок достопамятных в России происшествий со времени рождения государя императора Петра I», текстуально и содержательно совпадающих с «Abrégé», находится другая таблица, озаглавленная «Города, крепости, морские гавани, каналы, дороги и другие публичные строения, сооруженные Петром I или по его величества указам». Этот заголовок соответствует тексту письма, отправленного в 1759 г. секретарем И.И. Шувалова бароном Т.Г. Чуди (шевалье де Люси): «Г-на профессора Миллера весьма настоятельно просит его превосходительство камергер Иван Иванович Шувалов соблаговолить потрудиться собрать наиболее важные сведения о различных общественных сооружениях, как города, большие дороги, каналы и порты, построенные по повелению Петра Великого, чтобы послать это собрание г-ну Вольтеру»[2].

Таким образом, таблица «Города, крепости, морские гавани» стала исполнением Г.Ф. Миллером поручения И.И. Шувалова, который собирался дать ответ на вопрос Вольтера на данную тему, направленный в Россию в 1759 г.[3] Но эта таблица содержательно и текстуально совпадает в значительной мере с «Хронологическими записками».

[1] Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 698.

[2] Это письмо открыто в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук: Кулябко Е.С., Соколова Н.В. И.С. Барков... С. 276.

[3] О 16 вопросах по спискам Г.Ф. Миллера, заданных Вольтером в 1759 г. в связи с написанием «Истории Российской империи», см.: Шмурло Е. Вольтер… С. 212–226; Платонова Н. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 2–11.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

«Хронологические записки»	«Города, крепости, морские гавани»
1696. Начальное копание **канала к соединению Волги с Доном**. **Перри**, с. 3 (л. 4).	**1696–1699–1701. Канал для соединения рек Дона и Волги начат в 1696-**м полковником Брекелем, продолжаем в 1699–1701-м капитаном Пери. Смотри Записки сего **Перри** (л. 13).
1702. Начало копания **канала между реками Доном и Окою**. **Le Brun, tome I, p. 61** (л. 5).	**1702. Канал для соединения рек Оки и Дона начат в 1702-м. Ле Брионь** упоминает о сем в **томе I на с. 61** его путешествий (л. 13 об.).
1703 февраля 1. Отъезд Петра I на Воронеж. **Le Brun**, p. 69. Прибытие в **город Ораниенбург, построенный тогда князем Меншиковым**. **Там же, с. 61** (л. 5 об.).	**1703**. **Ораниенбург, город** на Московской **к Воронежу** дороге **построен князем Меншиковым в 1703-**м году. Смотри **ле Брионя в вышеуказанном месте** (л. 13 об.).
1706. Новые учреждения в Москве для **медицины**. **Le Brun. Tome II, p. 419–420** (л. 6 об.).	**1706**. Генеральный Гофшпиталь и Главная Аптека в Москве и другие **медицинские** строения в **1706-**м. **Ле Брионь** упоминает о сем **том II, с. 419–420** (л. 14).
1707. **Укрепление Москвы. Перри, с. 22, 23, 24** (л. 6 об.). **1710**. **Начало города Кронштадта. Перри, с. 40** (л. 7 об.).	**1707**. Город **Москва укреплен в 1707-**м. Смотри **Перри, с. 22–24** (л.14 об.). 1713. Здесь то полагается епоха **городу Кронштадту**, хотя **Перри на с. 40 означает начало** онаго **в 1710** <…> (л. 15).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Е.А. Савельева

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК СОЧИНЕНИЯ АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО «ОПИСАНИЯ ТРЕХ ПУТЕЙ ИЗ ДЕРЖАВЫ ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ИЗ ПОМОРСКИХ СТРАН В ШВЕЦКУЮ ЗЕМЛЮ» В СОБРАНИИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК

В 1977 г. фонды Библиотеки Академии наук пополнились небольшим, но очень важным для истории русской науки собранием книг, принадлежавших ранее великому русскому ученому-энциклопедисту М.В. Ломоносову. Общее число книг невелико — всего 54 названия, из них 4 рукописных и 50 печатных[1]. Большая часть из них имеет различного рода пометы и маргиналии, принадлежащие Ломоносову.

Книги были переданы в дар Академии наук СССР из Библиотеки Хельсинкского университета и сразу же привлекли внимание научной общественности, главным образом благодаря многочисленным пометам Ломоносова. Среди этих книг находился и рукописный сборник несколько необычного содержания, получивший в отделе рукописей БАН шифр в фонде текущих поступлений № 1341. Необычным было то обстоятельство, что он открывался копией «Рассуждения», написанного П.П. Шафировым и правленного самим Петром Великим, с издания 1722 г., не представляющего до настоящего времени особой редкости. Судя по бумаге, изготовленной двумя русскими фабриками — Мануфактурколле-

[1] Кукушкина М.В., Лебедева И.Н. Книги из библиотеки М.В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 340–342.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

гией и Затрапезновыми, датированной М.В. Кукушкиной 1752–1759 гг., сборник мог появиться не позднее 1765 г.[1] Однако скорее всего он был составлен в конце 50-х — начале 60-х годов XVIII в.

По своему составу этот сборник состоит из подборки официальных документов Петровского времени, преимущественно свидетельствующих о победах русского оружия во время Северной войны. Он представляет собой конволют из двух аллигатов. Весь текст первой части — первого аллигата сборника — написан железо-галловыми чернилами одним почерком. Исходя из его состава можно предположить, что он был предназначен для Вольтера, который в это время по желанию императрицы Елизаветы Петровны был назначен придворным историографом. Вольтер должен был написать «Историю Российской империи при Петре Великом»[2]. Для его сочинения в Академии наук подбирались официальные документы, которые затем переводились на французский язык и отправлялись Вольтеру.

Известно, что именно в 1757 г. М.В. Ломоносов становится одним из трех советников, поставленных во главе Академической канцелярии. Именно в это время отмечается его повышенный интерес к событиям русской истории. Ломоносов принимал также участие во всех важнейших делах Петербургской Академии наук. Он был согласен с предложением о признании Вольтера официальным историографом России и активно участвовал как в подборе материалов, так и в обсуждении рукописи первого тома Вольтеровской истории[3].

Особая важность первого аллигата этого сборника заключается в том, что среди документов сохранился ряд официальных материалов начала XVIII в., в печатном виде до нашего времени не дошедших. О них можно узнать только по их копиям в настоящем сборнике.

Исходя из содержания сборника и того обстоятельства, что в материалах, посланных из Академии Вольтеру, хранящихся ныне в Российской национальной библиотеке, подборка документов о Северной войне отсутствует, напрашивается вывод, что поступивший в 1977 г. в БАН сборник, также предназначавшийся Вольтеру, отправлен ему не был.

---

[1] Кукушкина М.В. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II. № 12. С. 87–89.

[2] Сочинение Вольтера было опубликовано в двух томах: Voltaire F.-M. Arouet de. Histoire de l’Empire de Russie sous Pierre le Grand, Par l’Auteur de l’histoire de Charles XII. T. 1–2. [Genève]. 1759–1763.

[3] Ломоносов М.В. Примечания // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 91–96.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Видимо, выход в свет его «Истории» сделал для него эти материалы бесполезными. Это же обстоятельство позволяет определить крайнюю дату составления сборника — 1763 г., год выхода в свет первого издания второго тома «Истории» Вольтера. Сборник остался в распоряжении Ломоносова, который использовал главным образом историческую часть Шафировского «Рассуждения» и другие документы при написании своих сочинений, посвященных Петру Великому.

Однако для исследователей гораздо больший интерес представляет второй аллигат этого сборника-конволюта. Он состоит из 12 статей, также связанных с военными событиями времени Петра Великого. Они были включены в лист содержания сборника позднее, чем основная часть сборника. Судя по почерку и чернилам, которыми написан текст, это содержание также было подготовлено уже после того, как сборник попал к Ломоносову и был дополнен новыми материалами. Документы, составившие вторую часть сборника, были вшиты в уже готовый переплет.

Весь второй аллигат написан черными чернилами. Как и его содержание, он был написан курсивным почерком, совершенно непохожим на канцелярский курсив первой части рукописи. Вся вторая часть рукописи написана одним человеком, хотя переписчик использовал разные начерки. Свидетельством того, что в переписке этого собрания материалов участвовал один человек, служит переход на различные начерки на одной странице и даже в одном абзаце. Причем почерка менялись вперемешку. Видимо, это зависело от того, насколько важен тот или иной фрагмент текста для переписчика. Кроме немногих маргиналий на полях, эта часть иных помет Ломоносова не имеет, хотя в первом аллигате они встречаются довольно часто.

Курсивный почерк второго аллигата в основном совпадает с маргиналиями Ломоносова, имеющимися в первом аллигате. Это позволяет предположить, что весь текст второго аллигата также был написан им самим. Об этом свидетельствует и отсутствие помет и иных следов чтения, столь характерных для Ломоносова и встречающихся во всех книгах, которые по различным причинам привлекали его внимание.

В этом аллигате в содержании под пунктом пятым следует статья: «О описании трех путей из России в Швецию и о градах, о Олонце, о Ладоге, о Канце, и других местех». Только в 1977 г. в кратком описании этого сборника М.В. Кукушкина обратила внимание на это сочинение и идентифицировала его как «“Описание о трех путях в Швецию”, соч. Афанасия Холмогорского 1701 г.». В более позднее время эта статья не получила должного освещения. Вероятно, сборники научных трудов от-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

дела рукописной и редкой книги БАН особой популярностью у исследователей не пользовались. Кроме того, в целом содержание сборника, состоявшего в основном из копий опубликованных материалов, не служило предметом пристального внимания исследователей.

Вшитый в конец сборника второй аллигат, написанный другим почерком и другими (черными) чернилами, чем основной текст, не был изучен так, как он того заслуживает. Среди ряда статей этой части находятся два памфлета, текст которых датируется следующим образом. Первого — «Всей Европы монархов карт играние» — началом XVIII в. Второго — «В келии у Петра Мате следующия медали находятся» — 30–40-ми годами того же века. Копии, судя по датировке бумаги, сделанной М.В. Кукушкиной, относятся к концу 50 — началу 60-х годов XVIII в., т.е. ко времени поступления сборника к Ломоносову. В этой же части находится и копия «Трех путей Афанасия Холмогорского», датированная 1701 г.

На эту копию не обратил особого внимания никто, в том числе и новосибирская исследовательница литературного творчества архиепископа Холмогорского Афанасия Т.В. Панич, монография которой была опубликована в 1996 г.[1] Исследованию «Трех путей Афанасия Холмогорского» в ней посвящена отдельная глава. А в приложении приведен текст неизвестного списка: в рукописных фондах Российской национальной библиотеки исследовательница обнаружила список этого сочинения и его опубликовала[2]. В книге дается анализ известных к тому времени трех списков «Трех путей», о четвертом, хранящемся в БАН, исследовательница даже не подозревала.

Впервые этот труд Афанасия Холмогорского был обнаружен в 1838 г. П.Г. Бутковым в составе сборника, поступившего в Имп. Публичную библиотеку с собранием Ф.А. Толстого. Бутков первым опубликовал этот список, датированный 4 марта 1701 г.[3] Однако это издание труда Афанасия Холмогорского особым вниманием исследователей не пользовалось.

Позднее, в 1908 г., тот же список был опубликован В.М. Верюжским в его исследовании, посвященном жизни и трудам Афанасия Холмогор-

[1] Панич Т.В. Литературное творчество Афанасия Холмогорского: «Естественнонаучные» сочинения / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1996.

[2] Там же. С. 173–187. Шифр РО РНБ: РНБ. Собр. Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 424. Л. 2–16.

[3] Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701-м году: подг. к печати П.Г. Бутковым // ЖМВД. 1838 г. Ч. 29. С. 260–295. (По списку из сборника, принадлежащего ранее Ф.А. Толстому. Шифр: F. XVII. 10).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ского[1]. Верюжский первым выдвинул теорию о связи «Трех путей из России в Швецию» с началом Северной войны, что напрашивается из хронологии данного сочинения.

Этой же точки зрения придерживался и И.П. Шаскольский, который считал «Три пути» Афанасия Холмогорского одним из важнейших русских источников, описывающих три известных дороги из Северной России в Швецию. Сочинение Афанасия Холмогорского появилось в самом начале войны и некоторым образом могло способствовать военным действиям Петровской армии, хотя в начале нового тысячелетия еще рано было говорить о походах непосредственно в Швецию[2].

В течение долгого времени толстовский список («Описание трех путей из державы Царского Величества, из Поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их. Сочинися же сие самем Преосвященным Архиепископом Холмогорским Афонасием со свидетельством ведущих людей и теми пути многократне купечески шествовавших, лета господня 1701 г. месяца марта») оставался единственным и считался написанным в 1701 г., хотя в тексте его упоминается 1702 г. В статье «Об Орешке» имеется фраза: *«В том граде шведы строили велми изрядную великую башню, каменную, по нынешнее 1702 лето, лет с 10-ть, а не совершиша»*. Однако поскольку известно, что этот сборник составлен в 1707 г., эта приписка более позднего времени в протографе, находящаяся на полях, при копировании могла быть включена в основной текст. Позднее этот в то время единственный список получил в историографии название «Краткой редакции», после обнаружения более пространного, но менее сохранившегося варианта «Трех путей».

Второй вариант списка «Трех путей из России в Швецию» со многими утратами был обнаружен Л.А. Дмитриевым в библиотеке Саратовского государственного университета в 1958 г. в составе сборника, поступившего туда с собранием И.А. Шляпкина. Этот весьма дефектный текст был опубликован Дмитриевым с необходимыми дополнениями по списку РНБ. В саратовском сборнике список был датирован мартом 1700 г. На этом основании Дмитриев сделал вывод, что в первоначальный список РНБ вкралась ошибка[3].

---

[1] Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 656–665.

[2] Шаскольский И.П. «Описание трех путей» Афанасия Холмогорского // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 260–395.

[3] Дмитриев Л.А. Новый список «Описания трех путей Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год / Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1960. С. 335–349.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Однако если исходить из содержания саратовского списка, связывающего его с северными монастырями, напрашивается другой вывод. Переписчик списка РНБ признал новую Петровскую хронологию, начинавшую новый год с 1 января, тогда как переписчик саратовского списка, близкий к старообрядческим кругам, придерживался старой хронологии, начинавшей год с 1 сентября (перенесение начала года на январь, согласно западно-европейской хронологии, состоялось лишь в 1700 г. и многим было непонятным). Старая дата, скорее всего, связывает этот список со старообрядческой средой. Таким образом, никакой ошибки в датировке текстов обоих списков нет.

Много позже в рукописном отделении РНБ Т.П. Панич был обнаружен третий список «Трех путей» Афанасия Холмогорского в сборнике начала XVII — начала XVIII в. («Книга о разных духовных и мирских вещах»), относящемся к собранию Санкт-Петербургской академии[1].

Вслед за Дмитриевым Панич считает этот текст первоначальным и полагает, что именно с такого варианта и была сделана сокращенная редакция. Однако никоим образом не отрицается и возможность обратного использования текста: краткая редакция текста, опубликованного Верюжским, позднее была дополнена в монастыре новыми материалами.

Судить же о том, какой из этих списков был первоначальным, а какой вторичным, на основании дефектных списков более полного варианта и более поздних по времени возникновения кратких редакций не представляется возможным.

Однако обе близкие по своему содержанию краткие редакции дают более полную картину трех путей из России в Швецию и вполне могли быть использованы при поездках из одной страны в другую.

Список в сборнике, принадлежавшем Ломоносову, имеет целый ряд примечаний, в других вариантах не встречающихся. Они имеют непосредственное отношение к событиям Северной войны и главным образом сообщают о победах русского оружия.

Например, к части, названной «О граде Колыване», имеется следующее примечание: *«1710: Ревель взят благодарственный молебен был на Москве октября в 26 день за радость что у неприятеля по сию сторону моря в Ливонии не осталось во владении пяди как о том ведомость есть»*. К части: «О граде Корелску» имеется следующее примечание Ломоносова: *«710 г. Корелск взят сентября в восмый день»*. В самом конце железо-галловыми чернилами сделана следующая приписка: *«Ныне же иный и другий лучшеи всюду изобретен, и везде ездят»*.

[1] Шифр: РНБ. Собр. Санкт-Петербургской Духовной Академии. № 424. Л. 2–16 об. Экз. дефектный с перепутанными листами. При публикации издатель воспроизводит нужную последовательность текста.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В заключение необходимо отметить, что список «Трех путей Афанасия Холмогорского» в сборнике БАН, находившемся ранее в собственной библиотеке М.В. Ломоносова, очень интересен по оформлению. Как уже было сказано, он написан одной рукой одинаковыми черными чернилами, но почерк в тексте постоянно изменяется в зависимости от степени важности текста, которую придает сообщениям переписчик. Причем между различными начерками одного и того же текста нет никаких промежутков, свидетельствующих о том, что рукопись писалась разными людьми. Поэтому напрашивается вывод, что весь текст «Трех путей» написан одним человеком.

Поскольку основной курсив большей части второго аллигата близок к пометам Ломоносова, можно предположить, что она также переписана Ломоносовым для собственных нужд.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

А.В. Фролова, Л.В. Винтухова, Т.М. Голубева, А.В. Дубовик

ИДЕИ М.В. ЛОМОНОСОВА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ ГОРОДСКОГО ЦЕНТРА МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ И ЕГО МУЗЕЯ ГИГИЕНЫ

М.В. Ломоносов входит в плеяду великих исторических деятелей России, значение которых трудно переоценить. Последние века, насыщенные эпохальными политическими событиями, не могли не отразиться на социально-экономической жизни страны и, естественно, на главном, результирующем показателе ее благополучия — уровне здоровья населения. XXI век, характеризующийся наряду с бурным техническим прогрессом практически повсеместным ухудшением здоровья людей и негативными демографическими тенденциями, выводит проблему сохранения биологических основ жизни на новый уровень. По мнению многих ученых, эта проблема приобретает планетарный характер, несмотря на сохраняющиеся национальные (государственные) различия и широкий разброс показателей здоровья населения.

Спустя почти три века траектория времени делает не только возможным, но и необходимым обращение к фундаментальным научным постулатам, высказанным величайшим русским мыслителем М.В. Ломоносовым.

Особняк на Итальянской улице 25, в котором в настоящее время располагается Музей гигиены и Центр медицинской профилактики, своими историческими корнями связан с именем М.В. Ломоносова. Первым владельцем особняка был граф Иван Иванович Шувалов — видный общественный деятель, меценат, основавший Академию художеств в Санкт-Петербурге и принимавший совместно с М.В. Ломоносовым непосредственное участие в открытии Московского университета. Особ-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

няк И.И. Шувалова был очень популярен среди высокопоставленных лиц имперской столицы, писателей, художников, ученых. По дошедшим до нас историческим упоминаниям, М.В. Ломоносов часто бывал в этом особняке.

Иногда к гостям присоединялся представитель литературного классицизма поэт А.П. Сумароков, начинавший свой путь как последователь М.В. Ломоносова. Далее их пути разошлись, и, как свидетельствует молва, камин в угловой гостиной особняка, сохранившийся до сих пор, был свидетелем не только дружеских бесед, но и серьезных словесных баталий. У этого камина И.И. Шувалов и М.В. Ломоносов обсуждали многие важные вопросы жизни государства. Нередкими были визиты в особняк императрицы Елизаветы Петровны, которая высоко ценила талант и масштаб личности этих двух людей.

Находясь в помещении бывшей гостиной и обращаясь к посетителям, сотрудники музея иногда говорят: «Немного фантазии — и вы имеете возможность прикоснуться к той далекой эпохе, реально ощутив связь времен».

Говоря о концептуальной связи эпохи М.В. Ломоносова и наших дней, представляется возможным выделить некоторые направления деятельности ученого:

- внимание к проблеме здоровья народа и сохранения демографического потенциала России;
- теоретическая разработка и внедрение в биологическую науку микроскопических исследований;
- изучение космического пространства и отдельных планет в связи с их возможным влиянием на здоровье людей.

Известно, что М.В. Ломоносовым было написано письмо на имя императрицы «О сохранении и приумножении народа российского», переданное им И.И. Шувалову. В письме излагалась широкая программа мероприятий не только медицинского, но и социального характера, которая, по мнению автора, могла бы послужить на благо отечества. Некоторые положения, представленные в программе, сохранили свое значение и в наши дни, в частности его призыв *«бороться с невоздержанностью русского народа и всеми мерам содействовать более разумному образу жизни»*. Взгляды М.В. Ломоносова на волнующую его проблему были столь масштабны и смелы, что только в 1871 г., т.е. почти через 110 лет, письмо было без купюр опубликовано в третьем выпуске «Бесед в обществе любителей русской словесности».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.В. Ломоносов резко осуждал порочность *«обжорства и пьянства»*, указывал на оздоровительную роль движения, большое внимание уделял гигиене детей. Медицинскую помощь населению, в первую очередь сельскому, М.В. Ломоносов рассматривал как одну из непременных сторон государственного устройства. Намечая план учреждений государственной коллегии земского или сельского *«домостройства»*, в числе советников этой коллегии он называл врача и в круг обязанностей коллегии включал *«сношения с академиею и с медицинским факультетом»*.

Он полагал, что обеспечение страны медицинской помощью является обязательным условием оздоровления населения. Необходимость этого была для него очевидна. В письме И.И. Шувалову М.В. Ломоносов писал: *«По большей мере простые безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти»*.

Главнейшим средством пропаганды медицинских знаний с 30-х годов XVIII в. стала печать. В 1728 г. Академия наук начала выпускать свое первое периодическое издание «Примечание к Санкт-Петербургским ведомостям», на страницах которого появлялись статьи и на медицинские темы. В 1754 г. Академией наук начинает издаваться журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». За 10 лет в 120 выпусках было 60 медицинских статей, в том числе ряд материалов был посвящен вопросам воспитания здорового ребенка. Интересны статьи «О вреде, который происходит от того, когда детей вдруг много принуждают учиться» (январь 1760 г.), «Анатомические рассуждения о припадках и безумиях, приключающихся от платья и положения тела» (апрель 1757 г.), в которых имеются указания о влиянии неправильной посадки на здоровье учащихся.

М.В. Ломоносов своими трудами, всей своей деятельностью влиял на народное образование, непосредственно занимаясь вопросами воспитания молодежи. В 1759 г. вышло пособие «Узаконение для учащихся гимназий императорской Академии наук», в котором присутствуют некоторые положения, имеющие непосредственное отношение к воспитанию юношества по основам сохранения здоровья: *«Чистоту наблюдать должно при столе, содержании книг, постели и платья. Кто внешним видом ведет себя гадко, тот показывает не токма леность, но и подлые нравы»*.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Среди других высказываний о воспитании, имеющихся в произведениях М.В. Ломоносова, имеется немало рекомендательных: о рациональном питании, необходимости переключения с одного вида деятельности на другой и др., имеющих отношение к вопросам сохранения здоровья. Говоря современным языком, это и есть основные элементы гигиенической науки.

Вышеуказанные взгляды М.В. Ломоносова о необходимости организации в стране системы медицинской помощи и пропаганды медицинских знаний намного опередили время. Они получили свое реальное развитие лишь в первые десятилетия XX в., когда в стране с приходом новой власти стала создаваться единая система государственного здравоохранения и медико-социальной профилактики.

В 1919 г. в нашем городе была организована Выставка-Музей здравоохранения — первое в стране государственное учреждение, ориентированное на повышение санитарной грамотности населения и снижение инфекционной заболеваемости, представлявшей собой острейшую проблему тех трудных лет. Символично, что Выставка-Музей здравоохранения была организована в особняке графа И.И. Шувалова, где часто бывал М.В. Ломоносов, обсуждая с владельцем особняка свои идеи.

Постановка вопросов гигиенического воспитания на государственный уровень, привлечение всех слоев медицинской общественности, единые гигиенические требования позволили в течение нескольких лет существенно повысить уровень грамотности широких слоев населения. В течение нескольких лет удалось максимально снизить остроту проблемы инфекций, а с некоторыми инфекциями (оспа, сыпной тиф и др.) — справиться практически полностью.

За прошедшие 90 лет организационная структура Выставки-Музея здравоохранения (так же, как и его название) многократно видоизменялась. В настоящее время в Санкт-Петербурге существует единая структура — Городской центр медицинской профилактики (Музей гигиены является его частью). Несмотря на изменение структуры, главная задача учреждения остается прежней — используя все формы работы, способствовать повышению уровня грамотности населения в вопросах охраны здоровья и расширению системы профилактических мероприятий. При этом особое внимание уделяется молодому поколению, т.е. той части населения, от которого, по выражению М.В. Ломоносова, реально зависит «сохранение и приумножение народа российского».

В связи с неблагоприятными демографическими тенденциями последних лет эта задача становится особенно актуальной. С 2009 г. в Российской Федерации реализуется новое направление приоритетного на-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ционального проекта «Здоровье», связанное с формированием у населения приверженности к здоровому образу жизни. В Санкт-Петербурге работу по этому направлению координируют Городской центр медицинской профилактики и Музей гигиены с обширной и разнообразной экспозиционной базой, содержащей свыше 11 тысяч единиц хранения.

Ежегодно Музей гигиены посещают от 30 до 40 тыс. чел. — от дошкольников до лиц пожилого и даже преклонного возраста. Экспозиция музея содержит большое количество документальных материалов, старинных предметов медицинского назначения, моделей, схем, а также анатомических препаратов и муляжей, позволяющих любому посетителю понять причины развития патологических процессов и сделать необходимые для себя выводы.

Первая — историческая — часть экспозиции начинается с представления материалов, связанных с именем М.В. Ломоносова. Один из девяти залов полностью посвящен проблеме репродуктивного здоровья. Посетители имеют возможность увидеть разнообразные анатомические препараты мужских и женских половых органов в норме и при патологических состояниях, определяющих возможности деторождения. Детально разработанная экспозиция зала и высококвалифицированное вербальное сопровождение экскурсовода дают посетителям исчерпывающее представление о факторах, негативно воздействующих на репродуктивную функцию, и тем самым в определенной степени способствуют *«сохранению и приумножению народа российского»*.

При непосредственном участии Городского центра медицинской профилактики и Музея гигиены в Санкт-Петербурге проводится постоянная работа по пропаганде здорового образа жизни матерей и молодых семей. Эта работа начинается в женских консультациях (школа материнства) и продолжается в детских поликлиниках (школа молодой матери). Всего в городе в 2010 году насчитывалось 34 школы материнства и 63 школы молодой матери (соответственно 74 % и 87 % от потребности).

Анализируя причины недостаточного прироста населения, М.В. Ломоносов справедливо видел одну из существенных причин в гибели детей при рождении от неумения повивальных бабок. Ситуация в Санкт-Петербурге первых десятилетий XXI в., естественно, совершенно иная. Тем не менее ощущается настоятельная потребность в повышении уровня знаний беременных женщин и лиц, осуществляющих акушерскую помощь, в вопросах предотвращения патологии новорожденных. Сегодня люди сталкиваются с неизвестными ранее факторами, негативно влияющими на репродуктивное здоровье, и задача пропаганды медицинских знаний по профилактике не теряет своей актуальности.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.В. Ломоносов придавал большое значение распространению в России печатных изданий с целью вооружить население, во всяком случае грамотное, элементарными знаниями о лечении болезней, в первую очередь детских, *«положив за основание великого медика Гофмана и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеописанной книжкою о повивальном искусстве. В обоих совокупленных сих искусствах в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части нетрудно было сыскать везде в России. Оную книжку, напечатав в довольном множестве, распродав во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другим наставлением пользовать»*.

Центром медицинской профилактики только за 2010 г. издано свыше 30 наименований санитарно-просветительных материалов для населения и специалистов-медиков общим тиражом свыше 900 тыс. экз. Регулярно издается популярная газета «Домашний доктор», которая через лечебно-профилактические учреждения распространяется среди населения. В 2010 г. было выпущено восемь номеров, один из которых был полностью посвящен актуальной проблеме профилактики ВИЧ-инфекции.

Чрезвычайно важным для современной медицины аспектом деятельности М.В. Ломоносова явилось его увлечение производством стекла, микроскопической техникой и оптическими приборами (письмо «О пользе стекла», написанное на имя И.И. Шувалова, хорошо известно). Нет необходимости доказывать, что без огромного количества лабораторной стеклянной посуды и микроскопов в наши дни немыслимо ни одно лечебное учреждение. Практический опыт работы Музея гигиены убеждает нас в том, что использование микроскопа может представлять интерес и для пропаганды гигиенических знаний.

В 2010 г. сотрудниками музея был разработан специальный экскурсионный маршрут «Путешествие в мир клетки». Известно, что любой патологический процесс в организме начинается с трансформации на уровне клетки и лишь в дальнейшем развивается ограниченная или распространенная органная патология. Без понимания сути патологических процессов, происходящих на уровне клетки, эффективная индивидуальная профилактика и заинтересованное отношение к здоровому образу жизни не могут быть достигнуты.

«Путешествие в мир клетки» начинается с кратких упоминаний об истории микроскопа, этапах его появления в России и роли М.В. Ломоносова в распространении микроскопического метода. В витрине посетители могут ознакомиться с текстом стихотворения М.В. Ломоносова «Письмо о пользе стекла» и четверостишием из «Оды на восшествие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Елисаветы на престол», размещенным под гравюрой с изображением царствующей особы, у ног которой находится микроскоп Кельпепера. Здесь же представлено схематическое изображение строения клетки и краткое описание ее основных элементов.

Следующий фрагмент этого экскурсионного маршрута связан с демонстрацией изменений клетки при различных патологических состояниях и нарушениях образа жизни (поведения) людей. Демонстрируются патология клеток при курении и алкоголизме, клеточные различия в строении мышцы сердца, скелетной мускулатуры и гладкой мускулатуры внутренних органов, изменения клеток при остеопорозе, нефросклерозе, злокачественных опухолях, некоторых инфекционных заболеваниях, болезнях органов зрения и слуха и др.

Особое внимание в ходе «Путешествия в мир клетки» уделено факторам, лежащим в основе репродуктивной функции. В нескольких вариантах демонстрируются женская и мужская половые клетки, механизм их слияния и последующей передачи генетической информации.

Интерактивное общение врача-экскурсовода с посетителями, возможность заглянуть в микроскоп и убедиться в том, как меняется клетка при различных заболеваниях и (или) вредных привычках (курение, алкоголизм) побуждают посетителей задуматься и по-новому взглянуть на свой образ жизни, дающий, как известно, старт многим проблемам биологического существования человека. С позиций современности есть все основания вспомнить и оценить многогранность таланта М.В. Ломоносова, которого одновременно интересовали и сам микроскопический метод, и клеточное строение организма, и социальные условия (т.е. качество и образ жизни) людей.

В последние годы для восстановления (а в ряде случаев и обретения) репродуктивного здоровья все чаще используется метод экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Можно предположить, что не будь М.В. Ломоносова с его научной прозорливостью и целеустремленностью, возможность решения проблем репродуктивного здоровья на клеточном уровне была бы отодвинута на более поздний срок. Невольно вспоминаются восторженные строчки великого ученого: *«Как много микроскоп нам тайностей открыл»*.

Еще одни аспект концептуальной взаимосвязи взглядов М.В. Ломоносова и современности на сохранение здоровья касается такой сложнейшей и чрезвычайно актуальной проблемы, как космос. Уровень развития науки и техники в середине XVIII в. создавал естественные ограничения для реализации идей М.В. Ломоносова, который уже тогда говорил о множественности обитаемых миров и высказывал предпо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ложение, что в природе существуют планеты, подобные нашей. В 1757–1765 гг. М.В. Ломоносов, занимаясь астрономическими исследованиями, предложил новую систему телескопа-рефлектора, выдвинул теорию строения и состава комет, первым обрисовал поверхность Солнца как бушующий огненный океан.

В современной жизни человечество постоянно сталкивается с солнечными и лунными затмениями, необъяснимыми влияниями космоса на атмосферу и океан и даже параметры биологической жизни на Земле. Доказана взаимосвязь космоса и динамики инфекционной заболеваемости, обсуждаются вопросы влияния солнечной радиации на частоту онкологических заболеваний, некоторой соматической патологии и психических нарушений. Ставшая реальной перспектива межпланетных путешествий и освоения других планет, нарастающее влияние космического пространства на показатели жизни на Земле делают необходимым пропаганду соответствующего пласта гигиенических знаний среди населения и заставляет еще раз вспомнить гений М.В. Ломоносова, не знавшего преград в теоретическом осмыслении мира.

Год 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова заявлен в музейном пространстве как год Космоса, и предстоящая общегородская «Ночь музеев», назначенная на 21 мая 2011 г., будет посвящена именно этой тематике. Космос стал реальностью нашего времени, и современный человек должен владеть необходимым объемом информации по сохранению своего здоровья в непредсказуемом XXI веке.

В Музее гигиены программа проведения «Ночи музеев» будет затрагивать широкий спектр вопросов, рассчитанных на различные возрастные категории населения и образовательный ценз посетителей. Один из элементов программы планируется как посвящение М.В. Ломоносову.

Таким образом, идеи М.В. Ломоносова, высказанные им более двух веков назад, сохраняют свое значение до настоящего времени и самым непосредственным образом касаются современных проблем охраны здоровья. *«Сохранение и приумножение народа российского»*, оставаясь актуальной задачей государства, находит свое отражение в повседневной деятельности Музея гигиены и Городского центра медицинской профилактики, координирующих гигиеническое обучение и воспитание в масштабах города. *«Будущее нации зависит не от числа автомобилей, а от количества детских колясок»*, — говорил президент Финляндии У. Кекконен. С этим нельзя не согласиться, что дает нам право еще раз с благодарностью вспомнить М.В. Ломоносова, четко обозначившего данную проблему почти три века назад.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Б.И. Иванов

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

Среди большого числа работ, посвященных жизни и деятельности М.В. Ломоносова, практически полностью отсутствуют труды, связанные с отражением его вклада в развитие научно-технического знания. Это объясняется двумя причинами.

Во-первых, во времена Ломоносова не только в России, но и в странах Западной Европы еще не произошла промышленная революция, потребовавшая появления новой области научного знания — технических наук, а научно-техническое знание не приобрело статуса научной теории со своим предметом, методами и ясно очерченной объектной областью исследований. В это время зародились лишь первые ранние технические науки полуэмпирического плана (баллистика, гидравлика, фортификация и низшая геодезия), не оказавшие существенного влияния на общий характер технической и производственной деятельности, они опирались по преимуществу на практические знания и опыт.

Во-вторых, ни сам Ломоносов, ни большинство ученых его времени не придавали большого значения этой стороне своей деятельности. И только к рубежу XIX–XX веков стало ясно, что выработка и накопление научно-технических знаний (в странах Западной Европы — со второй четверти XVI в. до конца первой половины XVIII в., а в России — до конца XVIII в.) заложили основы, которые в XIX–XX веках позволили сформировать современную систему технических наук.

Отсюда становится ясным, почему так важно проанализировать, как развивалось научно-техническое знание в XVIII в. и какое место оно занимало в творчестве М.В. Ломоносова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Но адекватно оценить вклад Ломоносова в развитие научно-технического знания можно, лишь рассматривая его в контексте европейской истории науки и техники, охарактеризовав состояние научно-технического знания в Европе на рубеже XVII–XVIII веков. Такой анализ дан Л.Я. Жмудем во введении к коллективному труду «Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX вв.)», подготовленному сектором истории технических наук и инженерной деятельности Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН[1].

В контексте европейской истории науки и техники XVIII век может быть разделен на два периода, первый из которых (первая половина XVIII в.) принадлежит к периоду так называемой промышленной механизации (XVI в. — около 1750 г.), а второй приходится на самое начало промышленной революции (1760–1850 годы). Для России такое хронологическое деление имеет смысл постольку, поскольку именно в XVIII в. в ней активизируются процессы европеизации и модернизации, динамика которых имела свои особенности. Суть их заключалась в том, что Россия в течение XVIII в. должна была пройти в науке и технике путь, который европейские страны проходили в течение нескольких столетий. Ей пришлось создавать то, что уже давно было составной частью европейской промышленности, системы управления, образования и идти в ногу с новейшими тенденциями и требованиями времени, т.е. не только откликаться на последние достижения науки и инженерной мысли, но и самой активно участвовать в их создании. Как представляется, справедливо полагает Л.Я. Жмудь, именно с точки зрения этой двусоставной задачи следует рассматривать особенности российской научно-технической мысли в XVIII в.[2]

Именно с точки зрения этой двусоставной задачи и должен быть рассмотрен и оценен вклад М.В. Ломоносова в развитие научно-технического знания. При таком анализе необходимо учитывать тот факт, что в течение всего XVIII в. Россия выступала в основном в роли ученика, а не учителя и воспринимала гораздо больше, чем способна была дать.

В то же время очевидно, что такой путь был характерен для любой отдельно взятой европейской страны. Италия, Франция, Англия и Германия — каждая их этих стран становилась лидером социального и научно-технического прогресса лишь после того, как прошла долгий

[1] Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX вв.). СПб., 2009. С. 5–20.

[2] Там же. С. 5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

подготовительный период и восприняла все, что можно, у своих соседей. Сменяя друг друга в роли лидера, даже в период наивысшего расцвета каждой из них, общая сумма знаний, полученных ими извне, несомненно превосходила то, что было достигнуто ими самостоятельно.

В этом смысле Россия не является исключением. Именно потому, что в течение XVIII в. во многих сферах социальной и культурной жизни Россия должна была пройти путь, который другие европейские страны проходили по крайней мере с эпохи Возрождения, объективный анализ ее успехов и неудач во многом зависит от того, насколько учитывается уровень социального, научного и технического развития в Европе как до, так и в течение XVIII в. Европейский опыт служил для России не только фоном, но и основой для развития самостоятельной научно-технической мысли, тем более что во многих случаях она решала задачи, которые стояли и перед другими странами Европы или уже были решены ими. Очевидно, что без учета этой европейской составляющей многие события и процессы, происходившие в России, не могут быть оценены адекватно[1].

Рассмотрим же кратко, какие задачи решались или уже были решены странами Западной Европы в научно-технических областях, которые должна была решать и Россия, стремясь продвинуться дальше.

Начнем с рассмотрения ранних полуэмпирических технических наук, сформировавшихся в Западной Европе в первой половине XVIII в. На рубеже Нового времени в Европе зародились четыре ранние технические науки: внешняя баллистика, гидравлика, низшая геодезия и фортификация. В этих областях технической деятельности раньше, чем в других, началась работа по производству научно-технического знания, что вызывалось, во-первых, потребностями практики и, во-вторых, возможностью получить в этих дисциплинах научно-технические результаты на базе наличного математического аппарата и данных, полученных в ходе развития механики, физики, астрономии. Существенно и то, что в этих областях получаемые решения могли быть подвергнуты опытной проверке скорее, чем в других.

Не анализируя здесь процессы формирования данных технических наук и отсылая читателя к соответствующей литературе[2], подведем неко-

[1] Там же. С. 5–6.

[2] Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге (XVIII–XIX вв.). СПб., 2009. С. 48–61, 61–71; Баллистика / Ю.В. Чуев, К.А. Николаев // БСЭ. Т. 2. М., 1970, С. 580–581; Мандрыка А.П. История баллистики (до середины XIX в.). М; Л., 1964; Мандрыка А.П. Очерки истории технических наук. Л., 1984; Мандрыка А.П. Эволюция механики в ее взаимной связи с техникой. Л., 1977; История механики с древнейших времен до конца XVIII в. / Под общ. ред.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

торые итоги. Первая фаза становления и развития научно-технического знания Нового времени ограничивается серединой XVIII в. Это относится прежде всего к передовым европейским странам. В России завершение этого процесса затянулось еще на полвека. Ранние технические науки отличаются значительной эмпирической составляющей и отрывом теоретической части от практической. Даже к середине XVIII в. в Европе (в России — к концу XVIII в.) единство теории и практики в массовой инженерной деятельности еще не было достигнуто. Инженерная деятельность понимается здесь как интеллектуальная деятельность по производству техники и одновременно теоретического знания о ней или как интеллектуальное обеспечение воспроизводства искусственного (технического) мира. Это общественно новая форма, имеющая синтетический характер по отношению к двум предыдущим — ремесленно-практической и научно-академической. С точки зрения технических наук, имеется разрыв между уровнем эмпирического обобщения в технике и уже сформировавшимся теоретическим уровнем технического знания.

Помимо первых технических наук, зародившихся в XVII — первой половине XVIII в., в рассматриваемый период получил развитие ряд других отраслей техники, в которых начался процесс формирования научно-технического знания, приведший в последующем (в конце XVIII — XIX в.) к формированию соответствующих технических наук.

XVII и первую половину XVIII в. можно считать, как отмечалось ранее, первой фазой промышленной механизации, непосредственно предшествовавшей веку промышленной революции (вторая половина XVIII — середина XIX в.).

Именно к этому периоду относятся важнейшие события в области экономики, техники, транспортных коммуникаций, социальной организации, которые сделали возможным промышленную революцию в Европе, с чего и начался энергичный процесс формирования технических наук. Открытие и эксплуатация отдаленных морских путей имели непосредственное влияние на конструирование судов и портовых сооружений. Необходимость продолжить морские пути сетью сухопутных и водных путей внутри континента привела к энергичной деятельности по строительству внутренней сети дорог, прокладке и расширению ка-

---

А.Т. Григорьяна, И.Б. Погребыского. М., 1971; Геодезия / А.А. Изотов // БСЭ. Т. 6. М., 1971. С. 289–293; Кюи Ц. Краткий исторический очерк долговременной фортификации в Западной Европе. СПб., 1897; Шперк В.Ф. Русская фортификационная школа // Вестник Военно-инж. Акад. РККА им. В.В. Куйбышева. Л., 1939. С. 87–107.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

налов, углублению русел мелководных рек и т.п. Горное дело и металлургия были первыми отраслями промышленности, которые ощутили на себе благоприятное влияние этого процесса. В ходе применения водоподъемных колес, ветряных и водяных мельниц происходило усовершенствование элементов трансмиссии, столь важной для будущего парового двигателя.

Не менее важным, чем влияние экономических и политических факторов, было растущее взаимовлияние науки и техники, которое и привело в последующем к становлению комплекса технических наук. До рассматриваемой нами эпохи это влияние было, как правило, спорадическим, хотя и в таком виде оно приносило весьма важные результаты[1]. Изобретение книгопечатания в XV в. сыграло роль одного из важнейших стимулов этого процесса.

В некоторых областях, например в астрономии, навигации и измерительной технике, взаимообмен между наукой и технологией был гораздо более существенным. В Европе возникает целая «индустрия» по изготовлению научных приборов и точных инструментов: компасов, квадрантов, астролябий, геодолитов и т.п. С начала XVI по начало XVIII в. здесь было опубликовано более 600 сочинений, посвященных конструкции точных приборов.

В течение XVI–XVIII веков происходит накопление и систематизация технических знаний, что дает возможность применения к ним научных методов, развиваются единая профессиональная терминология и специфические формы представления технических объектов, исследования в области горного дела, строительной механики, прикладной оптики, практической механики и машиноведения.

Итак, как подчеркивает Л.Я. Жмудь, «обзор основных факторов, способствовавших становлению комплекса технических дисциплин, показал, что период, непосредственно предшествовавший промышленной революции, был важным подготовительным этапом, в течение которого сформировались основные составляющие будущего комплекса: наука, техника и производство. Действительно, до XVII–XVIII веков едва ли можно говорить о существовании этих трех составляющих в их современном понимании»[2].

Экспериментальная наука, распространяющая свои законы как на природную, так и на техническую сферу, техника, все больше опирающаяся на достижения математики и естествознания, наконец, рационально организованное производство, в развитии которого наука и тех-

[1] Очерки истории технических наук в Санкт-Петербурге… С. 11–12.

[2] Там же. С. 20.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ника принимают все более значительное участие, — все это является порождением XVII–XVIII веков.

В ходе этого важного подготовительного этапа, резюмирует Л.Я. Жмудь, усилиями многих европейских стран были заложены как основы рационально-методического и экспериментального подхода к технике, так и образовательные институты, способствовавшие распространению и укоренению этого подхода в социальной практике. Инженерные профессии приобретают свои современные контуры, по мере того как вырисовывается особое положение технических наук, находящихся между технической практикой и теоретической наукой и призванных соединить их воедино[1].

Приступая к анализу вклада М.В. Ломоносова в развитие научно-технических знаний в различных областях теоретической и практической деятельности, отметим главную особенность его методологического подхода к исследованию той или иной проблемы. Суть этого подхода заключалась в опоре на эксперимент, осуществляемый с использованием соответствующих приборов. Отсюда вытекает то огромное внимание, которое Ломоносов уделяет экспериментальной технике и научному приборостроению. При этом он не только использует приборы, полученные из-за рубежа, но и в случае необходимости совершенствует их или создает новые.

Мы не ставим перед собой цель рассказать обо всех усовершенствованных или созданных Ломоносовым приборах и инструментах. Мы хотим отметить главное — его подход к исследовательской и проектировочной деятельности, основанный на глубоком убеждении, что только на базе хорошо обоснованного и проведенного эксперимента можно получить истинное теоретическое и практическое знание.

Проанализируем теперь кратко, в каких областях Ломоносов сумел получить научно-техническое знание, которое явилось вкладом в формирование соответствующих технических наук. Дадим краткий анализ этого вклада Ломоносова в различные направления его теоретической и практической деятельности.

Начнем с анализа вклада Ломоносова в получение научно-технического знания в области физико-химических исследований.

Как известно, химия и физика были любимыми науками Ломоносова. В большей степени, чем кто-либо из его предшественников, Ломоносов связал воедино эти две области знания. Он обогатил их экспериментальными открытиями и глубокими теоретическими обобщениями.

[1] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Если говорить о химии, то она стала оформляться как наука уже к началу XVIII в. Однако ее прогресс значительно уступал успехам в других областях естествознания: физике, математике, механике. К тому времени химики накопили большой фактический материал, однако он еще не был систематизирован и обобщен. В значительной степени химия оставалась придатком фармакологии и медицины. Правда, уже и тогда химические процессы использовались для анализа металлических руд, исследования металлов и сплавов, в пиротехнике и других областях.

По-разному шло развитие химии в европейских странах. В Германии, например, специалисты сосредоточили внимание на совершенствовании процессов прикладной химии и химической технологии. Ученые Англии и Швеции, работая над теми же проблемами, изучали также свойства и процессы получения различных газов, положив этим начало так называемой пневматической химии. Во Франции первой половины XVIII в. химия не обогатилась сколько-нибудь известными открытиями, и лишь в конце XVIII в. французские химики своими блестящими работами обогатили химию выдающимися открытиями, сделав ее подлинной наукой.

Развитие химии в России в XVII–XVIII веках носило ярко выраженную практическую направленность, удовлетворяя возраставшие экономические потребности страны. Химической науки в широком смысле тогда не существовало ни в России, ни за рубежом.

Она делала лишь свои первые твердые и стремительные шаги. Научное творчество Ломоносова было теснейшим образом связано с потребностями практики. Характеризуя взаимодействие науки и практики, Ломоносов особенно подчеркивал значение химии в исследовании природы и создании *«преполезных»* производств. Ученый предвидел ту огромную роль, которую призвана играть химия в практической деятельности людей, их повседневной жизни.

Подлинный ученый, по мысли Ломоносова, это мастер теоретических обобщений и практического эксперимента. Творческий метод Ломоносова состоял в комплексном подходе к решению научных проблем. Для объяснения сущности химических процессов ученый использовал не только законы физики, то и теоретические выводы механики, математики и других наук. Этот метод он в полной мере применял в своей Химической лаборатории — первой подлинно научной лаборатории России. В проекте программы работы будущей лаборатории Ломоносов ставил много новых задач, необычных для экспериментальных наук того времени. Он говорил, например, о необходимости сочетать химические опыты с магнитными, оптическими и электрическими, особен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

но подчеркивал задачу количественных определений работы *«по мере и весу»*.

Первая научная химическая лаборатория России имела достаточное количество приборов и инструментов, позволивших Ломоносову развернуть в ней широкую программу экспериментальных работ. Сохранившиеся лабораторные тетради и отчеты Ломоносова за 1749 г. и последующие годы показывают, какой большой объем работы осуществлялся в лаборатории, где наряду с экспериментами с целью установить теоретические предпосылки химии как науки ученый проводил широкий круг исследований прикладного характера. Результатом этой деятельности явился огромный объем научно-технических знаний в области прикладной химии и химической технологии, что весьма обогатило формировавшиеся технические науки химического цикла. И можно согласиться с Г.Е. Павловой и А.С. Федоровым, что М.В. Ломоносова с полным к тому основанием следует назвать наиболее ярким предшественником революционных преобразований в химии в конце XIX в.[1]

Рассмотрим теперь научные труды Ломоносова в области физики, где им получены научно-технические знания, внесшие вклад в развитие технических наук физического цикла. Наибольшее внимание Ломоносов уделил исследованию теоретических проблем физики, которые рассмотрены в трудах, посвященных творчеству М.В. Ломоносова[2].

Известно, что к середине XVIII в. физика уже вполне сформировалась в качестве науки, составляющей одну из важнейших областей естествознания. Правда, не все разделы физики к тому времени получили одинаковое развитие. Наиболее полно были изучены законы механики, оптики и гидравлики, тогда как учение о теплоте, магнетизме и электричестве делало лишь свои первые шаги. Этими направлениями теоретической физики и занимался Ломоносов. Но поскольку в данном случае нас интересует его вклад в развитие научно-технического знания, рассмотрим его занятия в сфере прикладной оптики.

[1] Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. М., 1986.

[2] Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. Л., 1952; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765, М., 1986; Лебедев Е.Н. М.В. Ломоносов. М., 1990; Михаил Васильевич Ломоносов / Под ред. Е.В. Бронниковой. М., 2004; Карпеев Э.П. М.В. Ломоносов: Имя Россия. Исторический выбор 2008. М., 2008; Литинецкий И.Б. М.В. Ломоносов и экспериментальная техника. Киев, 1961; Кароль Б.П. М.В. Ломоносов и метеорология. Л., 1961; Данилевский В.В. Ломоносов и художественное стекло. М.; Л., 1964 и др.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Этим Ломоносов интересовался в течение всей творческой деятельности. Начав в 1741 г. с написания диссертации «Рассуждение о катоптрико-диоптрическом зажигательном инструменте», он собирался продолжить экспериментальные оптические исследования. В своей лаборатории он в основном проводил химические исследования, среди которых большое место занимало изучение света и теории цветов, что имело прямое отношение к оптике. Ломоносов много внимания уделял изготовлению цветных смальт и цветного стекла. Тесную связь своих химических исследований с оптикой он подчеркнул в 1751 г. в «Слове о пользе химии». К середине 1750-х годов Ломоносов разработал теоретическую и экспериментальную часть исследования о свете и цветах. Свою теорию цветов Ломоносов широко использовал для решения многочисленных задач, возникавших в процессе производства цветных стекол и смальт, решив при этом важные научно-технические задачи и получив ряд научно-технических знаний.

К середине 1750-х годов Ломоносов приступил к конструированию оптических приборов и до конца своих дней не прекращал этих занятий. В 1756 г. он изготовил так называемую ночезрительную трубу, принцип действия которой был основан на применении *«сгущения»* для увеличения эффективности зрительной трубы в ночных условиях. Продемонстрировав в мае того же года свой прибор на заседании Академического собрания ученым, он объяснил, что прибор предназначался для того, чтобы различать в ночное время скалы и корабли.

Однако конструкция оптического инструмента, разработанного Ломоносовым, вызвала возражения со стороны некоторых ученых, особенно Ф.У.Г. Эпинуса, видного физика, занимавшегося вопросами геометрической и инструментальной оптики. Критики Ломоносова опирались лишь на геометрическую оптику, вполне достаточную для расчетов «на матовое стекло». Ломоносов же исходил из опытов в ночных условиях во всей сложности и особенностях зрительного процесса, т.е. принцип действия его прибора был основан на законах физиологической оптики.

Дискуссия вокруг прибора Ломоносова, продолжавшаяся более трех лет, помешала сделать этот прибор достоянием широких научных кругов. Тем не менее Ломоносов, считая свое изобретение чрезвычайно важным для практических целей, до конца жизни продолжал работать над усовершенствованием ночезрительных труб. Как свидетельствуют документы, три таких трубы Ломоносов собственноручно изготовил в 1765 г. для полярной экспедиции адмирала Василия Чичагова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

После смерти Ломоносова идея ночезрительной трубы была надолго забыта. Как указывал в 1944 г. академик С.И. Вавилов, «сознательное развитие ночезрительная труба с большим увеличением для военных целей получила только за последнее десятилетие. В частности, можно указать, что современные зенитные батареи наряду с прожекторами снабжены ночезрительным биноклем с большим увеличением. Дальность действия прожектора при наблюдении за самолетом, находящимся в луче прожектора, при этом может увеличиваться примерно в полтора раза»[1]. Так блестящая идея Ломоносова о ночезрительной трубе получила практическое внимание почти двести лет спустя.

Всю свою жизнь Ломоносов продолжал разработку новых инструментов и приборов. В 1760–1762 гг. Ломоносов много внимания уделял проблемам теоретической и практической оптики, химии и технологии производства оптического стекла и сплавов для металлических зеркал мореходной астрономии. В своей домашней лаборатории и мастерской Ломоносов конструировал и создавал различные оптические инструменты. Так появились его конструкции однозеркального телескопа, усовершенствованных двухзеркальных зрительных труб, микроскопов, звездного фотометра, камеры-обскуры и т.п. Изучив проблемы точного местонахождения в море, Ломоносов спроектировал специальный инструмент — «“морской жезл”, служащий к точному определению времени на море»[2].

Не перечисляя других сделанных им приборов и инструментов, подробно описанных в литературе, обратим внимание еще на одну сторону его научно-технической деятельности. Возглавив Географический департамент в 1758 г. (его основной задачей было составление полного географического атласа России), Ломоносов заинтересовался вопросами усовершенствования способов астрономических наблюдений, используемых для определения географических координат. Он предложил заменить используемые для этой цели наблюдения соответственных высот Солнца до полудня и после полудня наблюдениями близких к полюсу звезд во время их наибольшего удаления от меридиана, сконструировав для этой цели специальный инструмент. Предложенный Ломоносовым способ обладал тем преимуществом, что при пользовании им на результатах наблюдений не сказывались склонения Солнца и рефракция атмосферы. Этот способ имел большое значение для совершенствования астрономо-геодезических работ.

[1] Вавилов С.И. Ночезрительная труба Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1944. Т. 11. С. 87.

[2] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 399.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В течение многих лет занимаясь приложением астрономической науки к мореплаванию, Ломоносов много внимания уделял усовершенствованию навигационных методов исследования, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы.

Значительный вклад внес Ломоносов и в развитие геологических знаний. Он многое сделал для организации систематического изучения природных богатств России и их промышленной эксплуатации. Его работы в области геологии, горного дела, производства металлов, создания новых технологических процессов и технических устройств подготовили предпосылки для дальнейшего прогресса отечественной экономики, основы которой были заложены в петровские времена. Считая горную науку, наряду с физикой и химией, своей любимой наукой, Ломоносов многого достиг в разработке проблем геологии, что было крайне важным в его эпоху, когда в России началось форсированное развитие горнозаводского производства и геологические исследования природных богатств страны приобрели первостепенное значение.

В эпоху Ломоносова было принято исследовать и описывать отдельные геологические явления и процессы, не привлекая для их объяснения достижения и выводы физики, механики, химии. Ломоносов разработал и предложил метод комплексного изучения геологических процессов, обеспечивающий возможность получения наиболее глубоких и всесторонних характеристик. Для приобретения полных сведений о земных недрах он рекомендовал призвать на помощь *«высокие науки, а особенно механику твердых и жидких тел — к измерению сил действующия натуры, металлургическую химию — к разделению смешения материалов, и обще геометрию — правительницу всех мысленных изысканий»*[1].

Рассматривая геологические процессы как комплексные явления, Ломоносов неизменно связывал их в единое целое, вызывающее в конечном счете глубокие преобразования поверхности Земли.

Работы Ломоносова в области геологии получили широкую известность не только в России, но и за рубежом. Так, в 1758 г. через год после опубликования на родине, работа Ломоносова «Слово о рождении металлов от трясения Земли» была напечатана в подробном изложении в немецких, а затем в английских и французских изданиях, а ее полный перевод был помещен в 1761 г. в немецком журнале «Allgemeines Magazin».

Одной из старейших областей геологической науки является минералогия — учение о природных химических соединениях — минералах, их составе, строении, свойствах, условиях образования и распространения в природе. Важнейшая задача минералогии состоит в разработке на-

[1] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 5. С. 574.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

учных основ для поисков месторождений полезных ископаемых, а также способов их первоначальной обработки для эффективного использования в практических целях. При этом проблемы геологии и минералогии Ломоносов тесно связывал с проблемами горной науки.

Минералогические проблемы занимали Ломоносова всю жизнь. Он мечтал о создании капитального научного труда, посвященного российской минералогии, стараясь привлечь для этого возможно более широкие круги населения в сборе различных образцов горных пород. Краткий план намеченного Ломоносовым (но, к сожалению, неосуществленного из-за его смерти) труда свидетельствовал о его практической направленности.

В XVIII в. в тесной связи с минералогией начала развиваться кристаллография — наука о строении, физических свойствах и образовании кристаллов. Весомый вклад в развитие отечественной кристаллографии внес Ломоносов. Он стремился установить зависимость между формой, физико-химическими свойствами кристаллов и качеством руд, характером технологических процессов при выварке соли и получении металлов, производстве стекла и многих химических материалов. Он изучал процессы кристаллизации, пытаясь установить их закономерности и влияние на внутреннее строение вещества. И хотя в научном наследии Ломоносова нет специальной работы, целиком посвященной вопросам кристаллографии, в десятках его исследований, начиная со студенческих диссертаций, написанных еще в Марбурге, процессам кристаллизации и свойствам кристаллов уделено большое внимание.

В диссертации «О рождении и природе селитры», написанной в 1749 г., наиболее подробно изложены взгляды Ломоносова на строение кристаллов. Не случайно известный кристаллограф И.И. Шафрановский, ознакомившись с этой работой, писал: «Сформулированные в ней мысли о структуре кристаллов настолько значительны, что год написания этой диссертации можно смело считать датой зарождения русской научной кристаллографии»[1].

Большой вклад сделал Ломоносов в развитие разнообразных отраслей техники. Утверждая безусловную познаваемость всего материального мира, Ломоносов ясно представлял себе, что органы чувств человека далеко не всегда могут непосредственно воспринимать и оценивать бесконечное многообразие тел и явлений в природе. Поэтому он неустанно работал над созданием самых разнообразных измерительных приборов и аппаратов, которые могли бы помочь человеку в его познании мира. Ломоносов многое сделал для усовершенствования микро-

[1] Шафрановский И.И. История кристаллографии в России. М., 1962. С. 31.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

скопов, термометров, аналитических весов, вакуум-насосов и других средств экспериментальной техники, значительно расширив область их применения или впервые использовав их в практической работе.

Ломоносов изучал физические и химические процессы не только в условиях вакуума, но и при повышенных давлениях и температурах. Для производства таких опытов он усовершенствовал так называемый «Папинов котел», разработанный французским физиком Д. Папеном в 1681 г. Он стал прообразом современного автоклава — промышленного аппарата, дающего возможность вести технологические процессы в условиях высоких давлений и температур, обеспечивающих ускорение химических реакций и увеличение выхода продукции.

Ломоносов явился изобретателем и ряда электроизмерительных приборов, которыми он широко пользовался при изучении статических электрозарядов, а также электрических явлений в атмосфере[1].

Для того чтобы оценить смелость творческих дерзаний Ломоносова в области техники, вспомним о том, как в 1754 г. он изобрел конструкцию, названную им «аэродромной машиной». В протоколах Конференции Академии наук сохранилось описание этой машины и ее модели, которые Ломоносов показывал ученым. В горизонтальной плоскости вращались в противоположные стороны два гребных винта. Ввинчиваясь в воздух, они должны были тянуть за собой вверх всю конструкцию. Ломоносов предложил свою «аэродромную машину» для подъема в верхние слои атмосферы самописцев при метеорологических наблюдениях.

Ломоносов не только творил, но и воспитывал русских техников. Ему принадлежит труд, являющийся, по существу, первым оригинальным русским учебником по горнозаводскому делу, — «Первые основания металлургии, или рудных дел». В этой работе Ломоносов рассказал о способах отыскивать полезные ископаемые, устройстве рудников, пробах металла и его получении. Он дал научную основу для всего последующего развития металлургии. Прежде всего он рассмотрел свойства металлов, указывая на то, что необходимо точно знать эти свойства, для того чтобы, исходя из знания их, сознательно разработать самую технологию получения металла. Здесь же он четко провел мысль о том, что химия представляет собой основу, на которой должна покоиться вся металлургия. Ломоносов предоставил четкие доказательства того, что для разумного развития металлургии по всем отдельным вопросам необходимо производство опытов, создание опытных установок и последующее применение опытных данных в заводском масштабе. В этой

[1] Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов… С. 322–323.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

же книге Ломоносов высказал много важных мыслей по организации и охране труда.

К труду этому он сделал два приложения: «О вольном движении воздуха, в рудниках примеченном» и «О слоях земных». В первом из них изложена созданная Ломоносовым гидравлическая теория пламенных печей. В приложении «О слоях земных» обобщены взгляды Ломоносова в области геологии. В этой части своего труда он разработал теорию образования жил в рудных месторождениях и определения их возраста. Ломоносов первым поставил вопрос о возрасте гор и многом другом, чрезвычайно важном для всего последующего развития геологии.

Ломоносов в этой работе, как и в других, уделил особое внимание использованию результатов своих исследований в интересах Отечества.

Особое место в творчестве Ломоносова занимают труды его как технолога, строителя заводских предприятий, творца промышленных печей, механических установок, новатора, разработавшего многие технологические процессы.

В 1753 г. он создал в Усть-Рудице первое в России промышленное предприятие для производства бисера, мозаичных смальт, пронизок, стекляруса и других изделий из цветных стекол. Здесь, в Усть-Рудице, Ломоносов построил водяную плотину для привода в действие при помощи водяного колеса механизмов, созданных им же для этой новой отрасли промышленности. Он лично проектировал и строил печи для изготовления стекла, изобретал и конструировал станки для производства изделий из стекла, изобретал и изготовлял необходимые инструменты, разработал технологические процессы, обеспечившие работу данного предприятия.

Помимо названных изделий на этом предприятии производились художественные изделия из цветного стекла: цветы, посуда, табакерки, песочницы, чернильницы, кружки. Здесь же изготовлялись литые стеклянные столы и плиты. На своем предприятии Ломоносов производил опыты по изучению работы воды.

Ломоносов выполнил колоссальную работу для того, чтобы создать цветные стекла всех оттенков, необходимых для картины грандиозного сражения (речь идет о мозаичной картине «Полтавская баталия») и других картин и портретов. Подбирая составы для изготовления цветных стекол, он произвел более двух тысяч опытов.

Кроме того, Ломоносов изучал и развивал технику производства селитры, пороха, фарфора, стекла, красок и многих других веществ, стремясь помочь развитию отечественной промышленности.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Завершая на этом далеко не полный анализ всего сделанного Ломоносовым в научно-технической сфере, вернемся к предмету нашего рассмотрения. Мы пытались выявить научно-техническую основу, которая имплицитно, в снятом виде, присутствует во всех областях теоретической и практической деятельности Ломоносова. Для того же чтобы показать, какое конкретное научно-техническое знание получено Ломоносовым, необходимо проведение специального фундаментального исследования.

Наша задача состояла в другом. Мы старались привлечь внимание к необходимости разработки проблемы, не получившей отражения в отечественной и зарубежной литературе, посвященной анализу творческой деятельности Ломоносова. Проведение подобного рода исследования позволит под новым углом зрения рассмотреть теоретические и практические работы Ломоносова, выявить новые научно-технические знания, полученные им в ходе исследований, ставших вкладом Ломоносова в формировавшиеся технические науки.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Б.Б. Дьяков, Д.Н. Савельева

ИДЕИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ТРУДАХ И ВЫСКАЗЫВАНИЯХ УЧЕНЫХ ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА им. А.Ф. ИОФФЕ

Интерес к ученым прошлого вызывается многими причинами. Обычно это поиск подтверждения приоритета. Затем исторический аспект их деятельности, провидческие идеи. Потом — личность: взаимоотношения с коллегами, учителями и учениками, широта интересов, мировоззрение и взаимоотношения с идеологией своего времени и нескончаемая тема «ученый и власть». Наконец, использование его творческих достижений: цитирование, упоминание в учебных курсах, касательство к современным идеям. М.В. Ломоносов относится к таким выдающимся ученым давно прошедшей эпохи, интерес к которым не угасает как со стороны историков науки, так и со стороны выдающихся физиков.

В своем «Курсе физики» академик А.Ф. Иоффе писал: «Изучение газов сразу же приводит нас к атомистическим представлениям. Стремление газа заполнить любой предоставленный ему объем, полная взаимная проницаемость, легкая сжимаемость — все эти свойства можно понять, если представить себе газ, состоящий из большого числа отдельных частиц, отделенных большими свободными промежутками. А давление газа можно легко свести к многочисленным толчкам, испытываемым стенкой сосуда со стороны ударяющихся об нее движущихся частиц. Так представляли себе природу газа Ломоносов и Бернулли, развившие в XVIII в. кинетическую теорию газов. Однако взгляд на тепло как на движение частиц и атомистические представления настолько противоречили господствовавшим в то время взглядам,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

что Ломоносов решился изложить свои убеждения лишь в письме к знаменитому своему сотоварищу по Академии Эйлеру и никогда их не опубликовывал»[1].

Сходные мысли А.Ф. Иоффе высказывал еще в 1919 г.[2] В данном контексте Иоффе отметил не только предвидение Ломоносова в той области физики — кинетической теории газов — которая была подробно разработана начиная с середины XIX в. Джоулем, Ренкиным и далее Клаузиусом, Максвеллом, Больцманом, но и новаторский характер его представлений для того времени.

Что касается интереса профессиональных историков науки к Ломоносову, то здесь большой вклад внес известный физик, один из первых сотрудников Физико-технического института (с 1918 г.) Яков Григорьевич Дорфман. Правда, как историк науки он проявил себя уже после своей работы в ФТИ (в 1945–1958 гг. Я.Г. Дорфман был сотрудником ИИЕТ).

В историческом плане он затронул ту же проблему, что и А.Ф. Иоффе, с которого мы начали этот обзор, а именно молекулярно-кинетическую теорию[3]. Нужно также отметить, что еще в 1930-е годы Дорфман собрал богатый исторический материал, что, как отмечал другой историк физики, тоже сотрудник ФТИ, В.Я. Френкель[4], во многом способствовало появившимся позже историческим трудам Дорфмана о Ломоносове и Лавуазье, французском химике, через полтора десятилетия после Ломоносова пришедшем к идеям молекулярно-кинетической теории и законам сохранения.

«Он [Лавуазье. — *Б.Д., Д.С.*], вслед за Ломоносовым, не ограничился лишь использованием тех или иных физических методов или аппаратов, а последовательно применял всю совокупность как теоретических представлений, так и экспериментальных методов физики своего времени к основным проблемам химии, <…> завершив великое дело, начатое Ломоносовым»[5]. И далее: «До сих пор было принято считать, будто труды Ломоносова не оказали серьезного влияния на развитие мировой науки. В настоящей работе я впервые привожу ряд аргументов, свидетельствующих о том, что, по крайней мере, важнейшие опубликованные

[1] Курс физики. М., 1940. Т. 1. С. 7.

[2] Иоффе А.Ф. Строение вещества. Пг., 1919. С. 2.

[3] Дорфман Я.Г. Роль Ломоносова в развитии кинетической теории теплоты // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 33–52.

[4] Френкель В.Я. Яков Григорьевич Дорфман (материалы к биографии) // Чтения памяти А.Ф. Иоффе 1986. Л., 1988. С. 51–65.

[5] Дорфман Я.Г. Лавуазье. 1-е изд. М.; Л.: 1948. С. 7.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

работы Ломоносова были известны Лавуазье и его французским современникам и, несомненно, оставили свой след в их творчестве»[1].

В фундаментальном сочинении «Размышления о причине тепла и холода» Ломоносов показал, что гипотезы о *«теплороде»* противоречат опыту. Теплота есть движение молекул. Дорфман указал, сравнивая сочинения Ломоносова и Лавуазье, что доказательства последнего мало чем отличаются от аргументации Ломоносова[2].

Примерно к таким же выводам и при помощи схожей аргументации Дорфман прибегает в выяснении приоритета формулировки закона сохранения вещества (материи) и движения (энергии). Действительно, знаменитая формулировка М.В. Ломоносова закона сохранения вещества сообщена им в частном письме 1748 г. Л. Эйлеру и опубликована в 1760 г. в «Размышлениях о твердости и жидкости». Последние были доложены на заседании Академии наук 6 сентября 1760 г. (и на русском, и на латинском). И Лавуазье мог знать об этом. Отличие формулировки Лавуазье, прежде всего, во включении в этот закон формулировки о сохранении «элементов» (в современном понимании этого научного термина). Исчерпывающий анализ теории теплорода и флогистона и роль Ломоносова Дорфман привел в своем труде «Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века»[3].

Подобное отношение к научным догадкам, идеям и открытиям Ломоносова высказывали и другие крупнейшие ученые, работавшие в Физико-техническом институте. Ведущий физик-теоретик института, глава теоретической школы Я.И. Френкель писал: «Первая попытка научной теории атмосферного электричества принадлежит великому русскому ученому М.В. Ломоносову (1753 г.) и связана с опытными исследованиями, произведенными им совместно с его другом Г.В. Рихманом, трагически погибшим от грозового разряда. Несмотря на то что физика времен М.В. Ломоносова обладала весьма скудными экспериментальными и теоретическими данными в области электричества и метеорологии, Ломоносов с присущей ему силой гения сумел в своей теории по существу правильно вскрыть самые общие моменты в процессе образования атмосферного электричества, и, в частности, роль восходящих и нисходящих потоков воздуха, предвосхитив многие современные представления по этому вопросу»[4].

---

[1] Дорфман Я.Г. Лавуазье. 1-е изд. ... С. 8.

[2] Дорфман Я.Г. Лавуазье. 2-е изд. М.; Л., 1962.

[3] Дорфман Я.Г. Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1974.

[4] Френкель Я.И. Теория явлений атмосферного электричества. Л.; М., 1949. С. 5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Действительно, М.В. Ломоносов считал, что электрические заряды в атмосфере образуются из-за вертикальных перемещений воздушных масс, о чем говорил в «Слове о явлениях воздушных, от Електрической силы происходящих», произнесенном в публичном собрании Академии наук 26 ноября 1753 г. Ниже цитируется фрагмент этой работы.

«Что от теплоты и трения паров электрическая сила в воздухе родиться может, то весьма вероятно.

Уже довольно явствует, какие движения воздуха, кроме дыхания ветров, электрическое трение произвести могут; итак, остается исследовать, есть ли на воздухе те материи и так ли расположены, чтобы встречным их движением возбуждена быть могла электрическая сила. Двоякого рода материи к сему требуются: первое — те, в коих электрическая сила рождается; второе — которые рожденную в себя принимают. Между сими электрическую силу крепче всех вода в себя вбирает, которой безмерное множество в воздухе обращается, что обильные дожди свидетельствуют, которые особливо в самое то время случаются, когда воздух показывает в себе электрическую силу. В числе тех, в которых она трением возбуждается, великое действие производят жирные материи, которые пламенем загореться могут. <…> Горючих тонких паров суть два рода известны: один с водою свободно соединяется и назван просто двойною водкою; другой в свое соединение воды не допускает и эфирного масла имя получил от химиков»[1].

Я.И. Френкель отмечает: «Одним из наиболее важных технических применений острия является громоотвод. Несмотря на то что громоотвод известен с незапамятных времен, а механизм его действия изучается со времени Ломоносова до наших дней, <…> механизм его действия до сих пор остается неясным»[2], что только подчеркивает важность исходных рассуждений М.В. Ломоносова для данной темы.

Я.И. Френкель неоднократно возвращался к проблемам атмосферного электричества и сопровождающим его явлениям, включая шаровую молнию. Это целый цикл работ, развивающий на современном уровне многие проблемы, обозначенные еще М.В. Ломоносовым. Часть этих исследований вошла в собрание трудов Я.И. Френкеля[3].

[1] Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 1. Естественные науки и философия. М., 1986. С. 163–191.

[2] Френкель Я.И. Собрание избранных трудов. Т. 2. Научные статьи. М.; Л., 1958 (Раздел «Геофизика»).

[3] Frenkel V.Ya. Yakov Ilich Frenkel. His work, life and letters. Basel; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1996.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Вот что об этом говорится в его биографии, написанной В.Я. Френкелем: «Работы Я.И. [Френкеля. — *Б.Д., Д.С.*] восходят к исследованиям в данной области Б. Франклина и М.В. Ломоносова. Именно Ломоносов раскрыл явление электризации при ясной погоде, т.е. наличие электрического поля при безоблачном небе. “Гром и молния”, с изучения которых начались исследования атмосферного электричества, рассмотрены, согласно открытию Ломоносова, как возмущения в “спокойном” электрическом поле в районах ясной погоды». И далее: «Заслугой Френкеля было установление тесного взаимоотношения между электричеством облаков и полями в безоблачной атмосфере и выделение роли облаков в происхождении электрических полей в атмосфере»[1].

Интересно, что упоминание здесь выдающегося американского ученого и политического деятеля Б. Франклина не случайно. Взаимоотношением и взаимосвязью своих идей с франклиновскими в области науки об атмосферном электричестве и ее приложений был озабочен сам М.В. Ломоносов, как об этом свидетельствуют его «Изъяснения, надлежащие к слову о электрических воздушных явлениях». Знаменитые опыты Б. Франклина были осуществлены в 1750 г., а публикации — в 1751–1752 гг., в том числе и в Европе, о чем Ломоносову напомнили, как бы мы сейчас сказали, его рецензенты — российские академики А.Н. Гришов, Н.И. Попов и И.А. Браун.

В своем «Слове…» и в «Изъяснениях…» Ломоносов говорит также о происхождении северных сияний и хвостов комет (об этом ниже).

В связи со 100-летним юбилеем выдающего отечественного ученого, директора ФТИ им. А.Ф. Иоффе, академика и вице-президента АН СССР Б.П. Константинова в архивных документах Физико-технического института был предпринят поиск его неопубликованных и малоизвестных работ. Среди них оказался и его доклад «Ломоносов — основоположник русской науки» на торжественном заседании общественности Ленинграда 23 ноября 1961 г., посвященном 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова» (далее цитируется по копии, находящейся в архиве ФТИ им. А.Ф. Иоффе). Он дополняет известную обширную статью Б.П. Константинова[2]. Эти и другие работы Константинова, ряд которых еще не опубликован, свидетельствуют о его профессиональном интересе к истории науки и могут послужить основанием для раскрытия темы о нем как историке и популяризаторе науки.

Поскольку, по имеющимся сведениям, доклад Б.П. Константинова не был опубликован, приведем некоторые характерные выдержки из него,

[1] Frenkel V.Ya. Yakov Ilich Frenkel... P. 277.

[2] Константинов Б.П. Михаил Васильевич Ломоносов // Академик Б.П. Константинов: Воспоминания. Статьи. Документы. Л., 1985. С. 174–188.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

раскрывающие понимание автором физических проблем, которыми занимался Ломоносов, и их дальнейшего развития, в том числе в Физико-техническом институте.

«Придавая основное значение в научном исследовании опыту, эксперименту, Ломоносов сделал огромный вклад в разработку и внедрение количественных методов, аппаратуры и приборов для многих областей науки. Точное измерение температуры, давления, веса, силы тяжести, положения небесных светил и многое другое усовершенствовал Ломоносов; он изобрел и построил приборы и инструменты для основных физических и астрономических измерений.

Ломоносов рассматривал природу во всех ее явлениях как единое целое, поэтому и все науки для него были взаимосвязаны, дополняли и поддерживали одна другую. В частности, развитие химии Ломоносов представлял себе только на основе физики, механики и математики».

Далее Константинов говорит о его опыте с окислением металла в запаянной колбе, приведшем к отказу от теории флогистона:

«Ломоносов опроверг господствующую тогда теорию и установил прочный фундамент закона сохранения материи при химических превращениях. <…>

В области кинетической теории газов он правильно объяснил зависимость сжимаемости газов от давления собственным объемом корпускул газа. <…> Задача, поставленная Ломоносовым, сохраняет свое значение и сейчас: мы точно знаем свойства мельчайших частиц — атомов и электронов — составляющих все тела, но мы и до сих пор не можем предсказать поведение коллективов этих частиц, ни в твердом теле, ни тем более в жидкости. Решив полностью задачу Ломоносова, физики поймут и что определяет и прочность твердых тел, и что определяет их электрические, магнитные, оптические и другие свойства. <…>

Исследуя вместе с академиком Рихманом атмосферное электричество, Ломоносов сделал много важных наблюдений и наметил правильную теорию возникновения грозовых разрядов как следствия конвективных потоков воздуха. Насколько Ломоносов опередил свой век в этих вопросах, видно из того, что он предсказал будущее значение электричества в жизни человека»[1].

Отметим, что в упоминаемых выше «Изъяснениях…» Ломоносов дал подробную, с чертежами и рисунками, картину одного из самых известных в истории отечественной науки трагических эпизодов — гибель Рихмана при опытах с грозовым электричеством 26 июля 1753 г.

[1] Архив ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Ф. 9. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Далее Б.П. Константинов говорит и об исследованиях Ломоносова о природе северных сияний и комет:

«Исследуя в течение ряда лет северные сияния, Ломоносов гениально связал их электрическими процессами в верхней атмосфере. Только сравнительно недавно наука подтвердила эту гипотезу Ломоносова.

Изучая результаты наблюдения комет, М.В. Ломоносов критически рассмотрел и решительно отверг неправильное объяснение кометных форм, данное великим Ньютоном. Физическая природа комет не может считаться и сейчас разгаданной, но, может быть, взгляды Ломоносова стоят ближе всего к современным представлениям о роли электромагнитных процессов в головах и хвостах комет»[1].

Необходимо отметить, что именно в это время Б.П. Константинов организовал в ФТИ исследования о природе комет и возможном наличии в их составе антивещества — смелую гипотезу, которой он был увлечен, как об этом свидетельствуют материалы, подготовленные к его 100-летнему юбилею. Подобные работы, в течение долгого времени закрытые, свидетельствуют не только о широте подхода к проблеме (М.В. Ломоносов также был революционен для своего времени в разъяснении природы комет), но и о развитии нового направления в науке — прикладной астрофизики, начатого в ФТИ.

В докладе Константинов отмечает и заслуги М.В. Ломоносова в области техники и технологии: «Для того чтобы разработать технологию изготовления цветных стекол, он произвел в своей лаборатории 4000 опытов и в короткий срок решил поставленную перед собою задачу — организовал производство бисера и смальты на построенном им Усть-Рудицком заводе. Разгадка Ломоносовым тайны производства цветных стекол — романтическая страница отечественной науки и техники. <…> Мы только сейчас начинаем понимать, насколько прав был Ломоносов в письме к Шувалову о пользе стекла»[2]. И далее приводятся поэтические строки Ломоносова — поэта и ученого:

Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов,
Приманчивых лучом блистающих в глаза:
Не меньше польза в нем, не меньше в нем краса.

[1] Дьяков Б.Б. Во главе лаборатории и института // Борис Павлович Константинов (к 100-летию со дня рождения). СПб., 2010. (Из истории ФТИ им. А.Ф. Иоффе. Вып. 4).

[2] Ломоносов М.В. Избранные произведения. Т. 2. История, филология, поэзия. М., 1986. С. 234–244.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Достойно упоминания, что тема стекла (как исследовательская, так и техническая, а именно получение высокопрочных материалов) — это одно из ведущих направлений деятельности Физико-технического института начиная с работ его основателя и первого директора А.Ф. Иоффе, направление, которое успешно продолжается и развивается и в наше время. Столь серьезна и значительна эта область исследований в ФТИ и столь значительны результаты их, что итоги многолетней работы ее руководитель, заведующий лабораторией физики прочности профессор Ф.Ф. Витман счел возможным отразить их в поэтической форме[1], приведя 133 ссылки на научные статьи о сверхпрочном стекле, начиная с основополагающей работы А.Ф. Иоффе о прочности твердого тела[2] и взяв в качестве поэтического зачина эпиграф из вышеупомянутого стиха Ломоносова (приводимого и Б.П. Константиновым):

Пою перед Тобой в восторге похвалу,
Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу.

В «Поэме о стекле» Витмана есть такие строки:

Так, вступив в единоборство
с непокорным твердым телом,
мы, работая с упорством,
труд закончим важным делом.
По стеклу теперь без страха
можно стукнуть молотком
Даже с полного размаха,
а ему… все нипочем!

Между тем в них описан сугубо научный результат: «При ударе молотком по стеклу толщиною 2,5 мм, лежащему на кольцевой опоре диаметром 100 мм, развивается сила около 0,5 т. Однако после упрочнения стекла травлением и защиты его с помощью полимерной пленки оно выдерживает этот удар, не оставляя на себе никаких следов. Если же на место стекла положить пластину прочной стали такой же толщины, то в процессе такого же удара, какой выдержало стекло, эта стальная пластинка приобретает глубокую вмятину».

[1] Витман Ф.Ф. Поэма о стекле. СПб., 2002.

[2] Иоффе А.Ф., Кирпичева М.В., Левитская М.А. Деформация и прочность кристаллов // Журнал Русского Физико-химического общества. 1924. Т. 56. Вып. 5–6. С. 489–504.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Ф.Ф. Витман завершил свою поэму ломоносовскими же строками:

И что об нем писал, то делом начинаю <...>
«С Парнасских гор схожу,
на время по стеклу весь труд свой приложу».

В заключение отметим, что интерес к Ломоносову ведущих современных физиков связан и с его организующей ролью в истории отечественной науки. Эта роль отмечается Б.П. Константиновом и Нобелевским лауреатом Ж.И. Алферовым (директором ФТИ в 1987–2003 гг.), известных, помимо научных достижений, своими заслугами в организации науки и научного просвещения. Они высоко оценивают деятельность М.В. Ломоносова в истории Академии наук и петербургской школы физики.

Б.П. Константинов: «Исключительно много времени стал отдавать Ломоносов вопросам организации отечественной науки с 1759 г., когда он был назначен советником Канцелярии Академии наук, ведавшей всей научно-организационной работой последней. В его непосредственное подчинение были отданы Академическая гимназия и университет, Историческое собрание и Географический департамент, где он сравнительно быстро наладил работу, находившуюся до того времени в крайне запущенном состоянии»[1].

Ж.И. Алферов: «М.В. Ломоносов, основав при содействии И.И. Шувалова Московский университет, определил для российской науки структуру “двойной звезды”. В первые два века своей истории ярче светило “протосолнце”: петербургский-петроградский-ленинградский период истории Академии наук характеризуется ускоряющимся ростом, развитием русской науки, формированием значительных научных школ, выходом многих направлений исследований на мировой уровень»[2].

Многократно издавались сочинения М.В. Ломоносова, имеется огромная литература о нем, все чаще его имя упоминается и в общемировом контексте истории науки. В данном очерке мы коснулись этой живой связи ученого прошлого с современностью через высказывания и творчество физиков Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе — одного из старинейших и крупнейших научных учреждений Российской академии наук, членом которой был Михаил Васильевич Ломоносов.

---

[1] Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе. СПб., 2010. С. 23–35.

[2] Алферов Ж.И. Академия наук в Петербурге-Ленинграде за 275 лет // Наука и общество. СПб., 2005. С. 220–230.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

С.В. Телешов, Т.М. Кравченко

ХИМИЧЕСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Химические лаборатории в России до Ломоносова

В России изначально не было алхимиков в европейском смысле этого понятия, но были лекари, аптекари, алхимисты, аптекарских и «алхимских дел» ученики, дистилляторы, травники. Аптекари изготавливали лекарственные препараты. Алхимисты занимались экстрагированием, перегонкой, очисткой, кристаллизацией, кальцинацией, принимали участие в анализе и экспертизе новых препаратов, иногда выезжали за границу для пополнения аптекарских запасов, т.е. с современной точки зрения были лаборантами-химиками. Первые российские фармацевты при приготовлении лекарственных препаратов (пластырей, настоек, мазей и т.п.) работали в помещениях, которые вполне можно характеризовать как химические лаборатории. В XVII в. их иногда называли «алхимическими казёнками», так как они принадлежали казне[1].

При аптеках и лабораториях после 1620 г. были заведены так называемые «аптекарские огороды» (в Москве их было три) для выращивания лекарственных трав. Создавались и химико-фармацевтические лаборатории, где изготавливались купоросная кислота, селитряной спирт, или крепкая водка, царская водка, ярь-медянка; очищалась сера, изготавливались купоросы, квасцы. Все это сырье, необходимое для фармацевтики. Вот как характеризовал их роль академик-химик Н.П. Соколов в 1786 г.: «Не могу не коснуться речию моею аптекарского искусства, или науки, которая <…> сама по себе есть настоящая и существенная часть химии. Ибо все те средства и способы, коими различные из

[1] Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 413.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

всех трех царств природы тела приготовляются в аптеках, изобрела химия»[1].

Во времена Петра I анализ многих минералов осуществлялся в Главной аптеке, где эту процедуру выполняли «пробиреры», т.е. химики-аналитики, которых ранее называли «алхимистами»[2].

Элементарные химические исследования производились и при изготовлении металлических денег: на Денежных (Монетных) дворах или в лабораториях при заводах, которые выпускали монеты. На Санкт-Петербургском монетном дворе в 1745 г. И.А. Шлаттером была основана лаборатория разделения благородных металлов, которая сыграла существенную роль в развитии отечественной химии и металлургии драгоценных металлов: золота, серебра, платины, палладия. При описании химической лаборатории И. Шлаттер отмечал, что для нее «надлежит иметь два покоя, не великие, токмо сухие и светлые, один для хранения пробирных весов с разновесами и всякие к сей науке потребности, другой для установления печей, в которых пробирное действие производить размером примерно две на полторы сажени каждый»[3]. Это описание в значительной степени совпадает с устройством химической лаборатории, созданной по проекту М.В. Ломоносова.

Еще одним местом, где неизбежно проводились химические анализы, были учреждения, связанные с добычей руды. Для анализа руд предназначалась организованная в Петербурге в 1720 г. президентом Берг-коллегии Я.В. Брюсом первая в России самостоятельная лаборатория для пробирного анализа и исследования руд и металлов.

Эта лаборатория была построена на 5-й линии Васильевского острова (лаборатория размещалась в деревянном здании, которое быстро пришло в негодность). В 1750 г. была разработана «Кондиция о перестройке вновь старой лаборатории, находящейся на Васильевском острове, пятой линии, на углу третьей Першпективной». Отметим, что отремонтировать ее не удалось, и в 1771 г. химические печи были установлены на 24-й линии в доме, называвшемся «Псковское подворье». Туда было передано оборудование старой лаборатории. В октябре 1772 г. лаборато-

[1] Соколов Н.П. Речь о пользе химии, говоренная Академии наук членом Никитою Соколовым при открытии публичных химических лекций маия 30 дня 1786 г. // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. IX. С. 46–59.

[2] Липский В.И. Исторический очерк Императорского С.-Петербургского ботанического сада (1713–1913) // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет существования (1713–1913). СПб., 1913. Ч. 1. С. 32.

[3] Шлаттер И.А. Задачи, касающиеся до Монетного искусства, сочиненные для обучения определенных при Монетных Дворах Коллегии и титулярных юнкеров, и прочих учеников. СПб., 1754. Ч. 1. С. 8.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

рию перевели в дом, принадлежавший вице-президенту Берг-Коллегии М.М. Хераскову[1].

По архивным материалам установлено существование подобной лаборатории в 1734 г. и в Москве, но как долго она функционировала, определить не удалось. Известно лишь, что в 1745 г. в старом здании Берг-коллегии, около храма Василия Блаженного рядом с Красной площадью, была создана лаборатория, которая просуществовала до 1790-х годов[2].

Все перечисленные лаборатории выполняли работы производственного и контрольного характера и не имели никаких исследовательских заданий[3].

Первая научно-учебная лаборатория России

8 января 1742 г. М.В. Ломоносов был назначен адъюнктом физического класса и сразу же подал свое первое представление о необходимости создания химической лаборатории (текст этой записки не сохранился)[4]. До создания Химической лаборатории Ломоносов имел возможность проводить некоторые экспериментальные исследования в Физическом кабинете Академии наук. Так, в мае 1744 г. в присутствии адъюнкта Х.-Э. Геллерта Михаил Васильевич выполнил серию экспериментов по действию азотной кислоты на металлы в вакууме и в обычных условиях: *«Крепкая водка при распущении металлов без воздуха инако действует, нежели на воздухе»*[5]. Но в проведении химических исследований без специальной лаборатории М.В. Ломоносов был ограничен.

В мае 1743 г. он направил в Академическую канцелярию повторное (второе) ходатайство*: «Минувшего 1742 года в генваре месяце подал я, нижайший, в Академию наук предложение о учреждении Химической лаборатории, которой еще при Академии наук не было, где бы я, ни-*

[1] Липский В.И. Исторический очерк… С. 429–431; Лукьянов П.М. 225 лет первой химической лаборатории в России // Журнал прикладной химии. 1946. Т. XIX. № 1. С. 3–6.

[2] Липский В.И. Исторический очерк… С. 432–434; Лукьянов П.М. 225 лет первой химической лаборатории… С. 3–6.

[3] Липский В.И. Исторический очерк… С. 46–51, 54; Лукьянов П.М., Соловьева А.С. История химической промышленности СССР. М., 1966. С. 18–21, 33–34.

[4] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 651.

[5] Ломоносов М.В. Диссертация о действии химических растворителей вообще // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 337–383.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

жайший, мог для пользы отечества трудиться в химических экспериментах». В своем *«доношении»* М.В. Ломоносов указывал, что организация лаборатории необходима для того, чтобы он мог *«не токмо химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить и о том журналы и рассуждения на российском и латинском языке сочинять, но при том еще <…> других обучать физике, химии, натуральной минеральной гистории <…> для того, чтобы на мое обучение в Германии издержанные е.и.в. суммы и мои в том положенные труды не потерялись»*[1]. И на это обращение последовал отказ[2]. Однако руководитель Академической канцелярии И.Д. Шумахер должен был признать, что *«при Академии никакая наука* [как химия] *так худого успеха не имела»*[3].

В 1744 г. Ломоносов подготовил записку, содержавшую весьма скромный перечень предметов, потребных для производства химических опытов: пять веществ, пять тиглей, пять стеклянных банок[4]. В феврале 1745 г. он получает правительственный заказ на исследование проб солей[5] и отправляет новый перечень необходимого лабораторного оборудования и реактивов, включивший в себя пять реторт, пять стеклянных сосудов для сбора продуктов перегонки, десять больших и десять небольших стеклянных круглых банок, десять тиглей, клещи, щипцы, фильтровальную бумагу, уголь, три фунта азотной кислоты, два фунта нашатырной соли и пять фунтов огнеупорной глины[6].

К очередной записке о необходимости создания химической лаборатории, поданной в марте 1745 г., М.В. Ломоносов приложил план лаборатории, включавший как расположение и размеры здания, так и детальное перечисление инструментов и материалов. В этом же проекте ученый изложил свои соображения о том, чем он предполагает заниматься в лаборатории и какие методы использовать: сочетать химию и физику; заниматься получением чистых химических веществ, изучением реакций между ними; вести анализ и синтез химических соединений; по-

[1] Ломоносов М.В. Представление в Академию наук об учреждении Химической лаборатории // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 9–10.

[2] Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 45.

[3] Там же. С. 65, 443.

[4] Ломоносов М.В. Перечень предметов, потребных для производства химических опытов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 13.

[5] Радовский М.Н. М.В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1961. С. 48.

[6] Ломоносов М.В. Репорт в Канцелярию АН о выдаче денег на покупку лабораторного оборудования и реактивов // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 14.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

лучать новые вещества, которые нужны в промышленности и народном хозяйстве.

Эта часть проекта, на наш взгляд, особенно важна для определения химических интересов и взглядов Ломоносова. Из нее становится видно, что лаборатория задумывалась Михаилом Васильевичем как физико-химическая[1]. Лаборатория, по мнению Ломоносова, была необходима не только для исследовательских целей, но и для обучения студентов, а также для изучения природных ресурсов государства. Он указывает при этом на практику других академий, которые благодаря своим лабораториям приносят большую пользу Родине.

25 октября 1745 г., будучи уже академическим профессором, Ломоносов обратился к Академической конференции: *«Так как на меня теперь возложены обязанности профессора, то вы, конечно, понимаете, что по своей профессии я должен высказать вам мое мнение о постройке химической лаборатории и о снабжении ее всеми приборами. <...> Я не сомневаюсь, что необходимые средства будут отпущены из императорской казны, <...> особенно имея в виду, что химические опыты прольют не меньше света в естественных и других науках и в искусствах, чем принесут пользу государству и славы Академии: это подтверждается примерами других известных академий»*[2].

Академики единогласно поддержали своего коллегу, и проект снова был направлен в Академическую канцелярию. В декабре 1745 г. Ломоносов предложил членам Академической конференции отправить его доношение о создании химической лаборатории непосредственно в Сенат. Академики и в этот раз поддержали коллегу: *«Прошедшего октября 25 дня профессор Михайла Ломоносов объявил в помянутом собрании, что он по возвращении своем из Германии, будучи адъюнктом, просил в канцелярии академической о учреждении химической лаборатории троекратно, а именно прошлого 1742 года в Генваре м-це, в 1743 году в Майе, и сего 1745 года в Марте месяце, однако на оные его прошения никакого решения не учинялось. И для того предложил он в том же собрании, чтобы именем всего собрания о учреждении помянутой химической лаборатории просить в Правительствующий Сенат. И понеже мы всеобще усмотрели, что химическая лаборатория при Академии Наук для исследования натуральных вещей весьма нужна и профессор химии без оной надлежащий*

[1] Ломоносов М.В. Третье представление в Академию наук об учреждении Химической лаборатории // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 14, 19.

[2] Там же. С. 22.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

пользы приносить не может, равно как профессор астрономии без обсерватории и надлежащих к тому инструментов. Того ради Правительствующий Сенат всепокорнейше просим, дабы по примеру других славных академий повелено было при Академии Наук построить химическую лабораторию по приложенному при сем рисунку и оную удовольствовать нужными к тому инструментами и другими принадлежностями и на то определить особливую сумму сверх положенной на Академию Наук. А сие бы было много долговечнее и безопаснее, ежели бы поведено было помянутую лабораторию построить из кирпича со сводами и при ней бы дом для профессора химии, ибо нередко случается, что химические операции несколько дней без перерывно продолжаются, причем оному профессору безотлучно быть надобно. Декабря 15 дня 1745 года»[1].

1 июля 1746 г. последовал именной Указ о построении химической лаборатории[2]. И только спустя два года 12 октября 1748 г. М.В. Ломоносов смог сообщить в Канцелярию Академии наук: *«Лаборатория, которая прошедшего августа 3-го числа при Ботаническом саду заложена, приведена со всем внешним и внутренним строением к окончанию»*[3]. Итак, всего два месяца строительства подвели черту под семилетней перепиской по поводу насущного вопроса, касавшегося химического будущего российской науки. По подсчетам А.С. Будиловича, в Архиве Академии наук сохранились семнадцать представлений М.В. Ломоносова о химической лаборатории за период с 1742 по 1745 гг.[4]

Дата 12 октября 1748 г., таким образом, стала важной вехой в истории отечественной химии. Однако Ломоносову потребовалось, конечно, время на оснащение лаборатории приборами, инструментами, материалами, и реальной датой начала ее работы следует считать срок не ранее марта — апреля 1749 г.

Не позднее 28 июля 1748 г. М.В. Ломоносов подает в Канцелярию перечень *«предметов, потребных до химической лаборатории»*, не только включив в нее инструменты, посуду и материалы, но и указав, где *«оных достать можно»* (купить, взять в других учреждениях, изготовить)[5]. В день окончания строительства М.В. Ломоносов пишет

[1] Ломоносов М.В. Третье представление... С. 28.

[2] Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1. С. 327.

[3] Там же. С. 40.

[4] Будилович А.С. М.В. Ломоносов, как натуралист и филолог. СПб., 1869. С. 40.

[5] Ломоносов М.В. Список предметов, потребных для Химической лаборатории // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 34–38.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

«репорт», напоминая, *«чтобы поставкою требуемых вещей в лабораторию не было умедлено, и мне бы вскоре зачать можно в химических опытах трудиться»*[1].

15 октября и 17 ноября 1748 г. он подает новые доношения в Академическую канцелярию о необходимости произвести дополнительные работы для лаборатории: плотницкие (заменить ворота во дворе Бонова дома), столярные (изготовить два стола и три скамьи, ящик для угля), привезти свечи, чугунные и железные чаши, поташ[2]. 20 февраля 1749 г. он извещает, что в лабораторию доставлена с заводов вся стеклянная посуда[3]. При этом часто М.В. Ломоносов оплачивает приобретение нужного оборудования из своих личных средств. Отметим, что некоторые заказанные приборы не были изготовлены и к 1752 г.

15 января 1749 г. Ломоносов писал: *«Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, в генварской трети сего 1749 г. <…> буду в Химической лаборатории делать опыты химические для исследования минералов и других вещей и показывать студентам первые основания химии, ежели к тому определены будут»*[4]. Но первые студенты были «определены» к химии только в феврале 1750 г. 11 апреля 1750 г. М.В. Ломоносов смог известить ректора университета о том, что *«будет преподавать практическую химию в Академической лаборатории в послеполуденные часы по понедельникам и четвергам»*[5]. В другом документе ученый сообщал: *«В будущую майскую треть <…> определяемым ко мне студентам* [это были М. Софронов, И.Н. Федоровский. В.И. Клементьев. — *С.Т., Т.К.*] *буду показывать химические опыты натуральным порядком»*[6].

---

[1] Ломоносов М.В. Репорт в канцелярию АН об окончании работы по постройке Химической лаборатории // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 40.

[2] Ломоносов М.В. Доношение в Канцеляию АН о плотницких и столярных работах для Химической лаборатории // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 41; Доношение в Канцелярию АН об изготовлении некоторых предметов оборудования для Химической лаборатории // Там же. С. 44.

[3] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 747. Л. 150.

[4] Ломоносов М.В. Репорт в Канцелярию АН о плане работ на январскую треть 1749 г. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 377.

[5] Ломоносов М.В. Объявление о расписании занятий по химии // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 49.

[6] Ломоносов М.В. Репорт в Канцелярию АН с отчетом о планах за майскую треть 1750 г. и о плане работ на сентябрьскую треть 1750 г. // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 382.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Курс созданной им физической химии читался с мая 1752 г. по май 1753 г. Его прослушали С. Румовский, И. Братковский, В. Клементьев, И. Федоровский; из них только В.И. Клементьев избрал своей специальностью химию[1]. В созданной наконец академической химической лаборатории научно-исследовательская работа гармонично сочеталась с учебной. Отметим, что первая аналитическая учебная лаборатория в Европе была создана Ю. Либихом на 75 лет позже, в г. Гиссен, в 1824 г.

Для нормальной работы лаборатории необходимо было ввести в ее штат должность лаборанта. 23 февраля 1749 г. М.В. Ломоносов направляет очередное доношение на имя Президента Академии о необходимости назначения лаборатора: *«Построенная при Академии наук Химическая лаборатория уже по большей части имеет к химическим трудам надлежащие потребности, <…> прошу определить ко мне в Лабораторию для вспоможения лаборатора»*[2]. Советник Шумахер дополняет ломоносовскую бумагу своим «особым мнением» в поддержку прошения: «Хотя бы г-н профессор Ломоносов и никаких других дел, кроме химических не имел, однако необходимо надобен ему лаборатор или такой человек, который с огнем обходиться умеет, понеже профессор сам того еще не знает, да и, упражняясь в теории, столь скоро тому не научится. <…> Он больше сосудов испортит и больше материалов потратит <…>, а ничего особливого не сделает»[3].

Лаборатор, Иоганн Менеке, был назначен в конце апреля 1749 г. Условия работы в лаборатории, с точки зрения охраны труда, были очень тяжелыми. Дым от печей постоянно наполнял помещение; к нему присоединялись выделяющиеся вредные газы, жара и теснота. Воздух наполняла минеральная пыль. В лаборатории многие вещества нюхали и пробовали на вкус, руками оценивали готовность охлаждающих смесей. Все это было абсолютно небезопасно для здоровья работающих, включая и самого М.В. Ломоносова[4].

В 1757 г. М.В. Ломоносов с семьей переехал в новый дом, расположенный на реке Мойке (на месте нынешнего дома 63). Экспериментальная деятельность Ломоносова не прекратилась в связи с переездом на новое место жительства. Не имея больше возможности трудиться в академической лаборатории, он устроил химическую лабораторию у себя

[1] Раскин Н.М. Химическая лаборатория М.В. Ломоносова. М.; Л., 1962. С. 136–138.

[2] Ломоносов М.В. Доношение в Канцелярию АН о назначении лаборатора // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 45.

[3] СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 803. Л. 101.

[4] Раскин Н.М. Химическая лаборатория М.В.Ломоносова… С. 169–170.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

дома[1]. Другой экспериментальной базой Ломоносову служила Усть-Рудицкая фабрика.

Химическая лаборатория на Васильевском острове к концу XVIII в. прекратила свое существование. К 1793 г. здание обветшало, требовало ремонта, участок Бонова дома был продан.

[1] Подробно о домашней лаборатории М.В. Ломоносова см.: Макаров В.К. Домашняя химическая лаборатория Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Т. III. С. 347–349.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

С.В. Березницкий

РОЛЬ И ОБРАЗ М.В. ЛОМОНОСОВА В РОССИЙСКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Ломоносовский смех <…>
убийствен не язвительностью, <…> а веселостью.
Лебедев Е.Н. Ломоносов Михаил Васильевич. М., 1990.

М.В. Ломоносов проявил свой талант в естественных и гуманитарных дисциплинах, совершил открытия, опередившие научную парадигму XVIII–XIX столетий. Сделать это ему удалось благодаря гениальному дару, титаническому труду, а также чувству юмора, остроумию, с помощью которых ученый смог противостоять оппонентам, переносить житейские невзгоды и решать бытовые проблемы. Своим творчеством Ломоносов внес большой вклад в дальнейшее развитие российской смеховой культуры, что предполагает освещение его роли и образа в этой сфере.

Смех, согласно социоантропологической концепции, имеет в своей основе нечто негативное, появляется одновременно с мышлением человека и свойствен только ему[1]. Сторонники этологического подхода к генезису смеха считают, что смех зародился в докультурном прошлом человечества[2]. Актуальной проблемой остается также выявление этнокультурных особенностей смеха и юмора. Ломоносову как реформатору литературы, родного языка, поэзии принадлежит важная роль одного из основателей российского понимания смешного.

---

[1] Аристотель. Об искусстве поэзии (Поэтика). М., 1957. С. 29–35; Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999; Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб., 2002. С. 9–10.

[2] Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции / Отв. ред. А.Г. Козинцев. СПб., 2002. С. 5–43.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Сам Ломоносов высоко ценил сатирическое творчество А.Д. Кантемира (1709–1744), который упрощал русский литературный и разговорный язык, освобождал его от чрезмерного церковного влияния, высмеивал невежество, пьянство и другие пороки чиновников, дворян, священников[1].

По справедливому замечанию И.З. Сермана, проблема поэтического стиля является самой неразработанной[2]. Ломоносов творчески переработал многие образцы поэзии античности, Нового времени и создал оригинальную литературную и сатирическую традицию, ориентируясь, с одной стороны, на европейские образцы, с другой — на глубинные пласты культуры русского народа.

Процесс понимания Ломоносовым необходимости реформирования языка и законов стихосложения, создания им литературных произведений можно представить в виде нескольких этапов[3]. С основными правилами стихосложения Ломоносов познакомился в детстве, по книге Симеона Полоцкого «Псалтырь рифмотворная» (М., 1680), которая была написана на основе силлабического принципа. Сущность этого принципа заключается в том, что ритмообразующий фактор сочетается с количественным соотношением слогов и женской рифмой (ударение на предпоследнем слоге). В Славяно-греко-латинской академии Ломоносов учился поэтическому мышлению, т.е. остроумному поиску соответствия между различающимися явлениями.

Следующий этап связан с изучением Ломоносовым книги В.К. Тредиаковского (1703–1769) «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735), где обосновывался уже силлабо-тонический принцип сложения стихотворных форм. По мнению Тредиаковского, силлабическая система пришла в русский язык из Польши, но она противоречила российской народной поэзии. Реформа стихосложения Тредиаковского и особенно Ломоносова стала основой силлабо-тонического (слогово-ударного) принципа стихосложения, идущего от ритмики народного стиха, ибо в русском языке невозможно мелодическое или метрическое стихосложение[4]. Именно Ломоносов предложил чередовать женские и мужские рифмы. Тоническое стихосложение могло родиться из скоморошьего смеха, частушек и народных сказочных стихов[5].

---

[1] Веселитский В.В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. С. 2–3, 12, 37.

[2] Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. Л., 1966. С. 5–6.

[3] Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1965. С. 7–10.

[4] Стихосложение // Новая иллюстрированная энциклопедия: *Ск – Та*. М., 2002. С. 168.

[5] Тоническое и силлабическое стихосложение [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.http/pishi-stihi.ru/detail.phpid=110 20090605.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Высоко оценил реформаторскую деятельность Ломоносова В.Г. Белинский (1811–1848), который назвал ломоносовскую оду в честь победы над турками в 1739 г. истинным началом русской литературы[1]. Скорее всего к такому выводу В.Г. Белинский пришел на основе осмысления этнокультурной позиции Ломоносова, понимания поэтом значения победы как важного этапа национально-освободительной борьбы славян, повышения уровня их патриотизма и этнического самосознания.

Роль М.В. Ломоносова в сфере смеховой культуры, сатиры и иронии помогает понять также концепция немецкого филолога В. фон Гумбольдта о соотношении языка и этничности. Согласно его воззрениям язык — это объединенная духовная энергия народа, он показывает своеобразие этноса, формирует человека; наиболее отчетливо особенности языка проявляются в поэзии, народной жизни и литературе[2]. Ломоносов показал природную особенность русского языка, использовал ее в своем сатирическом творчестве, в работе 1739 г. «Правила русского стихотворства»[3].

Важную роль играет разработанная Ломоносовым система трех поэтических стилей (высокого — для героических поэм и од, среднего — для элегий, сатир и театра и низкого — для комедий, басен и эпиграмм), хотя проблема классификации юмора, комизма в целом на «высокий» и «низкий» окончательно не решена до сих пор.

Ломоносов своей сатирой старался не разрушать, а, наоборот, созидать[4]. Высмеивая недостатки людей, он пытался просвещать русский народ, улучшать его национальную культуру, ибо в соответствии с народной мудростью шутить тоже нужно уметь — в ритуале или на празднике, в процессе обучения подрастающего поколения эстетическому пониманию сущности юмора и смеха.

Известно, что остроумие является важной составляющей духовной целостности человеческой натуры. З. Фрейд отмечал это, найдя причину остроумия в области бессознательного, подчеркивая, что умение острить независимо от настроения свойственно только тем людям, которые имеют к этому природную склонность[5].

---

[1] Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 8.

[2] Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. // Гумбольт В. фон. Язык и философия культуры: Пер. с нем. / Сост., общ. ред и вступит. ст. А.В. Гулыга и Г.В. Рамишвили. М., 1985. С. 346–349. Характер языка и характер народа // Там же. С. 370–381

[3] Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 465–473.

[4] Лебедев Е.Н. Ломоносов Михаил Васильевич. М., 1990 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http//www.erlib.com28/10/2010

[5] Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; М., 1997. С. 168–170, 180–181, 236–237.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.В. Ломоносов полностью соответствовал этому условию, он не только создавал сатирические произведения, но и адаптировал творчество античных и других писателей и поэтов к русской культуре и ментальности. Так, известен его юмористический перевод отрывка басни Ж. Лафонтена (1621–1695) «Мельник, его сын и осёл» — о сбитом с толку человеке, который прислушивается к любому мнению и в результате попадает в смешное положение[1]. Подражая другой басне Лафонтена («Волк, ставший пастухом»), Ломоносов высмеивает притворство и лицемерие[2]. Критикуя отдельные недостатки семейного быта, Ломоносов красочно описал скверный характер склочной жены, которая, даже утонув, назло мужу уплыла против течения[3].

Важным шагом развития российской смеховой культуры является выявление Ломоносовым структуры красноречия (душевные дарования, остроумие, память) и литературных жанров (к прозе он относил научные издания, а к поэме — комедии и сатиру)[4].

Освобождая российский язык от излишних сложностей, двоякомыслия, Ломоносов создавал прекрасные образцы остроумной поэзии, например «О сомнительном произношении буквы «Г» в русском языке»[5]. Каждое слово сатирического произведения содержит эту букву, но в разном звучании, что производит юмористический эффект.

Некоторые прозаические и даже научные труды Ломоносова также наполнены иронией и сарказмом, например его критические замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера о проблемах происхождения и наименования российского народа[6]. Ломоносов сатирически упрекал Миллера в недостаточном знании русского языка, критиковал его этимологические попытки анализа имен русских князей. Миллер в своей работе ссылался на сходные взгляды Г.З. Байера (Бейера). Поэтому Ломоносов предложил шуточный вариант этимологии имени Байера от русского слова «Бурлак». В качестве сатирического примера Ломоносов приводит российские имена, имеющие греческие и еврейские корни, что не говорит о происхождении россиян от греков или евреев. Иногда Ломоносов доходит до сарказма, сравнивая Г.З. Байера с шаманом: *«Мне кажется, что он (Бейер) <…> походит на <…> идольского жреца, который, окурив себя беленою <…> и скорым на одной ноге вертением закрутив свою*

[1] Ломоносов М.В. Избранные произведения... С. 258.

[2] Там же. С. 257.

[3] Там же. С. 257–258.

[4] Ломоносов М.Ф. Избранные философские произведения / Под общ. ред. Г.С. Васецкого. М., 1950. С. 451, 453.

[5] Ломоносов М.В. Избранные произведения… С. 261.

[6] Ломоносов М.В. Избранные философские произведения… С. 459–479.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

голову, дает <…> непонятные <…> ответы. Жаль, <…> не было человека, который бы поднес ему к носу <…> химический <…> состав, от чего бы он смог очунуться». Критикуя желание Миллера произвести топоним «Холмогоры» от термина «Голмгардия», Ломоносов предложил называть Стокгольм в русской редакции — Стиоколный город[1].

Оригинальные юмористические зарисовки можно найти в адресованной в 1752 г. И.И. Шувалову поэме «Письмо о пользе стекла»[2].

Из чистого стекла мы пьем вино и пиво
И видим в нем пример бесхитростных сердец:
Кого льзя видеть сквозь, тот подлинно не льстец.

Светлым юмором наполнены следующие строки поэмы, в которых видно нежное, но все же ироничное отношение Ломоносова к женщинам:

Прекрасный пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждый день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя.
Вы вдвое пригожи, стекло употребя.

С одной стороны, Ломоносов понимает желание женщин всегда быть прекрасными, но с другой — ему смешны их приемы, ибо в подавляющем большинстве случаев женщина сумеет добиться своего, для чего ей вполне достаточно природных данных.

Великолепный образец сатиры — в знаменитой поэме «Гимн бороде» (1757)[3]. Здесь отчетливо видно буквально сыновнее уважение к реформаторской деятельности Петра Великого, прилагавшего все силы для привития европейской культуры русским людям и посредством этого — усиления империи. Борода для Ломоносова символизировала косность, невежество, упрямство и другие недостатки русского человека, священника-ортодокса, которые необходимо искоренить, в том числе и с помощью сатиры:

[1] Ломоносов М.В. Избранные философские произведения… С. 470–478.
[2] Там же. С. 482–492.
[3] Там же. С. 533–536.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудности рожден,
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Ломоносов иронически одушевляет бороду, наделяет ее далеко не лучшими человеческими качествами. Впоследствии в работах других классиков русской литературы эта сатирическая линия будет продолжена («Шинель» Н.В. Гоголя (1842), «Доходное место» А.Н. Островского (1856) и др.).

В своеобразном ответе оппонентам («Стихотворение по поводу нападок на «Гимн бороде» (1757) Ломоносов зло высмеивает православных священников, канон внешнего облика которых немыслим без обильной растительности на лице.

Козлята малые родятся с бородами —
Коль много почтены они перед попами[1].

Такого же рода его едкая сатира «Свинья в лисьей коже» (1761), обращенная против лжи, высмеивающая лицемерие[2]. Образ хитрой свиньи выписан Ломоносовым настольно сатирически точно, что читатель ясно представляет себе толстую, неуклюжую свинью под шкурой умершей лисы (свинья не может в схватке убить хищницу и содрать с нее шкуру), старающуюся изобразить грациозную походку. Ломоносов приводит в пример и умерших людей-лжецов. Возможно, поэт имел в виду не настоящих мертвецов, а людей с омертвевшими душами, отравленными ядом лжи.

Прекрасным образцом ломоносовской сатиры, направленной против невежественных чиновников, ученых, не следящих за новыми научными концепциями, стал его памфлет «Случились вместе два астронома в пиру» (1761)[3]. В отличие от чиновников, даже простой повар понимает факт того, что именно Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Данный шедевр Ломоносова появился благодаря творчеству Стефана

[1] Ломоносов М.В. Избранные философские произведения… С. 537.

[2] Ломоносов М.В. Избранные произведения… С. 277–278.

[3] Там же. С. 275–276.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Яворского, который, хоть и не признавал полностью концепцию Н. Коперника, но все же в философских рассуждениях приводил аргументы в ее пользу: например о том, что меньшее всегда движется вокруг большего; Солнце не нуждается в Земле, а Земля в нем нуждается для тепла и света. И, наконец, знаменитая фраза «Ведь мы не вращаем огонь вокруг сковороды, а скорее сковороду вокруг огня. Этот популярный в те времена аргумент и использовал Ломоносов в своем сатирическом произведении[1].

Всесторонний талант М.В. Ломоносова позволил ему в полной мере понять глубинный смысл слова, «вне которого мысль не может стать достоянием другого человека»[2]. Огромным достижением ломоносовской сатиры является ее понятность людям XXI века, а ведь для каждой исторической эпохи характерно особое понимание смешного. Например, роман М. де Сервантеса Сааведра (1546–1616) о Дон Кихоте Ламанчском (1 ч. — 1605, 2 ч. — 1615) считается одним из мировых образцов юмора и сатиры. Однако, с точки зрения современной морали, можем ли мы смеяться над злоключениями Дона Кихота (падениями, избиениями и т.п.), ведь в романе он сумасшедший человек? Много спорных мест в этом отношении находим в произведениях других писателей: Ш. де Костера (1827–1879) о Тиле Уленшпигле (1867), Виктора Гюго (1802–1885) «Человек, который смеется» (1869). «Юмористические» сюжеты этих романов (издевательства, жестокие «шутки», избиение дворянами простолюдинов с использованием холодного оружия, поджоги жилищ бедняков и т.п.) сегодня не кажутся исключительно смешными.

Грань между категориями смешного и пошлого очень тонкая, порой неразличимая. К сожалению, современные создатели «смешного» давно перешагнули на половину пошлости и уютно там себя чувствуют, ибо зарабатывают на этом большие деньги. Смех и юмор стали товаром, а «смеходелание» — доходным бизнесом.

Присутствует в сфере современного юмора и образ М.В. Ломоносова. Так, анализ ста тысяч анекдотов (опубликованных в различных изданиях и размещенных в Интернете) показывает, что около десятка из них относятся к Ломоносову[3]. Объектом смеха чаще всего становятся сарказм Ломоносова, его талант, остроумная способность мгновенно на-

[1] Русская мысль в век Просвещения. М., 1991. С. 103.

[2] Там же. С. 142.

[3] 100000 анекдотов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.http/xemera.ru; Киселев В. (Старый ворчун). Анекдоты об ученых. Вып. 15. Михаил Васильевич Ломоносов [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.http/abhoc.com/images/anecd200-2010.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ходить выход из проблемных ситуаций, факт создания им Московского университета, его учеба в различных учреждениях, некоторые его открытия, отдельные топонимы, связанные с его именем.

Так, в анекдотах нерадивые студенты считают, что именно Ломоносов создал периодическую систему химических элементов и диалектические принципы в философии; по мнению заботливой мамаши, оберегающей свое чадо, в МГУ обучаются только евреи, потому что город Ломоносов ранее назывался Ораниенбаум; отец Ломоносова дал ему обоз рыбы для взяток в Москве. Классические анекдоты об отношениях Ломоносова с своими современниками, академиками, литераторами наполнены сюжетами об обязательной победе Ломоносова на основе высокого уровня природного остроумия. В некоторых анекдотах высмеивается буйный нрав великого ученого, его дерзость, феноменальная физическая сила и неудержимый характер.

Таким образом, М.В. Ломоносов использовал в своем многогранном творчестве практически все формы смешного: от легкой иронии до жесткого сарказма. Но все примеры его остроумия наполнены патриотизмом, борьбой с пошлостью и невежеством. Сатирический канон Ломоносова во многом стал основой для дальнейшего развития российской смеховой культуры, что выразилось впоследствии в знаменитых произведениях И.А. Крылова (1769–1844), А.С. Пушкина (1799–1837), Н.В. Гоголя (1809–1852), М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889), С.В. Михалкова (1913–2009) и др. Сегодня отношение к М.В. Ломоносову весьма уважительно, что во многом основано на понимании и положительной оценке его вклада не только в смеховую, но и в целом в российскую культуру.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Е.М. Лупанова

РОЛЬ ЮБИЛЕЯ 1865 г. В РАЗВИТИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О М.В. ЛОМОНОСОВЕ

М.В. Ломоносов стал символом в русской культуре XIX–XX веков. Его имя хорошо знакомо каждому. В течение вот уже двух столетий ему посвящаются не только научные работы и страницы учебников, но и стихи, пьесы, рассказы, повести. Его именем называют вновь открытые географические объекты, населенные пункты и улицы в разных городах страны, школы и университеты, библиотеки и другие учреждения. В 2008 г. имя ученого активно обсуждалось в ходе проекта «Имя России», целью которого было выявление тех людей, чья деятельность сыграла наиболее значимую роль в истории страны. По итогам всенародного голосования М.В. Ломоносов вошел в число 50-ти первых.

Есть все основания для того, чтобы рассматривать данную совокупность исторических и культурных реалий как место памяти. Понятие «место памяти» вошло в научный оборот в 1980–1990-х годах благодаря крупному французскому исследовательскому проекту под руководством П. Нора. Исходная идея проекта заключалась в изучении символов, определяющих национальную идентичность французов. По мнению П. Нора, явление культуры становится местом памяти только при определенных условиях, когда феномен наделяется символической аурой, обрастает некими ритуалами или когда в нем осуществляется кристаллизация воспоминания и его передача. По его определению, место памяти — это всякое значимое пространство материального и идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия некоей общности. Концепция пространства памяти опирается на идею о том, что память по своей при-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

роде социальна и является фундаментом для формирования идентичностей социальных групп. С этой точки зрения, место памяти, как и любое другое символическое пространство, выступает как средство идентификации, способ формирования группового сознания, чувства принадлежности к единому социальному целому, в том числе и национальной общности. Становясь символом, оно указывает на коллективную идентичность и является ее знаком[1].

Символы не появляются изначально по воле народа и всей нации. Как правило, требуются усилия небольшой инициативной группы, направленные на создание места памяти и связанных с ним ритуалов, и благодатная почва для того, чтобы результатом создания мемориалов стало формирование нового места памяти. В России, как и во многих других странах, формированию мест памяти способствовали юбилейные торжества, традиции регулярного проведения которых складываются во второй половине XIX в.

Бóльшую роль при выборе героя очередных торжественных мероприятий по сравнению с научной актуальностью играл конъюнктурно-политический аспект. Например, начало XX в. в нашей стране было отмечено бумом военных юбилеев. Прошли торжества по поводу 100-летнего юбилея со дня смерти А.В. Суворова (1900) и 175-летия со дня его рождения (1904), 200-летия сражения при деревне Лесной (1908), Полтавской битвы (1909) и взятия Выборга (1910), 50-летия окончания Кавказской войны (1909), 100-летия Отечественной войны 1812 года. Эти празднования стали событиями в предыстории Первой мировой войны. Масштабные мероприятия, во-первых, способствовали росту патриотических настроений и национальной гордости в русском обществе, что имело огромное значение в плане моральной подготовки массовой армии к предстоящей мировой войне, во-вторых, оказались удобным поводом продемонстрировать мощь русской армии в парадном блеске перед международной общественностью.

В 1865 г. в России широко отмечалось столетие со дня смерти М.В. Ломоносова. Торжества прошли в Академии наук, Московском университете, юбилейные мероприятия были организованы в 25 городах России — от Архангельска до Иркутска[2]. Вышло более сотни пуб-

[1] Франция-память. СПб., 1999.

[2] Селин АВ. Речь, читанная на торжественном акте университета св. Владимира // Университетские известия. 1866. № 2. С. 1–36; Сергиевский Н. Речь на поминовение Ломоносова // Православное обозрение. 1865. № 4. С. 339–342; Сцепура А.Ф. Статья, читанная в зале Воронежского дворянского собрания в день юбилея Ломоносова // Воронежские губернские ведомости. 1865. № 16–18; Речь по случаю поминовения М.В. Ломоносова в столетнюю годовщину его

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ликаций, посвященных круглой дате[1]. Это было настоящим взрывом интереса к личности ученого.

Нельзя сказать, что до 1865 г. имя М.В. Ломоносова было предано забвению и теперь биография ученого-энциклопедиста создавалась с чистого листа. М.В. Ломоносов в простонародной среде становится легендой при жизни. Уже во второй половине XVIII в. можно говорить о том, что его личность стала местом памяти, и эта память живет и развивается в течение последующих десятилетий: «Не на школьной скамье я услышал первый раз имя Ломоносова, не в книгах его прочитал; я услышал его впервые в устах бродячих слепцов, которые в детстве моем еще странствовали по южной России и пели его духовные гимны перед толпою благоговейных слушателей»[2].

Практически сразу после смерти М. В. Ломоносова началось научное изучение его биографии и наследия. В 1768–1772 гг. И.И. Лепёхин и Н.Я. Озерецковский предприняли экспедицию на родину Ломоносова, составили биографию ученого, они узнали о его роде и детских годах. Затем секунд-майор П.И. Челищев в 1791 г. побывал на Куростров и записал воспоминания помора Варфоломеева и соседей о юности М.В. Ломоносова на его малой родине и поставил первый деревянный памятник ученому. Свои строки Ломоносову посвящают А.С. Пушкин, А.Ф. Мерзляков, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, А.Н. Майков и другие.

В.Г. Белинский говорит о юбилее «со дня рождения русской литературы — с того времени, как раздалась первая торжественная песнь Ломоносова “Ода на взятие Хотина”, написанная в 1739 г., с того времени, как в первый раз услышана правильная, чистая русская речь в литературном произведении и положено начало дальнейшему развитию русского языка, русской науки, русского искусства»[3]. К.Н. Батюшков заключает свою статью об ученом словами: «Труды его не потеряны, имя его бессмертно»[4].

смерти. Вильно, 1865; Речь о Ломоносове // Минские губернские ведомости. 1865. № 19; М.В. Ломоносов // Воронежский листок. 1865. № 22, 23, 29, 30, 36, 37; М.В. Ломоносов // Полтавские губернские ведомости. 1865. № 18 и др.

[1] Межов В.И. Юбилеи Ломоносова, Карамзина, Крылова: Библиографический указатель книг и статей, вышедших по поводу этих юбилеев. СПб., 1871. С. 35–56.

[2] Никитенко А.В. Значение Ломоносова в отношении к изящной русской словесности. СПб., 1865. С. 30.

[3] Белинский В.Г. Месяцеслов на (високосный) 1840 год // http://www.azlib.ru/b/belinskij_w_g/text_2670.shtml 11.01.2011.

[4] Батюшков К.Н. О характере Ломоносова // Вестник Европы. 1816. Ч. 86. № 7. С. 63.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Однако все вместе взятые упоминания великого имени едва ли сравнятся по количеству и качеству с теми материалами, которые появились весной 1865 г. Какие в этот момент происходят значимые перемены в конструировании исторической памяти о М.В. Ломоносове? Что стало толчком к повышению интереса к русскому энциклопедисту и проведению масштабных мероприятий? На эти вопросы мы постараемся найти ответы в данной статье.

Многогранная личность, разнообразие интересов и деятельности М.В. Ломоносова открывают много возможностей для решения чисто конъюнктурных задач. Назовем лишь некоторые из них, которые часто можно отметить в популярной литературе.

- Патриотические мотивы — становление русской науки в борьбе М.В. Ломоносова против немецкого засилья.
- Биография М.В. Ломоносова как убедительный пример талантливого выходца из простых людей; веский аргумент в пользу необходимости распространения всеобщего образования.
- Век Просвещения и ученых-энциклопедистов в России.
- Просветительская и организаторская деятельность; основание Московского университета.
- Борьба с предрассудками и распространенными в народе представлениями о науке как о занятии, не совместимом с христианством; либо, напротив, жизнь М.В. Ломоносова как пример страдного пути, праведного смирения и вознаграждения свыше, в эссе такого характера ученый предстает перед нами как человек глубоко религиозный.
- Значение трудов М.В. Ломоносова в развитии мировой науки; становление химии, физики, минералогии и других наук; первые опыты проведения исследований в различных областях.
- Культурный аспект деятельности М.В. Ломоносова: его литературное творчество, мозаики.

В 1865 г. академик Я.К. Грот отмечает произошедшее на его глазах смещение акцентов в исторической памяти о М.В. Ломоносове в образованном обществе: «В первые 50 лет он считался законодателем в поэзии, в красноречии, в языке; поэты и ораторы видели в нем свой образец. <…> С развитием нашей гражданской жизни и народности в литературе на первый план в оценке Ломоносова выступает его общественная деятельность, его национальное значение; он является передовым борцом русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации»[1].

[1] Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. CXXVI. С. 403–404.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В юбилейные дни 1865 г. на первый план выходит антинемецкий мотив. В торжественных речах и газетных публикациях уделяют особое внимание его борьбе против немецких ученых, противостоянию на научном, административно-бюрократическом и на личном уровнях: «На ломоносовских празднествах с замечательным единодушием выразилось то чувство народности, которое неоспоримо пробудилось в нас, сколько бы ни было тут посторонней и иногда не совсем чистой примеси. Из всех сторон деятельности Ломоносова как-то с особенною любовью стали у нас выставлять на вид его ревностное противодействие академическим немцам (главным материалом к этому служит составленная Ломоносовым "Краткая история о поведении академической канцелярии", помещенная г. Ламанским в его сборнике "Ломоносов и Академия наук" и перепечатанная в "Материалах" г. Билярского). Ломоносов как бы стал для нас поборником народной самостоятельности, он, бывший могучим проводником к нам западно-европейской цивилизации»[1].

Особое внимание к противостоянию М.В. Ломоносова и немецких ученых объясняется проблемами Академии середины 1860-х годов. Начавшаяся более ста лет назад борьба двух партий за влияние к этому времени не прекратилась. Период, связанный с деятельностью М.В. Ломоносова, в насчитывавшей уже много десятилетий истории оказался первым и ярчайшим примером успеха русской партии. А аргументы, к которым апеллировали участники дискуссии, сформировавшиеся к середине XVIII в., практически не изменились за долгий период. «Защитники нынешнего ненормального состояния академии обыкновенно противопоставляют своим противникам не разумные возражения, а обвинения, перед одною частью общества в анархических и демагогических стремлениях, а перед другою — в квасном патриотизме, в "славянофильской" вражде к науке, просвещению, к Германии»[2]. Эти слова в дни празднования юбилея звучали бы не менее актуально и столетием раньше.

Говоря объективно, к середине XIX в. проблема русификации Академии наук была практически решена. Многие ученые-«немцы» трудились на благо отечественной науки уже не в первом поколении, давно утратили связь с исторической родиной. Кроме того совместная деятельность русских и специалистов, приехавших из Европы, к тому времени имела богатые традиции, и время доказало плодотворность твор-

[1] Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа Петра Великого // Вестник Европы. 1866. Т. I. С. 373–374.

[2] Ламанский В.И. Столетняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову. 4 апреля 1865. СПб., 1865. С. 5.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ческого сотрудничества. Борьба двух партий продолжалась скорее по инерции, хотя доля новых членов из «природных русских» в последнее десятилетие царствования Николая I превысила 70 %. 1860-е годы стали моментом, когда немецкая партия, казалось, снова набирает силу: доля принимаемых в Академию иностранцев за десятилетие составила 33 % (4 человека из 12). Проблема вновь приобрела остроту в глазах современников, считавших ущемленной свою национальную гордость. Относительное усиление немецкой партии оказалось неустойчивым, в следующем десятилетии 80 % новых мест в Академии предоставляется русским, а к концу века иностранные ученые перестали приглашаться в страну[1].

Именно в этот момент недолгого усиления иностранцев в ходе борьбы против немецкого засилья русская общественность очень нервно реагировала на несоответствие между своим национальным достоинством и «вненациональным» составом Академии наук. «Мы стоим на пороге той вожделенной эпохи, что получим возможность назвать нашу Академию в полном смысле русскою», — читаем в одной из публикаций, посвященных 100-летнему юбилею со дня смерти М.В. Ломоносова[2]. К.А. Тимирязев отличался пессимистическим видением той же ситуации. Он писал об Академии наук середины XIX в. как о «немецкой», о том, что она блистала «в 60-е годы именами Бэра, Ленца, Струве, Гесса и других»[3]. Большую известность получила гневная статья А.М. Бутлерова, которую он написал в ответ на заявление одного из академиков-иностранцев о том, что Академия наук принадлежит не России, а царю. За каждую академическую вакансию разворачивалась настоящая битва, Академия раскалывалась на две почти равновеликие части, и каждая из них стеной стояла за своего кандидата. А.М. Бутлеров приводит тому целую серию конкретных примеров: присуждение премии К.М. Бэра дерптскому ботанику Э. Руссову, а не И.И. Мечникову; «провал» на выборах 1879 г. санскритолога А. Шредера и возмущение в этой связи Непременного секретаря К.С. Веселовского; избрание в адъюнкты молодого шведского астронома О.А. Баклунда (1883), «не говорящего по-русски», тогда как имена М.А. Ковальского и Ф.А. Бредихина «даже не назывались»; избрание в 1868 г. ординарным академиком Г.И. Вильде (он был назначен директором Главной физической обсерватории), даже

[1] Романовский С.И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 45–52.

[2] М.В. Ломоносов (по поводу столетнего его юбилея). СПб., 1865. С. 2.

[3] Тимирязев К.А. Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов // Соч. Т. VIII. М., 1939.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

в 1880-х годах не говорившего по-русски, что Бутлеров расценил как «презрение [Вильде] к званию, которое он носит, и к нации, которой он служит»[1].

В такой обстановке широкое празднование 100-летия со дня смерти М.В. Ломоносова приобретает особую актуальность и совершенно особый характер[2]. Одним из ярчайших антинемецких памфлетов, посвященных памяти М.В. Ломоносова, является цитировавшаяся выше работа В.И. Ламанского. В заголовке заявлена историческая тематика, между тем в тексте основное внимание уделено проблемам современной автору Академии[3]. Не оставались в долгу и оппоненты. Богатейшее собрание документов, опубликованное в 1865 г. П.С. Билярским, казалось современникам ответом немецкой партии, тенденциозной подборкой, показывающей М.В. Ломоносова в худшем свете, таким, каким его стремились представить недоброжелатели.

Справедливости ради стоит отметить, что не все откликнувшиеся на призыв почтить память великого ученого в своих трудах о нем акцентировали внимание именно на борьбе М.В. Ломоносова против иностранцев. Были опубликованы сборники документов и научные исследования, отражавшие различные стороны деятельности энциклопедиста. Можно привести примеры работ, в которых «немецкому вопросу» не уделялось никакого внимания[4]. Звучали даже упреки современников в однобоком подходе к изучению наследия М.В. Ломоносова и чрезмерном внимании к конфликтам в академической среде[5]. Но количество публикаций (в том числе множество газетных), организация торжественных мероприятий по всей стране создавали вокруг личности особый ореол. Даже если антинемецкий мотив не столь явен в тексте, постоянно подчеркиваются патриотические мотивы, любовь к России: «Особенное величие Ломоносова составляет не многосторонняя его ученость, не поэтическая его деятельность, а гражданская доблесть. Безграничная любовь к родной земле, самоотверженная, страдальческая, многоплодная деятельность для блага и славы родной земли — вот что делает его великим гражданином

[1] Бутлеров А.М. Русская или только императорская Академия наук в Петербурге? // Русь. 1882. № 7–8.

[2] Например: Филонов А.Г. Ломоносов. СПб., 1865.

[3] Ламанский В.И. Столетняя память…

[4] Никитенко А.В. Значение Ломоносова…; Памяти Ломоносова. 6 апреля 1865 года. Харьков, 1865; Русские люди. Жизнеописания соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы. СПб., 1866. С. 239–259.

[5] Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа…

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

земли русской, имя которого будет всегда вдохновлять общественного деятеля»[1].

И в данном контексте появляется еще один важный момент в конструировании места памяти — символика народного начала. Общественный деятель в речах, посвящаемых памяти М.В. Ломоносова, становится значимой фигурой. М.В. Ломоносов выступает как гражданин, патриот, выходец из простого народа, носитель народности. Гиперболизация этих черт доходит до крайности. Порой она вызывает раздражение и призывы к более объективному изучению личности[2], но в целом это очень мощная идея, отражающая надежды и чаяния русского общества в период начала Великих реформ.

Понятие «народность» трактовалось по-разному. С одной стороны, это одна из составляющих уваровской формулы и консервативной идеологии, с другой — знамя народнического движения. М.В. Ломоносов становился символом и для тех, и для других. Первые устраивали торжества, начинавшиеся с поминальных молебнов, превозносили в своих речах высочайшее покровительство русскому ученому; вторые обвиняли Дворянское собрание и благородное общество в притворстве, фальши и чествовании памяти человека, с которым у них нет ничего общего.

На фоне юбилея развернулась общественная борьба между консерваторами и либералами, с одной стороны, и радикалами-революционерами — с другой. Но мотив «народности», простого происхождения был общим и очень важным для всех, каждый стремился изобразить М.В. Ломоносова с выгодной для себя стороны и использовать его биографию в качестве обоснования собственной правоты[3].

Важное место в юбилейных речах занимает также критика российского образования и бедность учащейся молодежи. Авторы акцентируют внимание на том, что пытливый юноша не имел возможности получить качественное образование на родине. Они эмоционально описывают тяготы и лишения, через которые лежал путь к науке, и тут же переходят к насущным проблемам современности: «В начале нынешнего столетия положение учащихся русских молодых людей было нисколько не лучше, <…> даже теперь, в 1865 году, <…> и теперь многие терпят стужу и голод из-за ученья»[4].

---

[1] Столетнее празднество в Воронеже в память Михаила Васильевича Ломоносова // Филологические записки. 1865. Вып. I. С. 16.

[2] Миллер О.Ф. Ломоносов и реформа… С. 373–392.

[3] Берков П.Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М., 1946. Вып. II. С. 216–247.

[4] Филонов А.Г. Ломоносов… С. 12, 32–33.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Свершившееся незадолго до ломоносовского юбилея освобождение крестьян ставило вопросы не только об их новом правовом статусе, но и о предоставлении доступа в учреждения образования, науки, культуры, а в перспективе и о возможности участия в обсуждении проблем политических. Все это было очень болезненно воспринято образованным обществом. Уже тогда возникали опасения, что дарование прав крестьянам станет мощным толком развитию общественной мысли и запустит глубинные процессы обновления российского государства и общества. Именно в таком контексте обсуждалась существовавшая тогда система образования, ее недостатки, недоступность для широких слоев населения и необходимость реформирования.

Пафос статей и речей юбилея 1865 г. состоит еще и в том, что М.В. Ломоносов — уникальный пример простолюдина, который сумел не только получить образование, но и добиться выдающихся успехов в различных областях знаний. Сам собой напрашивается вопрос о том, сколько талантов можно было бы открыть среди простого народа при условии доступности образования. Не случайно в годы Великих реформ увеличивается интерес к биографиям и деятельности Т.Г. Шевченко, М.С. Щепкина и других людей, добившихся выдающихся успехов вопреки своему простому происхождению.

Количество публикаций, посвященных М.В. Ломоносову в юбилейные дни, должно было увеличить количество сторонников массового образования. Торжественные мероприятия, публикации в газетах были призваны, в частности, подготовить читателей к тому, что скоро в одном гимназическом классе или студенческой аудитории с их детьми окажутся вчерашние крестьяне. И в этом не будет ничего плохого, потому что именно так откроются доселе недоступные великолепные перспективы культурного и интеллектуального развития всего российского общества.

Столетие со дня смерти М.В. Ломоносова также совпало по времени с обсуждением нового устава Академии наук. Дискуссии приняли неслыханный доселе демократичный характер. Они вышли далеко за пределы Академии. В обсуждении принимали участие университетские профессора и общественные деятели. При этом Академия подверглась жесткой критике как оплот консервативных начал и «чистой науки», отстраняющейся от острейших проблем современной жизни. Речи и публикации, связанные с ломоносовскими торжествами, являлись, в частности, эпизодами данных дискуссий. Статьи в «Петербургских ведомостях» и выступления в стенах Академии должны были смягчить

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

нападки и способствовать проведению нового устава, однако вместе с другими мерами они не достигли поставленной цели — новый устав принят не был[1].

Обоснованный конъюнктурой повышенный интерес к личности ученого стимулировал развитие специальных исследований. Юбилей поставил ряд вопросов, на которые в середине XIX в. ответов не имелось, заставил обратить внимание на распространенные ошибки в литературе о М.В. Ломоносове. Достаточно сказать, что не была известна дата рождения ученого и даже по поводу года в литературе можно найти варианты: 1710 и 1711 г.[2] А.Г. Филонов начинает свой очерк с сетований на то, что «биографии <…> проникнуты по большей части сентиментальным тоном и исполнены многих погрешностей». Он упрекает авторов в представлении отца ученого бедным, искажении фактов о детстве, получении образования и деятельности в Академии наук и первые страницы своей работы посвящает разбору ошибок в литературе о М.В. Ломоносове.

Необходимость пристального изучения наследия великого ученого заставила историков обратиться к архивным документам. В преддверии торжеств была проделана большая работа по их публикации и введению в научный оборот. В виде первых попыток появляются небольшие публикации по вопросам, связанным с ролью трудов М.В. Ломоносова в различных науках[3]. Таким образом, закладываются основы ломоносоведения как особого направления развития историографии, создается тот образ ученого, который стал общепринятым в популярной и научной литературе вплоть до советского времени.

Ломоносовский юбилей органично вписывается в серию торжеств 1850–1860-х годов. Он стоит в одном ряду с празднованием в столетия Московского университета (1855), тысячелетия России (1862), столетий со дня рождения М.С. Щепкина (1855), Н.М. Карамзина (1866) и И.А. Крылова (1869). Традиция отмечать круглые даты появилась в России как подражание европейским торжествам, отголоски которых докатились и до нашей страны. Появление новой традиции совпало со вре-

[1] Берков П.Н. Ломоносовский юбилей… С. 231–233.

[2] Васильев Д. Жизнеописания замечательных людей. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1865. С. 6.

[3] Никитенко А.В. Значение Ломоносова…; Мысли М.В. Ломоносова о происхождении ледяных гор и северных морях // Кронштадтский вестник. 1865. № 38; Перевощиков Д.М. Труды Ломоносова по физике и физической географии // Радуга. 1865. № 4. С. 176–201; Столетнее празднество… С. 17–33. (Речь А.А. Хованского о трудах М.В. Ломоносова в области русской филологии).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

менем Великих реформ. В стране произошли радикальные перемены, аналогов которым не помнили на своем веку старики. Но аналоги нетрудно было отыскать в истории. Так как резкие перемены влекут за собой ощущение нестабильности, неустроенности, думающие люди испытывают желание найти положительные примеры и ориентиры дальнейшего движения на пути к устойчивости. Юбилейные торжества демонстрируют, что базовый элемент, на который предполагается ориентироваться, — это просвещение общества, развитие российского образования, реформирование Академии наук.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В.С. Соболев

ПРАЗДНОВАНИЕ 200-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ М.В. ЛОМОНОСОВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

К началу XX в. празднование юбилеев, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся представителей культуры и науки, стало в Академии наук традиционным. Руководство Академии считало важным этот род деятельности, так как достигались достаточно значимые результаты. Появлялась еще одна возможность отразить преемственность в развитии науки, показать ее значение в жизни общества, привлечь внимание государственной власти к насущным потребностям образования и науки, отдать дань уважения и памяти своим замечательным предшественникам.

Поэтому не был случайностью тот факт, что подготовку к празднованию 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова руководство Академии наук начало заблаговременно, за два года до памятной даты.

Решение начать подготовку к юбилею было принято на Общем собрании Академии наук 11 октября 1909 г. Для этой цели была создана комиссия, получившая следующее название: «Комиссия по вопросу о праздновании 200-летнего юбилея дня рождения Ломоносова» (далее — «Комиссия»). Председателем был избран Непременный секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург, в состав вошли академики Н.Н. Бекетов, Б.Б. Голицын, В.И. Вернадский от Отделения физико-математических наук и академики В.И. Ламанский, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов от Отделения русского языка и словесности[1]. За два года деятельности состав «Комиссии» неоднократно из-

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 156. Л. 35 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

менялся, в частности в нее вошли химик Б.Н. Меншуткин и историк литературы Б.Л. Модзалевский.

«Комиссия» за недолгий период существования провела большую научно-организационную работу. Достаточно сказать о том, что в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится отдельный фонд этой «Комиссии» (№ 57), в состав которого вошло 495 дел, отражающих во всех деталях ход подготовки и проведения юбилея.

Прежде всего, «Комиссией» была организована работа по выявлению и, по возможности, получению в распоряжение Академии наук документальных материалов, связанных с жизнью и деятельностью М.В. Ломоносова. Соответствующие запросы были направлены в десятки архивов и библиотек, как России, так и зарубежных стран. В результате этой деятельности в Академию наук поступил большой объем ценных материалов, которые впоследствии вошли в состав документов Архива РАН. Например, из Архива Архангельского губернского правления был получен ряд документов по истории рода Ломоносовых: «Дело об освобождении от рекрутства потомства Ломоносова», «Список рода Ломоносовых», «Дело о том, что И.Ф. Лопаткин является внуком Ломоносова» и др.

Одним из самых значительных событий юбилейных торжеств стало открытие грандиозной для своего времени историко-художественной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В Академии наук была образована особая комиссия «по ее устройству». Председателем комиссии стал Непременный секретарь Академии наук С.Ф. Ольденбург, «комиссаром выставки» — известный искусствовед барон Н.Н. Врангель, а художником-оформителем — Е.Е. Лансере.

В феврале 1911 г. в газете «Правительственный вестник» была опубликована информация о том, что «Государь Император всемилостивейшее соизволил принять выставку «Ломоносов и Елизаветинское время» под Высочайшее свое покровительство»[1].

Этот организационно-административный аспект во многом обеспечил успех данного предприятия, так как «Высочайшее покровительство» обязывало все государственные учреждения беспрекословно представлять на выставку любые предметы, признанные для нее необходимыми.

Кроме того, выставочной комиссии удалось развернуть активную деятельность по получению для выставки памятников из богатейших тогда в России частных собраний. Интересные сведения об этом мы нашли в воспоминаниях В.А. Рышкова, который являлся в то время чиновни-

[1] Правительственный вестник. 1911. № 27. 4 февр.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ком особых поручений в Академии наук и непосредственно организовывал работу по получению необходимых для выставки памятников — экспонатов[1].

В.А. Рышков, в частности, написал в своих мемуарах о том, что известный московский предприниматель А.В. Морозов передал для выставки интересные гравюры с изображением императрицы Елизаветы и М.В. Ломоносова, ценные предметы из серебра, фарфора и стекла. Текстильный фабрикант Д.Г. Бурылин — грамоту императрицы Елизаветы о пожаловании М.В. Ломоносову дворянства, золоченую чернильницу в виде глобуса, несколько ценных ларцов. Графиня Н.М. Сологуб из Москвы — редкое собрание детских игрушек елизаветинского времени. Известный коллекционер А.А. Бахрушин — портрет М.В. Ломоносова, вырезанный на кости.

Ценные экспонаты для выставки были получены и от общественных организаций. Так, руководитель «Общества любителей древней письменности» граф С.Д. Шереметев в своем письме от 18 мая 1911 г. сообщал президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу о том, что общество предоставляет для выставки «подлинную рукопись путешествия П.И. Челищева по северу России»[2].

Выставка была развернута в залах Императорской Академии художеств и открыта для посещения с 17 апреля по 21 июня 1912 г., ее посетило более 20 тыс. чел.[3]

В преддверье юбилея руководством Академии наук было принято решение активизировать деятельность научного сообщества по изучению жизни и деятельности великого ученого. Для этой цели было решено организовать под эгидой самой Академии несколько конкурсов на лучшие научные работы по данной тематике. На Общем собрании Академии наук, состоявшемся 6 февраля 1910 г., были утверждены темы таких работ на конкурс 1911 г., на соискание престижной академической «Премии имени тайного советника М.Н. Ахматова». Все три Отделения Академии наук предложили для конкурса темы по своим научным дисциплинам[4].

Мы позволим себе перечислить названия всех тем, предложенных Академией наук на конкурс научных работ 1911 г., так как это, на наш

---

[1] Рышков В.А. Воспоминания незаметного человека // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 251–252.

[2] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.

[3] Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»: Путеводитель / Сост. Б.Л. Модзалевский, Ф.А. Витберг и др. СПб., 1912.

[4] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

взгляд, дает достаточно ясное представление о тех приоритетах, которые существовали в то время в академическом научном сообществе, а также о степени актуальности той или иной проблематики.

Итак, Общим собранием Академии наук были утверждены следующие конкурсные темы.

I. Отделение физико-математических наук

Общая тема: «Ломоносов как провозвестник современных течений в области физико-химических наук».

Частные темы:

1) «По метеорологии и атмосферному электричеству».

2) «По вопросу о силе тяжести».

3) «По мореходству».

4) «Оценка работ Ломоносова по новым инструментам и приборам».

II. Отделение русского языка и словесности

1) «Словарь научного и литературного языка Ломоносова».

2) «Труды Ломоносова по русскому языку».

4) «Поэтические произведения Ломоносова и их отношения к западно-европейским образцам».

III. Историко-филологическое Отделение

1) «М.В. Ломоносов — Императорской Санкт-Петербургской Академией наук профессор» (изучить деятельность М.В. Ломоносова в Академии наук, а также в состоявших при ней учреждениях (особенно в Географическом департаменте, университете и гимназии); определить значение этой деятельности для истории русского просвещения).

Через несколько месяцев Академией наук был объявлен еще один конкурс научных работ, приуроченный к юбилею. В кадетской газете «Речь» от 21 мая 1910 г. сообщалось следующее: «В виду исполняющегося 8 ноября 1911 г. 200-летия со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова Императорская Академия наук доводит до всеобщего сведения, что при Академии наук существуют премии за ученое жизнеописание Ломоносова»[1].

В рамках данного конкурса была учреждена одна «Большая» премия в 2000 руб. «За ученое жизнеописание Ломоносова с оценкой его деятельности» и четыре «Малых» премии по 500 руб. каждая о следующих направлениях деятельности ученого:

[1] От Академии наук // Речь. 1910. № 137. 21 мая.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

- физика и химия;
- минералогия, геология, металлургия;
- философия и словесность;
- география, статистика, политическая экономия и русская история.

Следует отметить, что премирование по обоим вышеупомянутым конкурсам осуществлялось не из сумм бюджетных ассигнований самой Академии наук, а только за счет средств, предоставляемых меценатами, в частном порядке.

В ходе подготовки юбилея Академией наук были предприняты попытки осуществить несколько научно-издательских проектов. Прежде всего, были сделаны попытки продолжить начатое в 1891 г. академиком М.И. Сухомлиновым собрание сочинений М.В. Ломоносова (М.И. Сухомлинову удалось подготовить и издать до своей смерти, последовавшей в 1901 г., только пять томов). В связи с юбилеем были начаты работы над шестым томом. Так, в типографии Морского министерства было осуществлено «изготовление гравюр, с медных досок, с изображением зарисованного Ломоносовым Северного сияния». По этому поводу президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем 5 февраля 1911 г. было направлено письмо начальнику Главного Гидрографического управления Морского министерства А.И. Вилькицкому с «выражением искренней признательности за содействие делу издания сочинений Ломоносова»[1].

Однако крайне скромные финансовые возможности Академии наук не позволили осуществить все замыслы. Удалось опубликовать две книги: работу Б.Н. Меншуткина «Михаил Васильевич Ломоносов. Жизнеописание» (СПб., 1911) и сборник научных статей о жизни и деятельности ученого — «Ломоносовский сборник» (СПб., 1911). Причем книга Б.Н. Меншуткина была напечатана небывалым для подобных изданий тиражом в 80 тыс. экземпляров и была приобретена многими учебными заведениями империи.

Подготовка к юбилею была ознаменована и еще одним важным начинанием Академии наук, призванным служить делу увековечивания памяти о великом ученом. Общее собрание Академии наук, проходившее 5 декабря 1909 г., согласилось с предложением «Комиссии» «о постановке памятника Ломоносову в Санкт-Петербурге на линии между Императорской Академией наук и Императорским Санкт-Петербургским университетом»[2].

[1] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

[2] Там же. Д. 1. Л. 84.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Вполне понятно, что средств для осуществления данного предложения у Академии наук не было. В связи с этим и в соответствии с решением Общего собрания президент Академии наук великий князь Константин Константинович 24 января 1910 г. направил министру народного просвещения А.Н. Шварцу письмо, в котором просил его «об испрошении всемилостивейшего Государя Императора соизволения Академии наук открыть повсеместный сбор пожертвований на памятник»[1]. (По существовавшему тогда порядку право «испрашивать» что-либо у императора имели чиновники ранга не ниже министра, в порядке своих «всеподданнейших докладов».)

Несколько опережая ход нашего повествования, отметим, что решение вопроса о получении этого «всемилостивейшего соизволения» затянулось на полтора года и положительное свое решение получило только в июне 1911 г.

С достаточной долей объективности можно предположить, что верховная власть была вынуждена искусственно сдерживать количество выдаваемых «патентов» на право сбора пожертвований, как бы «дозировать» этот процесс. Видимо, число благих намерений в области культуры, просвещения и здравоохранения в России было велико, а бюджетных ассигнований на эти цели выделялось мало. В то же время частыми сборами пожертвований можно было дискредитировать эту идею, и собирать средства становилось бы с каждым разом все труднее и труднее.

Во всяком случае, только 6 июня 1911 г. новый министр народного просвещения Л.А. Кассо сообщил великому князю Константину Константиновичу о том, что Государь Император «в 25 день минувшего мая Всемилостивейше соизволил разрешить Императорской Академии наук открыть всероссийский сбор добровольных пожертвований на сооружение памятника Ломоносову»[2].

Заметим, что данное «соизволение» было в этот раз получено по «всеподданнейшему» докладу не министра народного просвещения, а министра внутренних дел П.А. Столыпина. Видимо, великому князю Константину Константиновичу для положительного решения вопроса пришлось применить «оружие более крупного калибра», и он обратился за помощью к П.А. Столыпину, который в это время занимал и высокий пост Председателя Совета министров.

Между тем в Санкт-Петербурге развернулась оживленная дискуссия по вопросу о месте установки будущего памятника. По существовавшему тогда бюрократическому порядку ходатайство Академии наук по

[1] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об.

[2] Там же. Д. 2. Л. 142.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

этому вопросу было направлено Петербургскому градоначальнику, тот обратился с этим к Городскому Голове с тем, чтобы вопрос был вынесен на обсуждение в заседании Городской думы. Вопрос на заседание Думы начал готовить ее исполнительный орган — Городская управа. Она, в свою очередь, «истребовала» заключение одной из своих комиссий — «Комиссии по народному просвещению».

В заключении думской комиссии, представленном в апреле 1910 г., по этому поводу было сказано следующее: «Находим более уместным поставить таковой памятник на набережной реки Невы за тротуаром, так же как памятник адмиралу Крузенштерну»[1]. (Напомним, что Общее собрание Академии наук 5 декабря 1909 г. избрало место для будущего памятника «на линии между Академией наук и университетом»).

Любопытно, что свою позицию думская комиссия обосновала тем, что еще 19 декабря 1907 г. Городская дума приняла постановление о том, что «на площади перед Санкт-Петербургским университетом предположено поставить памятник профессору Д.И. Менделееву, на что Городской думой ассигновано 25 000 руб., и с Высочайшего соизволения открыт повсеместный сбор пожертвований на него»[2].

Через несколько месяцев позиция Городской думы по этому вопросу несколько изменилась. В связи с этим Министерство народного просвещения 23 января 1911 г. сообщило Президенту Академии наук о том, что Дума «признала наиболее соответственным избрать местом постановки памятника середину Университетской линии при соединении ее с набережной реки Невы»[3].

Однако к этому времени уже изменилось и мнение самой Академии наук. 2 февраля 1911 г. академическая «Комиссия» единогласно решила просить Городскую думу о разрешении «воздвигнуть памятник Ломоносову не в начале Университетской линии — месте узком и неудобном для такой цели — а против фасада главного здания Академии наук, лицом к ней, на набережной, причем возможно, для расширения места, сделать гранитный выступ в самую реку Неву»[4].

Рамки настоящей статьи не позволяют продолжить изложение истории этого вопроса, но можно отметить, что в 1986 г. к 275-летнему юбилею М.В. Ломоносова памятник, наконец, был воздвигнут на месте, определенном последним решением Городской думы: «на середине Университетской линии, при соединении ее с набережной реки Невы».

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 2. Л. 33.

[4] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Как уже упоминалось, организация и проведение юбилейных торжеств в Академии наук было одним из способов привлечь внимание государственной власти к наиболее насущным потребностям развития науки. Данное обстоятельство нашло отражение в одном из значительных начинаний, зародившемся в процессе подготовки юбилея — мы имеем в виду идею создания «Ломоносовского института».

Эта идея имела свою историю. В начале подготовки юбилея академическая «Комиссия» письменно обратилась к российским научным обществам, университетам, учреждениям культуры с просьбой представить свои предложения по проведению празднования. Из целого ряда мест подобные предложения поступили, их тексты хранятся ныне в архивном фонде «Комиссии».

Одно из таких предложений сразу же получило положительную оценку и поддержку руководства Академии наук. Это было предложение Совета Варшавского университета о создании научного учреждения нового типа — «Ломоносовского института». Авторами идеи являлись профессор В.В. Курилов и архитектор А.И. Яблонский. При этом предусматривалась организация научно-исследовательского института «по изучению физико-химических наук». Авторы идеи ссылались на передовой опыт в этом плане, имевшийся в Германии, где уже был реализован замысел Александра Гумбольдта по созданию подобного института, который получал финансирование за счет фонда императора Вильгельма II.

24 ноября 1910 г. на заседании физико-математического Отделения Академии наук академик Б.Б. Голицын доложил своим коллегам о том, что они вместе с Непременным секретарем Академии наук С.Ф. Ольденбургом «минувшим летом осмотрели ряд пустопорожних мест в Санкт-Петербурге с целью найти подходящий участок для сооружения здания Ломоносовского института, но все участки оказались не подходящими для указанного назначения»[1]. На заседании было решено «продолжить поиски».

В конце декабря 1910 г. газета «Новое время» опубликовала статью автора проекта профессора В.В. Курилова. В ней, в частности, говорилось следующее: «Нельзя забывать, что в Германии, где университетов втрое больше, где лаборатории лучше оборудованы, чем у нас, тем не менее и там признана необходимой организация учреждений подобных Ломоносовскому институту»[2].

В газете приводились и конкретные данные о стоимости «Варшавского проекта»:

[1] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 248.

[2] Курилов В.В. Ломоносовский институт // Новое время. 1910. 30 дек.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

- постройка института — 330 000 руб.;
- стоимость оборудования — 100 000 руб.;
- содержание штатной численности — 100 000 руб. в год (директор, два помощника, два лаборанта и 30 «практикантов»).

Руководители Академии наук продолжали работать над воплощением этого проекта в жизнь. С.Ф. Ольденбург в одном из своих писем, направленных летом 1911 г. великому князю Константину Константиновичу, докладывал ему следующее: «Мы ведем переговоры с Думою относительно места для Ломоносовского института, записку о котором позволю себе приложить»[1].

Центральным моментом упомянутой С.Ф. Ольденбургом «Записки» была просьба ученых к императору Николаю II «принять под Свою Высокую руку новое научное начинание» (т.е. взять организацию Института под свое покровительство).

Уже после проведения юбилейных торжеств 14 марта 1912 г. император Николай II в Царском Селе принял депутацию Академии наук по этому вопросу. В состав депутации входили Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург, академики Б.Б. Голицын, Ф.Н. Чернышов и П.И. Вальден. В ходе аудиенции С.Ф. Ольденбург прочитал императору академическую «Записку». В ответ на это император сказал, что «придает большое значение мысли о новом исследовательском институте и охотно примет Ломоносовский институт под свое покровительство»[2]. Ученые доложили, что «наиболее подходящим местом для института был бы участок Старого Гостиного Двора, рядом с местом, уже отведенным под будущее библиотечное здание». Император «вполне одобрил» и это мнение ученых и повелел, чтобы «весь вопрос об институте прошел установленным порядком»[3]. Скорость решения подобных вопросов в России «установленным порядком» была медленной, поэтому начавшаяся мировая война помешала осуществиться этому замыслу.

Но усилия Академии наук по организации Ломоносовского института не прошли даром и несколько позже принесли плоды. Видимо, сама идея создания исследовательских институтов к этому времени уже вполне «овладела умами» российского научного сообщества. На второй год войны в составе Академии наук была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Отделы этой комиссии и стали основой организации ряда институтов. В 1918 г. были ор-

[1] СПФ АРАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–130 об.

[2] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 14 об.

[3] Там же. Л. 15.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ганизованы Институт физико-математического анализа и Институт по изучению платины и других благородных металлов, в 1921 г. — Физико-математический институт, в 1925 г. — Почвенный институт.

Ряд серьезных замыслов и начинаний, связанных с Ломоносовским юбилеем, Академии наук осуществить не удалось. Главной причиной подобного положения дел, на наш взгляд, были крайне ограниченные финансовые возможности Академии.

Постараемся подтвердить данное наблюдение соответствующим фактическим материалом. Так, на заседании Общего собрания Академии наук 4 декабря 1910 г. Непременный секретарь С.Ф. Ольденбург огласил финансовый отчет юбилейной «Комиссии». В нем речь шла всего о двухстах рублях, которые были потрачены на решение следующих задач:

- составление научной библиографии;
- подготовительные работы по устройству выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»;
- оплата изготовленных копий архивных документов.

С.Ф. Ольденбург попросил «ассигновать еще 100 рублей для работ “Комиссии”. Собранием было положено: “Сообщить об этом в Правление Академии наук”»[1].

О другом примере мы позволим себе рассказать более подробно, так как он дает совершенно ясное представление о сути этой проблемы.

В данном случае речь шла о 1500 рублях, необходимых для издания книги Б.Н. Меншуткина «М.В. Ломоносов. Жизнеописание». Академия наук неоднократно обращалась в Министерство народного просвещения с просьбой выделить деньги для этой цели.

В первый раз министерство отказало в этой просьбе своим письмом от 9 июня 1911 г., где говорилось «о неимении средств на этот предмет»[2].

На повторную просьбу Академии наук был получен ответ от 23 июня 1911 г., подписанный самим министром Л.А. Кассо. В нем было сказано следующее: «Рассмотрев Ваше ходатайство об отпуске пособия в 1500 рублей на издание биографии Ломоносова, имею честь уведомить, что я не нахожу возможным оказать таковое за неимением средств на этот предмет»[3].

В третий раз Л.А. Кассо отказал своим письмом от 23 сентября 1911 г., сославшись «на полное отсутствие ресурсов», при этом министр

[1] СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 259.

[2] Там же. Д. 2. Л. 122.

[3] Там же. Л. 144.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

предложил Академии наук сначала произвести оплату расходов из своих средств, а уже потом «возместить таковые за счет продажи издания»[1].

Здесь мы не удержались от желания особо отметить эту замечательную сентенцию большого чиновника, показывающую, насколько традиционны и системны в России чиновничьи «чаяния» о самоокупаемости науки и вообще о приоритете «прикладных научных исследований».

Причем Академией наук уже были получены с мест и обобщены сведения о том, что учебные заведения страны хотели бы получить для своих библиотек 40 тыс. экземпляров книги Б.Н. Меншуткина. Академия наук, верная своим давним просвещенческим традициям, считала, что в связи с юбилеем было бы вполне оправданным бесплатно разослать весь тираж книги по учебным заведениям России. Но главный организатор просвещения в империи имел на этот счет другое мнение.

Положение с изданием книги Б.Н. Меншуткина становилось критическим, так как юбилейные торжества уже приближались. 8 сентября 1911 г. этот вопрос опять обсуждался на Общем собрании Академии наук. С.Ф. Ольденбург доложил собранию о том, что Министерство народного просвещения уже четырежды отказало выделить деньги на издание книги. Финансовые возможности Академии позволяли напечатать только 1 тыс. экземпляров.

Далее Непременный секретарь проинформировал собрание о том, что книгоиздатель В.В. Нордгейм просит Академию разрешить ему издать книгу необходимым тиражом с тем, чтобы возместить свои расходы после его реализации[2]. Собранием было принято решение «представить В.В. Нордгейму выпустить в свет книгу в количестве экземпляров по его усмотрению».

В самые короткие сроки В.В. Нордгейм напечатал 40 тыс. экземпляров книги, потом повторил выпуск этого тиража, причем все книги были распроданы.

Руководители Академии ответственно подошли и к вопросу подготовки проведения самих торжеств, продумывались вопросы о составе их участников, месте проведения, тематика докладов и пр.

23 мая 1911 г. на заседании «Комиссии» было принято специальное постановление по этому вопросу. В нем, в частности, говорилось следующее: «Торжественное публичное собрание Императорской Академии наук провести 8 ноября, <…> испросить согласие Государя Императора присутствовать на нем»[3].

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 200–200 об.

[2] Там же. Л. 231.

[3] Там же. Л. 93–93 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

На этом же заседании было решено просить поэта К.Р. (президента Академии наук) подготовить текст праздничной кантаты, а музыку к ней просить написать композитора А.К. Глазунова.

В этот же день было принято решение о приглашении на торжества иностранных ученых и представителей иностранных Академий и научных обществ.

11 июня 1911 г. С.Ф. Ольденбург направил великому князю Константину Константиновичу разработанный «Комиссией» 23 мая 1911 г. «проект порядка чествования на благовоззрение Вашего Высочества». Внимательное прочтение этого письма вызвало у нас некоторое замешательство в трактовке одного из важных вопросов. В протоколе заседания «Комиссии», проходившего под председательством С.Ф. Ольденбурга, несколько раз было совершенно конкретно указано на участие в торжествах иностранных ученых. Однако в своем письме к президенту, написанном всего через две недели после заседания «Комиссии», он высказал по этому вопросу совсем другое мнение: «Что касается приглашения иностранцев, то лично я бы думал, что времени остается мало и известность Ломоносова в тесном круге специалистов пока еще не велика; поэтому лучше, может быть, было бы ограничиться приглашением русских ученых и просветительных учреждений»[1]. Президент Академии наук на полях письма напротив этих слов написал: «Согласен».

С известной долей объективности можно предположить, что у этой проблемы были причины финансового порядка. Руководители Академии наук хорошо понимали, что приглашение иностранных коллег требует довольно значительных расходов, что денег на эти цели в Академии нет и что источник финансирования изыскать не удастся. Наверное, было непросто разъяснить ученым — членам «Комиссии» истинную суть данного обстоятельства, кроме того, следовало соблюдать «правила игры», но обманывать друг друга Непременному секретарю и президенту не имело никакого смысла.

Заметим, что на полях письма напротив текста о кантате поэт К.Р. написал следующее: «Весьма польщен. Постараюсь, но обещать не могу»[2].

Правда, автором музыки стал не А.К. Глазунов, а А.С. Танеев, который не являлся профессиональным композитором, а в это время занимал заметный в системе государственной власти пост Главноуправляющего Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

[1] СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 130–130 об.

[2] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Торжественное собрание решено было проводить в прекрасном зале Дворянского собрания. Губернский предводитель дворянства князь М. Салтыков в своем письме от 1 сентября 1911 г. сообщил великому князю Константину Константиновичу о «полной готовности предоставить зал для Торжественного заседания»[1].

8 ноября 1911 г. великий князь Константин Константинович открыл Торжественное собрание Академии наук. После исполнения кантаты «были произнесены четыре речи»:

- профессора Б.Н. Меншуткина «Ломоносов как естествоиспытатель»;
- академика А.И. Соболевского «Ломоносов в истории Русского языка»;
- академика П.И. Вальдена «Ломоносов как химик»;
- профессора В.В. Сиповского «Литературная деятельность Ломоносова».

Празднование Ломоносовского юбилея в 1911 г. в очередной раз со всей убедительностью продемонстрировало, что Академия наук является признанным общероссийским центром культуры и науки.

Приведем только некоторые данные о том, насколько высок был уровень представительства участников Торжественного собрания. Так, 28 октября 1911 г. председатель Государственного совета М.Г. Акимов сообщил руководителям Академии, что на собрание прибудут 27 членов этого высшего органа государственной власти и управления[2], в том числе вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев, адмирал А.А. Бирилёв, князь А.Н. Лобанов-Ростовский, генерал от инфантерии А.А. Фрезе и другие.

29 октября 1911 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко также сообщил Академии, что в торжестве примут участие 27 членов Государственной думы[3]. Среди них были товарищи председателя Думы князь В.М. Волконской и М.Я. Капустин, секретарь Думы И.П. Созонович и другие.

По распоряжению церковных властей во всех церквях Санкт-Петербурга 7 ноября 1911 г. была «совершена заупокойная литургия и панихида по в Бозе почившему М.В. Ломоносову, с произнесением соответствующих поучений»[4].

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 170.

[2] Там же. Л. 307–308.

[3] Там же. Л. 317.

[4] Там же. Л. 329.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

В заключение можно сделать вывод о том, что достаточно объемный комплекс документов, отложившихся в фонде юбилейной «Комиссии», сам по себе является ценным и интересным собранием источников по истории отечественной культуры и науки начала XX в. и, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении и введении в научный оборот.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.Ф. Хартанович

ПАМЯТЬ О М.В. ЛОМОНОСОВЕ: ПРЕМИИ И НАГРАДЫ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — XX в.

В апреле 1865 г. широко праздновался столетний юбилей со дня смерти великого русского ученого М.В. Ломоносова. Именно в связи с юбилеем появились в свет собрания архивных материалов, подготовленные В.И. Ламанским[1], П.С. Билярским[2], А.А. Куником[3] и др. Под влиянием юбилея были опубликованы знаменитые работы о Ломоносове П.П. Пекарского[4], А.С. Будиловича[5]. Ни 200-летний юбилей со дня рождения Ломоносова в 1911 г., ни 150-летний со дня смерти в 1915 г. не дали таких результатов в изучении жизни и деятельности М.В. Ломоносова, как юбилей 1865-го г.[6]

Итак, в 1865 г. Императорская Академия наук решила отметить столетнюю дату смерти великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова организацией премии его имени. 19 марта 1865 г. император Александр II разрешил учреждение Ломоносовского комитета по присуждению премии во главе с князем Григорием Щербатовым.

---

[1] Ламанский В. И. Ломоносов и Петербургская Академия наук: Материалы к столетней памяти его 1765–1865 года, апреля 4-го числа // Чтения в Имп. об-ве истории и древностей российских. М., 1865. Кн. 1.

[2] Билярский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

[3] Куник А. А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук в XVIII в. СПб., 1865. Ч. 1.

[4] Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. II.

[5] Будилович А. С. Ломоносов как натуралист и филолог. СПб., 1869.

[6] Берков П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1946. Вып. II. С. 217.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Правила о Ломоносовской премии, составленные Императорской Академией наук и утвержденные министром народного просвещения Д.А. Толстым, были утверждены 5 ноября 1865 г. (см. Приложение)

Ломоносовский комитет в заседании своем 27 ноября 1867 г. постановил: две тысячи рублей серебром на премию и пособие для издания автору «лучшего строго-ученого жизнеописания Ломоносова с оценкою его деятельности как писателя, ученого и гражданина, с предоставлением в пользу автора всех доходов с этого издания; самый же прием и разбор этого жизнеописания поручить Императорской Академии наук, но с тем, чтобы составление программы задачи и определение различных в этом отношении подробностей возложено было на особую комиссию из членов Ломоносовского Комитета А.Д. Галахова, В.И. Ламанского, П.П. Семенова и А.И. Ходнева и чтобы при обсуждении вопроса о назначении премии вышеупомянутые члены Комиссии приглашены были бы в заседание Императорской Академии наук с правом голоса»[1].

24 февраля 1868 г. к президенту императорской Академии наук Ф.П. Литке поступило отношение от Министерства народного просвещения, в котором говорилось, что министр внутренних дел П.А. Валуев сообщил министру народного просвещения Д.А. Толстому о распоряжении Александра II назначить «из собранных комитетом для образования Ломоносовского капитала сумм 3500 руб. на премию и пособие на издание, авторам двух лучших жизнеописаний Ломоносова с оценкою его деятельности как писателя, ученого и гражданина, а именно 2000 руб. на премию и издание в пользу автора жизнеописания строго-ученого и 1500 рублей на премию и издание в пользу автора жизнеописания общепонятного для народа, с тем чтобы все доходы от этих изданий принадлежали авторам»[2].

Также Ф.П. Литке предлагал поручить членам Особой комиссии составить программу задач на эти премии. Прием и разбор этих жизнеописаний Ломоносова, как и присуждение за них премий, предлагалось поручить Императорской Академии наук, т.е. рассматривать работы, относящиеся к научному жизнеописанию М.В. Ломоносова, а Ученому комитету Министерства народного просвещения — «общепонятного для народа жизнеописания»[3].

Составление конкурсных правил и подготовка задач к конкурсным программам вызвали в Академии споры. Так, министру народного про-

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1868. Д. 4. Л. 2.

[2] Там же. Л. 1.

[3] Там же. Л. 2.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

свещения Д.А. Толстому поступило письмо от президента Академии наук графа Ф.П. Литке. Он пишет: «Везде, как в России, так и за границею, соблюдается правило, что учреждение, которое присуждает премии, само же составляет программу для соискания оных. Между тем в настоящем случае на Императорскую Академию наук возлагается обязанность присуждать премию за сочинение, имеющее быть написанным по программе, которая еще не составлена и в доставлении коего ей не уделено никакого участия. Следовательно, Академия наук в настоящее время не может сказать, будет ли возможно и согласно с ее достоинством принять на себя присуждение премий за сочинения по задачам, составленным посторонними для нее лицами.

Другое обстоятельство, сопряженное с большими неудобствами, состоит в налагаемой на Академию наук обязанности при присуждении премии допускать в свою среду посторонних лиц с правом голоса. По уставу Академии наук во всех подлежащих ее обсуждению вопросах правом голоса пользуются только ученые, носящие звание действительных членов. По сему допущение в заседания Академии наук вышеупомянутых четырех лиц с правом голоса было бы нарушением одного из важнейших прав Академии наук. Оно было бы для нее ударом тем более чувствительным, что этим правом Академия наук особенно дорожит как составляющим залог ее самостоятельности в суждениях по вопросам науки»[1].

13 сентября 1868 г. Александром II утверждается положение комитета. Общее собрание Академии наук назначило Комиссию из академиков Н.Г. Устрялова, Я.К. Грота, Н.Н. Зинина, Н.И. Кокшарова, А.А. Куника и поручило ей составить по соглашению с А.Д. Галаховым, П.П. Семеновым, В.И. Ламанским, А.И. Ходчевым программу конкурса. Члены комиссии подготовили проект о премии за ученое жизнеописание М.В. Ломоносова, в котором говорится: «При объявлении конкурсных задач Академия наук всегда держалась того правила, что ее действительные члены не допускаются на соискание такой награды, которая присуждается самой Академией. Необходимость этого правила следует не только из начал справедливости, но даже и из понятий о приличии. Не говорю уже о трудности соблюсти полное беспристрастие, когда предстоит произнести приговор о труде товарища; предполагаю даже, что при составлении такого приговора, когда бы в числе конкурентов явился кто-либо из академиков, нам и удалось остаться не причастными тому, что в просторечии называется кумовством; спрошу только, каким образом мы избегнем подозрения в пристрастии в том случае, когда пре-

[1] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1868. Д. 4. Л. 6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

мия была бы академиками присуждена академику. Если означенное правило всегда считалось в Академии наук существенным для обеспечения нелицеприятия в ее приговорах, то и в настоящем случае не следует отступать от него»[1].

9 февраля 1868 г. в Академию поступило распоряжение Александра II о назначении образовавшегося из Ломоносовского капитала 2000 руб. премии «за строго ученое жизнеописание Ломоносова, с оценкой его деятельности как писателя, ученого и гражданина». Научная оценка представленных работ и присуждение премии было обязанностью Академии наук. Исследования, представленные на конкурс, должны были содержать оценку его трудов в области физики, химии, минералогии, геологии, металлургии, русской истории, филологии и словесности с изъяснением, в каком состоянии находились сии отрасли в его время и что именно сделано им по каждой из них. В отношении к заслугам Ломоносова по словесности должно быть обращено особое внимание на значение его в развитии русского письменного языка[2].

Особо отмечалось, что сочинения, удостоенные награды графа Уварова, могут участвовать в соискании премии за биографию Ломоносова. Премия выдавалась лишь самим авторам или их законным наследникам, но не издателям. Срок для представления на соискание Ломоносовских премий назначался 1 марта 1874 г. Отчет о присуждении премии читался в годичном публичном заседании Академии[3].

На конкурс соискатели подали не так много работ, как предполагалось организаторами. Это были труды, не соответствовавшие требованиям комиссии. Так, 1 февраля 1879 г. в Академию наук поступила работа в рукописи в двух томах: сочинение «Историческое и критическое описание жизни Ломоносова» И. Киреевского. Отзыв на работу представил академик А.Ф. Бычков: «Имею честь возвратить Вам второй том биографии Ломоносова, написанный Киреевским. Прочесть ее — подвиг, хотя автору нельзя отказать в некоторых счастливых соображениях. Но постоянная на каждой странице брань с лицами, писавшими о Ломоносове, отсутствие всякой ценности в рассказе и множество ненужных подробностей составляют крупные ее недостатки»[4].

Комиссия в составе И.И. Срезневского, Я.К. Грота, А.А. Куника, А.А. Шифнера и К.С. Веселовского, назначенная общим собранием в заседании 16 февраля 1879 г. по конкурсу на премию за ученое жиз-

[1] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1868. Д. 4. Л. 14.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 13.

[4] Там же. Л. 34.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

неописание Ломоносова, вынесла следующее решение: «На соискание этой премии было представлено к 1 марта 1879 г. лишь одно сочинение, рукописное в двух томах, статского советника Ильи Алексеевича Киреевского. По рассмотрении этого сочинения оказалось, что 1) оно в отношении содержания не удовлетворяет требованию, изложенному в параграфе 3 опубликованной программы конкурсной задачи, так как не содержит в себе оценки трудов Ломоносова в области физики, химии и пр., не обращено особого внимания на значение его в развитии русского письменного языка; 2) автор вместо требовавшегося по программе задачи исторического изложения биографии Ломоносова употребил исключительно прием полемического разбора прежних трудов о Ломоносове и при этом, не оставаясь в пределах объективного рассмотрения фактов, совершенно удалился от требований беспристрастной критики, составляющей первое условие всякого серьезного исторического труда. Комиссия не признала это сочинение достойным награждения и имеет честь предложить возобновить конкурс, с назначением для него шестилетнего срока, т.е. 1 марта 1885 г.»[1]

9 февраля 1868 г. император изыскал из сумм для образования Ломоносовского капитала 2000 руб. на премию за издание трудов по биографии М.В. Ломоносова[2]. В 1905 г. академики Ф.Ф. Бейльштейн и Н.Н. Бекетов представили сочинение Б.Н. Меншуткина «Ломоносов как физико-химик». В сочинении основательно разработаны почти все материалы, не только печатные, но и рукописные, относящиеся к теоретическим и опытным трудам М.В. Ломоносова в области физико-химии. Для рассмотрения труда решено было составить комиссию из академиков Ф.Ф. Бейльштейна, Н.Н. Бекетова, П.В. Никитина, А.А. Шахматова, В.И. Ламанского, Ф.Н. Чернышева, А.С. Лаппо-Данилевского.

На заседании комиссии по присуждению премии за ученое жизнеописание Ломоносова от 4 ноября 1905 г. Н.Н. Бекетов возбудил вопрос о желательности присудить Б.Н. Меншуткину за труд его «Ломоносов как физико-химик» (СПб., 1904) 1000 руб.

Комиссия была против этого присуждения, т.к. премия вручалась за всестороннюю оценку жизнедеятельности Ломоносова. При этом постановили указать, что появление книги Меншуткина послужило поводом к пересмотру правил о премиях[3].

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1868. Д. 4. Л. 37.

[2] Там же. Оп. 1–1905. Д. 20, Л. 1. Премии за жизнеописание Ломоносова.

[3] Там же. Л. 13.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Таким образом, Физико-математическое отделение продемонстрировало строгий, принципиальный подход в деле назначения премий, хотя работа Меншуткина по изучению жизни и деятельности М.В. Ломоносова до сих пор считается одной из лучших.

Отделение русского языка и словесности отнеслось к присуждению премий более лояльно. По материалам заседания от 15 ноября 1903 г. сообщалось, что на конкурс поступили работы:

Перетц В.Н.

1) Исследования и материалы. Т. III. «Из истории развития русской поэзии XVIII в.» (СПб., 1902);

2) Очерки старинной малорусской поэзии (СПб., 1903);

Яцимирский А.И.

1) Жизнь, время, литературная и книжная деятельность Григория Цамблака (рукопись);

Погорелов В.А.

1) Описание рукописей типографской библиотеки: Сборники и лексиконы. Вып. 2;

2) Псалтыри. Вып. 3.;

3) Материалы и оригиналы ведомостей 1702–1727. Вып. 4[1].

Решение Отделения русского языка и словесности было следующим: тайным голосованием премии половинные (500 руб.) присуждались В.Н. Перетцу и А.И. Яцимирскому. Труд В.А. Погорелова Комиссия признала заслуживающим почетного отзыва.

События 1917 г. в России приостановили многие прекрасные начинания в области поддержки талантливых исследователей. Это произошло и с чествованием памяти М.В. Ломоносова. Однако в 1956 г. традиция была продолжена. Большая золотая медаль Академии наук им. М.В. Ломоносова учреждена постановлением Совета министров СССР от 23 июня 1956 г. с указанием, что медаль присуждается один раз в три года за выдающиеся работы в области естественных и технических наук. Постановлением Совета министров СССР от 7 июля 1967 г. разрешено Академии наук присуждать две золотые медали — одну советскому и одну иностранному ученым за выдающиеся работы в области естественных и общественных наук. Постановлением Президиума РАН от 26 мая 1992 г. установлено: считать золотые меда-

[1] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1902. Д. 21. Л. 8. XXXVIII присуждение премий Ломоносова в 1903 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ли им. М.В. Ломоносова высшей наградой Российской академии наук, присуждаемой одна российскому и одна иностранному ученым с целью отметить выдающиеся работы в области естественных и гуманитарных наук.

Первую медаль в 1959 г. получил П.Л. Капица за совокупность работ по физике низких температур, последние (на сегодняшний день) получили В.Т. Иванов за выдающийся вклад в развитие биоорганической химии и Нойори Риоджи (Япония) за выдающийся вклад в развитие органической химии и каталитического асимметрического синтеза (2010 г.)[1].

В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова 7 декабря 1992 г. было принято положение о порядке присуждения премий им. М.В. Ломоносова за научные работы, выполненные профессорами, преподавателями и научными сотрудниками Московского университета.

Премии присуждаются за работы, содержащие выдающиеся результаты теоретического или прикладного характера, ранее не отмеченные Государственными премиями Российской Федерации, премией Правительства Российской Федерации. На соискание премий могут быть выдвинуты работы, представляющие собой тематически связанные монографии, циклы статей, созданные автором или коллективом авторов, опубликованные в течение десяти лет. Например, М.М. Меркин получил в 2007 г. премию им. М.В. Ломоносова за цикл работ «Наблюдение электрослабого механизма рождения топ-кварка в международном эксперименте DO на коллайдере Тэват». Ежегодно присуждаются одна первая и одна вторая премии. Размер премии определяется Ученым советом Московского государственного университета[2].

Памятные события, связанные с именем великого русского ученого М.В. Ломоносова, утверждение его научных достижений, выраженное в проведении конкурсов премий его имени, позволяют нам верить в жизнеспособность его научных идей, зародившихся во мгле столетий и освещающих нам путь в будущее.

[1] http/www.ras.ru/about/awards/lomonosovgoldmedal.aspx

[2] http/www.msu.ru/science/prem.html

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Приложение

Правила присуждения Ломоносовской премии[1]

1. В память о заслугах, оказанных отечественному просвещению академиком М.В. Ломоносовым, учреждена, по Высочайшему повелению, последовавшему в 8 день марта 1865 г., по всеподданнейшему докладу министра Народного просвещения, ежегодная премия в 1000 р., носящая название *Ломоносовская премия*.

2. *Ломоносовские премии* присуждается Императорской Академией наук.

3. *Ломоносовскими премиями* награждаются труды двоякого рода: 1) ученые исследования и открытия, сделанные в России в области физики, химии и минералогии, и 2) труды по русской и славянской филологии и по истории языка и литературы русского и других славянских народов.

4. На соискание *Ломоносовских премий* принимаются оригинальные сочинения, написанные на русском языке и издаваемые в России, или же рукописные.

5. *Ломоносовские премии* могут быть награждаемы лишь такие труды, которые существенно обогащают науку или приводят к особенно полезным, важным и новым практическим применениям.

6. Сочинения, удостоенные премии графа Уварова, не могут участвовать в соискании *Ломоносовских премий*.

7. К соисканию *Ломоносовских премий* принимаются сочинения, присылаемые самими авторами; независимо от сего Академия имеет право присуждать премии и таким сочинениям, которые по каким-либо причинам самими авторами не были представлены к соисканию. Все действительные члены Академии устраняются от права получения премий.

8. *Ломоносовские премии* выдаются лишь самим авторам или их законным наследникам, но не издателям.

9. Сочинение, однажды удостоенное *Ломоносовских премий*, может быть вторично награждено тою же премией при последующем новом издании лишь в том случае, когда оно в такой степени обогащено важными, вновь сделанными исследованиями, что может быть рассмотрено как новое сочинение.

10. Присуждение *Ломоносовских премий* за сочинения по физике, химии и минералогии делается Физико-математическим отделением, а за труды по русской и славянской филологии и истории русского языка и литературы — Отделением русского языка и словесности, на основании донесений особых комиссий, назначаемых сими отделениями. Постановления Отделений о присуждении сиих премий приводятся в исполнение по утверждении оных Общим собранием в декабрьском заседании оных.

11. Соискание *Ломоносовских премий* назначается: за сочинения по физике, химии и минералогии в 1866, 1868, 1870 и т.д., а за труды по Русской и славян-

[1] СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1866. Д. 3. О первом соискании Ломоносовской премии.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ской филологии и истории языка и словесности в 1867, 1869, 1871 и т.д. Отчет о присуждении сей премии читается в годичном публичном заседании Императорской Академии наук. И затем печатается.

12. Премия Ломоносова не может быть раздробляема. Если бы комиссия, назначенная для рассмотрения конкурсных сочинений, признала бы два или несколько из них в равной мере достойными поощрения, то премия назначается лишь одному из них, по решению Отделения, а прочие отлагаются до следующего соискания. Более двух раз ни одно сочинение участвовать не может.

13. На соискание *Ломоносовских премий* допускаются из печатных сочинений лишь такие, которые вышли в свет в течение двух лет, предшествующих конкурсу. Если бы на том или другом конкурсе премия не была присуждена, то она отлагается до следующего раза.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.В. Хартанович, Т.М. Кравченко

УЧРЕЖДЕНИЕ МУЗЕЯ М.В. ЛОМОНОСОВА И ЕГО ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР Р.И. КАПЛАН-ИНГЕЛЬ

Создание музея М.В. Ломоносова можно по праву считать одним из результатов многолетней комплексной работы по изучению истории русской науки, истории Российской Академии наук, а также процесса институционализации истории науки как отдельной дисциплины.

После 1917 г. идея о новом академическом музее по истории науки и техники разрабатывалась на базе Комиссии по истории знаний (КИЗ) при Академии наук. Идея нового академического музея была представлена акад. В.И. Вернадским в 1921 г. на заседании Общего собрания Академии наук: новые музеи по истории науки, философии, техники или ее отделам должны способствовать организации научной мысли[1]. Проф. О.В. Звягинцев в записке к акад. В.И. Вернадскому «О необходимости сохранения памятников науки и организации музея по истории знаний» сформулировал концепцию такого музея*:* «Реконструкция жизненного мира ученого, где бы были сохранены “вещественные спутники научных трудов” — приборы, аппараты, модели и лаборатории»[2].

Музей истории науки и техники, формировавшийся КИЗ, а затем Институтом истории науки и техники, в 1930-х годах из-за отсутствия места для экспозиций вынужден был возвратить все экспонаты разным музеям города. Удача сопутствовала организации мемориальных музеев А.С. Пушкина. В 1925 г. Академии наук была отдана квартира поэта на Мойке и в 1934 г. — Псковский Пушкинский за-

[1] Чумакова Т.В. Музей истории религии: академический период // Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв. СПб., 2010. С. 207.

[2] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

поведник (оба выведены из состава Академии наук в 1950-е годы и переданы Министерству культуры)[1]. Возможно, организация Академией наук мемориальных музеев гения русской поэзии вдохновляла мысль о возможности учреждения музея, посвященного гению русской науки и культуры.

По воспоминаниям астронома и историка науки, второго директора музея М.В. Ломоносова В.Л. Ченакала, акад. С.И. Вавилов в довоенные 1939–1941 гг. неоднократно делился с ним мыслями о том, что популяризация личности М.В. Ломоносова, его трудов должна быть дополнена показом материальных памятников, иллюстрирующих жизнь и деятельность ученого[2].

В дневниках директора Архива АН СССР Г.К. Князева в записи от 12 июля 1944 г. мы читаем его размышления о будущем здания Кунсткамеры и первой академической обсерватории, где в 1741–1765 гг. работал М.В. Ломоносов: «К сожалению, сейчас не только приезжий в Ленинграде, но и не всякий ленинградец знает историческое значение старинного здания на набережной Невы. <…> В башне, которая сейчас пустует, можно было [бы] устроить небольшой музей — поместить там некоторые астрономические и физические инструменты XVIII в[ека], портреты Ломоносова и других первых русских ученых. Экскурсанты с вышки башни смогли бы обозревать под углом в 360^0 расстилающийся под ними легендарно-героический город и вспоминать, что вот на этом месте начала быть великая русская наука»[3].

Первоначально к разработке идеи мемориального музея М.В. Ломоносова приступила Комиссия по истории Академии наук СССР. После упразднения Института истории науки и техники (25 февраля 1938 г.) 15 ноября 1938 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление об организации Комиссии по истории АН СССР при Архиве Академии наук в Ленинграде.

«1. В связи с поставленной перед Академией наук проблемой изучения истории русской культуры организовать при Архиве АН в г. Ленинграде для изучения истории Академии наук и ее учреждений, истории научных дисциплин и деятельности крупнейших русских ученых Комиссию по истории Академии наук СССР.

---

[1] Чумакова Т.В. Музей истории религии... С. 209.

[2] Ченакал В.Л. С.И. Вавилов и музей М.В. Ломоносова // Советская этнография. 1951. № 2. С. 197.

[3] Цит. по: Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 996.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

2. Председателем Комиссии по истории Академии наук утвердить академика С.И. Вавилова, заместителем председателя — директора Архива АН СССР Г.А. Князева»[1].

9 декабря 1946 г. за подписью заместителя директора Института этнографии проф. Н.Н. Степанова был издан приказ о том, что по указанию Президента Академии наук СССР С.И. Вавилова организуется музей М.В. Ломоносова как отдел при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого. Распоряжением С.И. Вавилова создавалась Комиссия по организации музея в следующем составе: Н.Н. Степанов (председатель), Г.А. Князев, Н.А. Кисляков, Л.Б. Модзалевский, И.И. Любименко, Э.В. Краснуха, Р.И. Каплан-Ингель. А.А. Елисеев (секретарь). Заведующим музеем и его хранителем был назначен архитектор Р.И. Каплан-Ингель[2].

Роберт (Рувим) Исаакович Каплан-Ингель (15 декабря 1884 г., гор. Кобрин Гродненской губ. (ныне Брестской обл.) — 20 марта 1951 г., Ленинград) в 1903 г. окончил 8-классную классическую гимназию в г. Беле с золотой медалью. С 1903 по 1906 гг. — студент математического отделения физико-математического факультета Варшавского университета. За хранение, чтение и распространение нелегальной литературы, изучение марксизма и участие в студенческом движении и революции 1905 года был под надзором полиции с 1900 г. до Февральской революции. В 1917 г. подвергался административным взысканиям по постановлению Университетского дисциплинарного суда за участие в демонстрациях и забастовках. С 1906 по 1914 гг. обучался в Петербургском институте гражданских инженеров, окончил архитектурное отделение. Занимался в художественных кружках под руководством профессоров Академии художеств (С.М. Зайденберга, В.И. Навозова и пр.), был вольнослушателем в Археологическом институте с 1911 по 1913 гг.

По окончании института спроектировал, построил по своим проектам и оборудовал, запустил первый в России йодный завод (1916–1921) в Архангельске (ныне Архангельский опытный водорослевый комбинат). С 1921 г. работал архитектором, главным инженером и начальником капитального строительства в различных учреждениях Ленинграда. Также состоял «инструктором по постановке памятников», работал в области малых архитектурных форм, по внутренней отделке магазинов Ленкондитерсбыта, Союзмаслосбыта и пр. Проектировал художествен-

[1] Цит. по: Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук СССР» // Вестник института истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 146–147.

[2] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 142. Оп. 1–1946. № 20. Л. 12.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ное оформление библиотеки им. Белинского и библиотеки Куйбышевского района.

С начала 1940 г. работал в Институте этнографии АН СССР по договору по проектированию оборудования археологического и антропологического отделов экспозиции. С июля 1940 г. зачислен в штат Института в качестве заведующего отделом художественного оформления, затем архитектором-археологом. Занимался темой «Оборудование и научно-художественное оформление экспозиции в советских этнографических музеях».

30 июня 1941 г. Каплан-Ингель назначен заведующим специальным хранилищем Института этнографии. С июля 1941 г. — участвовал в строительстве оборонных сооружений на подступах к Ленинграду. С июля 1942 г. назначен уполномоченным дирекции по Институту, ответственным за выполнение заданий по сохранению коллекций, ликвидации аварий и производству аварийно-восстановительных работ, планировал и организовывал работы по поддержанию жизнедеятельности учреждения и сохранению здания Кунсткамеры. Награжден медалью «За оборону Ленинграда», орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»[1].

Весной 1945 г., будучи заместителем директора по административно-хозяйственной части, Каплан-Ингель направил в Городской архитектурный совет проект восстановления здания Кунсткамеры, предусматривавший и историко-архитектурную реставрацию в соответствии с работами архитектора С.И. Чевакинского. Проект был отклонен Городским архитектурным советом, но поддержан Академией наук и ее президентом С.И. Вавиловым. В январе 1946 г. Президиум Академии наук утвердил реставрацию здания бывшей Кунсткамеры с основной задачей — реконструкцией башни. Руководителем строительства был назначен автор проекта Р.И. Каплан-Ингель. С учетом решений специально организованного реставрационного совета окончательный проект реконструкции здания был одобрен Городским архитектурным советом 2 августа 1946 г., строительные работы начались весной 1947 г.

Отметим, что помимо историко-архитектурных задач преследовалась цель сохранения помещений, связанных с деятельностью М.В. Ло-

[1] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. № 534. Л. 33–33 об. См. также Стецкевич Е.С. Роберт Исаакович Каплан-Ингель и послевоенная реконструкция здания Кунсткамеры 1945–1949 годы // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1995. Вып. 8–9. С. 127–135.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

моносова, прежде всего тех, где ученый мог проводить астрономические наблюдения[1].

В течение 1946 г. также шли работы по подготовке будущей экспозиции и формированию фондов музея. В разработке экспозиционного плана музея М.В. Ломоносова были задействованы ведущие ученые. Например, работы по экспозиции «Химия» и «Оптика» были предложены В.П. Борзаковскому, кураторами по этим разделам согласились стать академики С.И. Вавилов и И.В. Гребенщиков. По другим разделам работы были поручены Н.И. Эдельсону, А.А. Немирову, И.Ф. Корбут, Т.В. Волковой, Н.М. Раскину[2].

Уже в октябре 1946 г. между Институтом этнографии АН СССР и Н.М. Раскиным, историком химии и горного дела в России XVIII в., было заключено трудовое соглашение по подготовке материалов для музея М.В. Ломоносова. Ему поручалось следующее.

1. Обследование экспозиций Государственного Эрмитажа, Артиллерийского музея, Русского музея, Музея истории города, Музея фарфорового завода им. Ломоносова, Военно-морского музея и других на предмет регистрации экспонатов, необходимых для музея М.В. Ломоносова, с предоставлением докладной записки и кратким списком.

2. Изучение по литературным данным и архивным материалам отдельных экспонатов, которые по решению комиссии будут признаны нужными для экспозиции, с целью установления их датировки, назначения, состояния и т.д. с составлением карточки на каждый экспонат.

3. Выявление материалов в архиве Академии наук по Химической лаборатории, Физическому кабинету, Инструментальной мастерской и Обсерватории, Кунсткамере и другим научным учреждениям с составлением карточек.

4. Выявление и подбор в архиве Академии наук и других архивах, а также по литературным источникам XVIII в. материалов, характеризующих состояние академической науки, деятельности Ломоносова и его современников, а также академический быт эпохи Ломоносова, необходимых для экспозиции и исследовательской работы музея[3].

Институт этнографии АН СССР заключил трудовое соглашение и с В.П. Борзаковским по подготовке материалов для раздела музея «Хими-

[1] Стецкевич Е.С. Роберт Исаакович Каплан-Ингель… С. 128–131; Каплан-Ингель Р. И. О реставрации здания бывшей Петровской Кунсткамеры (ныне здания института и музея этнографии) // Краткие сообщения Института этнографии. Л., 1947. Вып. 2. С. 90–94.

[2] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1946. № 20. Л. 1 об., 2.

[3] Там же. 142. Оп. 1–1946. № 20. Л. 4.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ческая лаборатория М.В. Ломоносова». Борзаковскому поручалось выявление и изучение печатных и архивных материалов по Химической лаборатории Ломоносова и его оборудованию, необходимых для выполнения полного макета лаборатории, ее оборудования, а также химического кабинета[1].

Заместителем директора Института этнографии АН СССР Н.Н. Степановым и заведующим музеем М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингелем развернута работа по сбору и накоплению экспонатов для музея. В Институт русского языка и литературы АН СССР (Пушкинский дом) было направлено письмо-запрос о предоставлении предметов мебели XVIII в., дублетов гравированных портретов современников Ломоносова, дублетов изданий трудов Ломоносова и его современников в XVIII в. и более поздних изданий. В Библиотеку Академии наук отправлен запрос о предоставлении мебели, в первую очередь круглого стола из красного дерева, за которым происходили первые конференции Академии. Также запрашивались дублеты академических прижизненных и более поздних изданий трудов Ломоносова, дублеты портретов Ломоносова и его современников, виды Кунсткамеры до пожара 1747 г., дублеты разных иллюстративных материалов, относящихся к времени Ломоносова или связанных с памятью о нем[2].

Президент Академии наук С.И. Вавилов обратился в Ленинградское отделение «Академкниги» с просьбой сохранять для закупки музеем антикварные издания работ М.В. Ломоносова, как XVIII в., так и последующего времени, а также издания о жизни и деятельности ученого[3].

Кроме того, велась масштабная работа по подготовке к празднованию 200-летия основания Химической лаборатории Ломоносова. В.П. Борзаковским, Н.М. Раскиным и Р.И. Каплан-Ингелем при содействии акад. И.В. Гребенщикова был создан макет (М 1:10) академической химической лаборатории, отражавший ее состояние на 1753–1753 гг. Макет был установлен на экспозиции музея М.В. Ломоносова[4].

В начале 1947 г. в связи с образованием Ломоносовского музея заместитель директора Института этнографии Н.Н. Степанов ходатайствовал перед президентом Академии наук С.И. Вавиловым об оформлении музея М.В. Ломоносова как части Института этнографии и выделении штатов на 1947 г. (заведующий музеем с окладом 4000 руб., старший

[1] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1946. № 20. Л. 5.

[2] Там же. Л. 14, 15.

[3] Там же. Л. 13.

[4] Борзаковский В.П., Каплан-Ингель Р.И. Макет химической лаборатории М.В. Ломоносова // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

научно-технический сотрудник с окладом 900 руб., два препаратора с окладом по 500 руб.)[1].

В январе 1947 с Р.И. Каплан-Ингелем было подписано трудовое соглашение о следующем.

«1. Р.И. Каплан-Ингель принимает на себя обязанности по заведованию Ломоносовским музеем и по хранению приобретаемых для Музея экспонатов, для чего он:

А) изучает в библиотеках и архивах материалы, относящиеся к жизни и деятельности Ломоносова;

Б) через соответствующих привлеченных сотрудников выясняет, какие экспонаты, имеющие значение для Ломоносовского музея, имеются в музеях Ленинграда;

В) собирает материалы, составленные соответствующими сотрудниками для Ломоносовского музея;

Г) отыскивает в комиссионных и антикварных магазинах, а также у частных лиц экспонаты Ломоносовского времени;

Д) принимает участие в работе оценочной комиссии по оценке и покупке Ломоносовских экспонатов;

Е) оформляет приобретенные и полученные экспонаты для Ломоносовского музея;

Ж) консультирует по научной экспертизе и описанию экспонатов Ломоносовского Музея»[2].

27 февраля 1947 г. в Дирекцию Института этнографии (Московского отделения) Председателем Комиссии по созданию музея М.В. Ломоносова проф. Н.Н. Степановым, ученым секретарем комиссии А.А. Елисеевым и заведующим музеем М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингелем направлена докладная записка об организации музея М.В. Ломоносова. В записке обосновывалась организация музея: «Здание бывшей Кунсткамеры является единственным сохранившимся зданием, в котором работал великий русский ученый М.В. Ломоносов. По предложению Президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова в этом историческом здании, подлинной колыбели русской науки, в связи с его реконструкцией должен быть основан Ломоносовский музей». В записке кратко описывались разделы будущей экспозиции, излагались планы по организации при музее Ломоносовского кабинета с литературой по жизни и деятельности Ломоносова, его сочинениями, академическими изданиями середины XVIII в., иконографическим материалом. Кроме того, предполагалось, что в кабинете будет находиться картотека по

[1] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1947. № 17. Л. 6.

[2] Там же. Оп. 5. № 534. Л. 48.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

источникам и фотоархив со всех подлинных документов, относящихся к Ломоносову[1].

8 мая 1947 г. вышло Постановление Президиума АН СССР за подписью Президента Академии наук С.И. Вавилова и академика-секретаря Н.Г. Бруевича: «Для собирания и изучения материалов, относящихся к жизни и деятельности великого русского ученого М.В. Ломоносова, организовать в составе Института этнографии Ломоносовский музей. Заведующим Ломоносовского музея утвердить тов. Каплан-Ингеля Р.И.»[2].

Продолжалась работа по формированию фондов и научного кабинета музея. В июне 1947 г. Каплан-Ингель в письме к С.И. Вавилову просил обязать издательство Академии наук присылать в музей два обязательных экземпляра литературы о М.В. Ломоносове, издаваемой в Академии, для пополнения справочного отдела музея[3].

Р.И. Каплан-Ингель обратился к С.И. Вавилову с предложением поставить вопрос о размещении возвращаемого в СССР из Германии Большого Академического (Готторпского) глобуса в реконструируемой башне здания Кунсткамеры и передаче глобуса Академии наук: «По имеющимся сведениям, так называемый “Готторпский глобус”, вернее “Академический”, обнаружен в английской зоне оккупации Германии и возвращается в СССР. Глобус этот, выполненный при участии Ломоносова Академией наук взамен сгоревшего после пожара Кунсткамеры в 1747 г., всегда принадлежал Академии наук, лишь в 1901 г. передан Царскосельскому дворцовому управлению и помещен в Адмиралтействе, перешедшем после Октябрьской Революции в ведение Управления загородных дворцов и музеев.

С созданием Ломоносовского музея было бы уместно поместить этот глобус в башне, где когда-то находился первоначальный Готторпский глобус. Глобус этот является ценнейшим экспонатом, не только отражающим состояние географической и астрономической науки времен Ломоносова, но и демонстрирующим участие Ломоносова в различных областях научной и практической деятельности в системе Академии наук.

Некоторым затруднением может явиться подъем и установка глобуса диаметром в 3,57 м, превышающим на 1,5 м оконные проемы башни.

В случае, если будет решено установить глобус в здании б. Кунсткамеры, необходимо возбудить ходатайство перед Советом министров о возвращении глобуса Академии наук СССР»[4].

---

[1] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1947. № 17. Л. 8–11.

[2] Там же. Л. 22.

[3] Там же. Л. 29.

[4] Там же. Л. 35.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Одновременно с формированием музея Р.И. Каплан-Ингель руководил строительными работами по реконструкции башни здания Кунсткамеры. 10 апреля 1948 г. он телеграфировал в Москву Президенту Академии наук С.И. Вавилову о том, что 10 апреля точно по графику начата кирпичная кладка башни Кунсткамеры[1]. К октябрю 1948 г. были завершены наружные работы на башне музея. В телеграмме С.И. Вавилову Каплан-Ингель сообщал о том, что Кунсткамера, освобожденная от лесов, красиво возглавляет комплекс академических зданий[2]. 31 октября 1948 г. на пятый этаж музея был поднят Большой Академический (Готторпский) глобус[3].

В 1947–1948 гг. происходило активное накопление экспонатов для создаваемого музея: предметы поступали из Государственного Эрмитажа, Русского музея, Государственного исторического музея, Академии наук, Библиотеки и Архива Академии наук, Института русского языка и литературы, Оптического института и фарфорового завода. Проводилась закупка у частных лиц, в антикварных магазинах.

Совет министров СССР распоряжением от 14 мая 1948 г. разрешил Комитетам по делам искусств и по делам культурно-просветительских учреждений передавать вновь организуемому Музею М.В. Ломоносова предметы искусства и культуры, связанные с именем ученого.

8 октября 1948 г. вышло Распоряжение по Академии о создании Комиссии по проверке степени готовности экспозиции музея к зимней сессии Академии в следующем составе: акад. Н.С. Державин (председатель), ученый секретарь Комиссии по истории АН к.ф-м.н. А.А. Елисеев (секретарь); члены комиссии: зам. директора Института этнографии Л.П. Потапов, научный сотрудник указанного института И.Я. Треногов, директор Архива АН СССР Г.А. Князев, заведующий музеем М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингель и научный сотрудник Государственного Эрмитажа В.М. Глинка[4].

С момента постановления Президиума АН СССР от 8 мая 1947 г. коллективом музея была проделана колоссальная работа по подготовке (практически с нуля) экспозиции для проведения на ее базе зимней сессии Академии наук 1949-го г., посвященной истории русской науки. Заведующий музеем Р.И. Каплан-Ингель подчеркивал поддержку и содей-

[1] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1948. № 8. Л. 46.

[2] Стецкевич Е.С. Роберт Исаакович Каплан-Ингель… С. 132.

[3] СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1948. № 8. Л. 135; см. подробно Карпеев Э.П. Большой Готторпский глобус. СПб., 2000.

[4] Протоколы заседаний этой Комиссии хранятся в архиве музея М.В. Ломоносова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ствие в этой работе президента АН СССР С.И. Вавилова, акад. И.В. Гребенщикова, администрации Музея этнографии и антропологии и сотрудников непосредственно музея М.В. Ломоносова — Т.В. Станюкович, Т.В. Победимовой, Г.В. Васильевой и др.[1]

5 января 1949 г. январская сессия Академии наук была открыта в реконструированном Академическом конференц-зале, за старинным круглым столом, где лишь одно место было свободным и сопровождалось табличкой: «Здесь сидел М.В. Ломоносов»[2].

Президент АН СССР С.И. Вавилов отметил во вступительном слове: «Открывая Ломоносовский музей в этом здании, освященном для нас памятью личной работы Ломоносова, Академия наук выполняет свой старинный долг перед памятью одного из самых замечательных людей нашего прошлого. <…> Здание Кунсткамеры, видевшее Ломоносова и других академиков первого призыва, сохранившиеся подлинные предметы петровской Кунсткамеры и коллекции Ломоносовского музея должны навсегда остаться драгоценным памятником истории нашей культуры».

Директор Музея антропологии и этнографии Л.П. Потапов подчеркнул взаимосвязь между ломоносовской темой, Кунсткамерой и ее полным наследником и приемником — Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого: «Музей Ломоносова занимает почтенное и центральное место в его системе, рядом с анатомическими коллекциями, собранными Петром Первым, рядом с коллекциями великих сибирских экспедиций XVIII в., русских кругосветных путешественников XIX в., рядом с замечательными коллекциями русских исследователей северо-западной Америки, рядом с собранием Миклухо-Маклая»[3].

Отдадим дань и тому факту, что все работы по реконструкции башни здания Кунсткамеры и формированию Ломоносовского музея были проведены спустя всего несколько лет после снятия тяжелейшей блокады Ленинграда и окончания Великой Отечественной войны.

[1] Каплан-Ингель Р.И. Мемориальный музей М.В. Ломоносова при Институте этнографии Академии наук СССР // Советская этнография. 1949.№ 2. С. 160.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 160–162.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

О.Ю. Петрова

СЕМЬЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

«По разным наукам у меня столько дела, что я отказался от всех компаний; жена и дочь моя привыкли сидеть дома и не желают с комедиантами обхождения. <…> И по сие время ужились мы в единодушии»[1] — так пишет о себе и своей семье М.В. Ломоносов в письме к И.И. Шувалову от 19 января 1761 г. Необходимо сказать, что это одно из очень немногих упоминаний о частной жизни ученого, встречающихся в его переписке. Михаил Васильевич всегда на первое место ставил свою научную деятельность, а его личная жизнь оставалась в тени. Это привело к тому, что частная, семейная сторона биографии ученого изучена не достаточно подробно.

Как известно, М.В. Ломоносов в числе трех русских студентов был послан Петербургской Академией наук в Германию для получения образования в Марбургском университете у профессора Христиана Вольфа. В 1736 г. он вместе с Д.И. Виноградовым и Г.У. Райзером прибыл в Марбург и поселился у вдовы Катарины Элизабеты Цильх. Дом, в котором М.В. Ломоносов жил в Марбурге, сохранился. Он находится по адресу переулок Венгельгассе 2[2]. Здесь же он познакомился и со своей будущей женой Елизаветой Цильх — дочерью хозяйки дома.

Бракосочетание молодых людей состоялось 6 июня 1740 г. в церкви города Марбурга. Документ о регистрации их брака хранится в Государственном Гессенском архиве в Марбурге. Но еще до официального вступления молодых людей в брак 19 ноября 1739 г. родилась их дочь, при крещении получившая имя Екатерина Елизавета[3].

---

[1] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 546.

[2] Wilhelm A. Eckhardt Miszellen und Vortäge. Marburg, 1995. S. 2.

[3] Ibid.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

13 мая 1741 г. марбургский проректор Иоганн Фридрих Гомбергк цу Фах выдал паспорт Михаилу Васильевичу для поездки обратно в Петербург[1]. Вернулся он на родину один, без жены и ребенка. М.В. Ломоносов не мог взять их с собой по двум причинам. Во-первых, в соответствии с указом Петра I студентам запрещалось жениться[2], во-вторых, его жена должна была остаться, чтобы ухаживать за больной матерью[3]. Таким образом, он не был в Марбурге при рождении своего сына Иоганнеса, который родился 1 января 1742 г. Крестным отцом мальчика стал шурин Ломоносова Иоганнес Цильх. К сожалению, ребенок прожил чуть больше месяца и умер 7 февраля 1742 г.[4]

Остается неясным, когда жена М.В. Ломоносова с дочерью и братом приехали в Петербург. В отечественной исторической науке закрепилось мнение, о том что это произошло в первой половине 1743 г., что впервые отмечено Я. Штелиным в его работе «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова», написанной в 1783 г.[5] Он же сообщает о том, что после двухлетнего отсутствия вестей от мужа Елизавета Ломоносова (Цильх) стала сама разыскивать его через русского посланника в Гааге Головкина. Он переслал ее письмо графу А. Бестужеву-Рюмину, а тот — Я. Штелину, через которого М.В. Ломоносов и получил письмо своей жены. Он тут же написал ответ с просьбой приехать к нему, приложив 100 рублей на переезд. В том же 1743 г. Елизавета Ломоносова (Цильх) вместе с дочерью и братом приехала в Петербург[6]. Письмо Ломоносова не сохранилось[7].

Версия, предложенная немецкими исследователями, в первую очередь бывшим директором Гессенского государственного архива Вильгельмом Экхардтом, представляется более правдоподобной: это конец 1747 г. В соответствии с марбургскими архивными источниками брат и сестра Цильхи оставались в Марбурге до смерти своей матери. В сче-

---

[1] Wilhelm A. Eckhardt Miszellen und Vortäge. Marburg... S. 2.

[2] Закон от 20 января 1714 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. № 2762.

[3] Кархофф Б. От Ломоносова и Пастернака до наших дней: Михаил Васильевич Ломоносов в Марбурге // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 2005. № 5. С. 147–155.

[4] Там же.

[5] Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, взятые с его собственных слов Штелиным. 1783 г. // М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962. С. 56–57.

[6] Там же. С. 56–57.

[7] Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 72.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

тах марбургского городского казначейства указано, что вдова Генриха Цильха платила ½ фунта гражданского шиллинга до 1745 г., сведения за 1746 г. отсутствуют. В 1747 г. платят дети Генриха Цильха, о которых с 1748 г. сведений больше нет. Таким образом, брат и сестра могли покинуть Марбург, вероятно, в конце 1747 г.[1]

С этим согласуются два факта. Во-первых, то, что у супружеской четы Ломоносовых в 1749 г. в Петербурге родилась дочь Елена[2]. Во-вторых, то, что Иоганн Цильх поступил на службу в Канцелярию Академии наук в 1749 г.[3] Вряд ли он в течение шести лет находился на иждивении М.В. Ломоносова, тем более что жалование ученого в это время было небольшим и выплачивалось со значительным опозданием.

Другим подтверждением этой версии служит тот факт, что лишь в ноябре 1747 г. мы встречаем упоминание о жене М.В. Ломоносова в документах по истории Академии наук: «По доношению профессора Ломоносова, для его пропитания и для его крайних нужд, и что жена его находится в великой болезни, а медикаментов купить не на что, определено: заслуженное его жалование за сентябрь и октябрь месяцы сего 1747 году по окладу его сто десять рублей выдать»[4].

По возвращению М.В. Ломоносова из Германии Академия наук предоставила ему квартиру из двух комнат в так называемом Боновом доме[5]. Это название дом получил по имени первого владельца генерала Г.И. Бона. Располагался он вместе с примыкавшим к нему участком на территории между Средним и Малым проспектами по 2 линии Васильевского острова. В 1747 г. М.В. Ломоносов получил в этом же доме квартиру из пяти комнат, в которой до него жил профессор И.Г. Сигезбек[6]. Данный факт также косвенно подтверждает предположение о 1747 г. как дате приезда жены ученого. Здесь М.В. Ломоносов с семьей прожил до 1757 г. С 9 сентября 1757 г. М.В. Ломоносов переселяется в собственный дом на Мойке[7]. В нем Ломоносов с семьей прожил до своей смерти в апреле 1765 г.

Меньше всего сведений сохранилось о ближайших членах семьи М.В. Ломоносова — его жене и дочери.

---

[1] Wilhelm A. Eckhardt Miszellen und Vortäge. Marburg... S. 4.

[2] Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь. СПб., 2001. С. 74.

[3] Там же. С. 220.

[4] Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб, 1865. С. 95.

[5] Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь… С. 26.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 51.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Жена Михаила Васильевича Елизавета Андреевна Ломоносова, как стали в России называть Елизавету Христину, родилась 22 июня 1720 г. в Марбурге. Отец ее Генрих Цильх был пивоваром. По понятиям Германии того времени, это почетный гражданин среднего достатка[1]. Вероятно, по приезду в Россию состоялось венчание ее с М.В. Ломоносовым в православной церкви, которая разрешала браки с представителями других христианских концессий, но требовала, чтобы дети воспитывались в православии. Подтверждением этому служит тот факт, что в ноябре 1764 г. Ломоносов подал о Елизавете Андреевне сведения в Герольдмейстерскую контору как о своей жене — статской советнице[2]. Известно, что она так и не выучила русский язык и даже письма подписывала по-немецки[3]. Елизавета Ломоносова пережила мужа только на полтора года и умерла в октябре 1766 г. в Петербурге[4].

Двое (а по некоторым источникам трое) детей М.В. Ломоносова умерли в раннем детстве. Драматично сложилась судьба единственной выросшей дочери Елены. Как уже упоминалось, родилась она 21 февраля 1749 г. в Петербурге. Через год после смерти отца (15 сентября 1766 г.) в 17 лет вышла замуж за А.А. Константинова, бывшего библиотекаря Екатерины II, который был старше ее почти на 20 лет[5]. Родила четверых детей и умерла в 1772 г. на 23-м году жизни[6]. Похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

Особо хотелось остановиться на судьбе шурина М.В. Ломоносова Иоганнесе Цильхе, или, как его называли в России, Иване Андреевиче. Родился он в 1719 г. в Марбурге. Вместе с сестрой приехал в Россию и в 1749 г. поступил на службу в канцелярию Академии наук. В 1753 г. был переведен в мозаичную мастерскую М.В. Ломоносова для обучения мозаичному делу. Здесь он получил знания по химии и технологии мозаичных составов и был назначен «управителем заводов»[7]. В самом начале апреля 1765 г. М.В. Ломоносов, чувствуя приближающуюся кончину и переживая за судьбу своей мозаичной фабрики, составил проект прошения в Сенат о лицах, которым может быть доверено мозаичное дело

[1] Кархофф Б. От Ломоносова и Пастернака до наших дней…

[2] Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова… С. 689.

[3] Макаров В.К. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950. С. 103.

[4] Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь… С. 92.

[5] Шумилов Н.А. Род Ломоносовых. Покаленная роспись. Архангельск, 2002. С. 36.

[6] Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь… С. 74.

[7] Там же. С. 220.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

после его смерти. В нем он указал: *«Шурин мой, регистратор Иван Цилих, дошел в сем искусстве довольного совершенства, что никто в Европе лучших успехов показать не может, имеет учеников, уже далече знающих, и еще большее число придано быть может. Все цветы без меня произведены быть могут, ибо уже года с три в составления оных мозаичных цветов я головою не вступался, а производил оный мой шурин Цильх»*[1]. Здесь же он писал о том, что в случае его смерти начатое им *«мозаичное художество»* может быть поручено И. Цильху и мастеру М. Васильеву. Иоганн Цильх находился на службе в качестве мастера-смальтовара до закрытия Усть-Рудицкой фабрики в 1768 г. С сентября 1770 г. он работает на Назенских стеклянных заводах, занимаясь золочением хрустальной посуды[2]. Последние упоминания об Иоганне Цильхе относятся к 1793 г.[3]

Как известно, М.В. Ломоносов был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры. Рядом с ним похоронены его дочь Елена и зять Алексей Константинов. Местонахождение могилы жены неизвестно. Будучи лютеранкой по своему вероисповеданию, она, скорее всего, была похоронена на Смоленском лютеранском кладбище. Здесь же, по-видимому, были похоронены ее брат Иоганн Цильх и старшая дочь Ломоносова — Екатерина-Елизавета, приехавшая вместе с матерью из Марбурга в Петербург.

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранятся материалы по захоронениям на петербургских кладбищах. Как удалось установить, материалы по Смоленскому лютеранскому кладбищу за XVIII в. были утрачены еще в начале XX в. Поэтому на сегодняшний день проблема остается открытой. Хочется надеяться, что рано или поздно удастся обнаружить могилы членов семьи Ломоносова и почтить их память.

[1] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 180.

[2] Паина Э. С. Новые материалы о мозаичной мастерской Ломоносова, ее мастерах и учениках (1769–1770) // Ломоносов: Сборник материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 310.

[3] Макаров В.К. Художественное наследие… С. 122.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

А.Г. Абайдулова, Н.П. Копанева

О ПРИОБРЕТЕНИИ АКАДЕМИЕЙ НАУК УСТЬ-РУДИЦКОЙ ГРАМОТЫ И ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ М.В. ЛОМОНОСОВА В 1938–1939 гг.

Обретением части документов, которые сейчас украшают фонд М.В. Ломоносова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Академия наук обязана двум сестрам, москвичкам, прапраправнучкам М.В. Ломоносова — Елизавете Николаевне Орловой (1861–1940) и Екатерине Николаевне Котляревской, урожденной Орловой (1869–1957), получившим бумаги Ломоносова в наследство и хранившим их как семейные реликвии[1].

Впервые личные вещи и документы М.В. Ломоносова были представлены на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время», организованной к 200-летию ученого, в отделе VII «Ломоносов. Академия наук. Московский университет». Как известно, выставка проходила в Императорской Академии художеств. Устроители выставки писали: «Желая придать всему помещению <…> характер Елизаветинской эпохи, было решено при помощи декораций замаскировать стены Академии художеств, создав подходящий выставке фон. С этой целью, на основании научного материала, написаны по проекту архитектора Н.Е. Лансере декорации главных залов и все комнаты убраны мебелью того времени»[2].

---

[1] См. Модзалевский Б.Л. Род и потомство Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб., 1911. С. 334–337; Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова / АН СССР. Архив; Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Л., 1975.

[2] Врангель Н. Предисловие // Путеводитель по состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. С. 1.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Выставка была разделена на 12 отделов, и для каждого была отведена особая комната.

Из документов, о которых пойдет речь в данной статье, на выставке экспонировались:

- паспорт, выданный Ломоносову Марбургским университетом 13 мая 1741 г.[1];
- диплом М.В. Ломоносова на звание профессора химии[2];
- грамота императрицы Елизаветы Петровны, выданная М.В. Ломоносову на землю в Копорском уезде при деревне Усть-Рудица[3].

На выставке была представлена и грамота на дворянство, выданная императором Павлом I зятю Ломоносова, Алексею Алексеевичу Константинову[4]. Расположены они были в отделе VII «Ломоносов. Академия наук. Московский университет». Отдел занимал последнюю, угловую комнату на выставке. Этот, по словам организаторов, «собственно Ломоносовский отдел выставки», знакомил посетителей «с жизнью, ученою и просветительною деятельностью первого и величайшего русского ученого. <…> Здесь представлены известные ныне портреты Ломоносова и его родственников, покровителей и товарищей по Академии, рукописи его сочинений и автографы, печатные издания его произведений, вышедшие при жизни и после смерти Ломоносова, официальные документы, касающиеся его лично, его научной деятельности, а также его родных, мозаичные работы его и основанной им мозаичной фабрики, вещи, ему принадлежащие, как то: грамота на имение, пожалованное ему Императрицей Елизаветой, диплом на звание профессора,

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Ф. 20. Оп. 2. Д. 7. Паспорт, выданный от Марбургского университета Ломоносову в Марбурге, 13 мая 1741 г. На нем. яз.

[2] Там же. Д. 6. Диплом Ломоносова на звание профессора химии, выданный ему за подписью графа К.Г. Разумовского в марте 1751 г.; на пергамене, с печатью Академии наук в серебряном золоченом ковчеге с аллегорическими рельефными изображениями. На лат. яз.

[3] Там же. Д. 8. Грамота Имп. Елизаветы Петровны, выданная Ломоносову 2 сентября 1756 г., на землю в Копорском уезде при дер. Усть-Рудице. На грамоте, писанной на пергаменте и украшенной многочисленными акварельными рисунками и портретом Императрицы Елизаветы Петровны, подписались <…>. Грамота в зеленом бархатном переплете, с вислою государственной печатью в серебряном золоченом ковчеге с государственным гербом; листы грамоты переложены розовым шелком. Описание в Каталоге отдела VII выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» (СПб., 1912. С. 45–46).

[4] Там же. Оп. 5. Д. 304.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

часы, научные инструменты»[1]. Дипломы и грамоты были собственностью проживавших в Москве прапраправнучек Ломоносова Елизаветы Николаевны Орловой и Екатерины Николаевны Котляревской.

Е.Н. Орлова еще в период подготовки М.И. Сухомлиновым издания «Собрания сочинений М.В. Ломоносова» оказывала Академии наук всяческую помощь и поддержку, пересылая из Москвы в Петербург находящиеся у нее рукописи Ломоносова для их копирования и издания. Так, ею были отправлены М.И. Сухомлинову две папки рукописей, называемых «Портфели Ломоносова». После смерти Сухомлинова в 1901 г. рукописи находились в Отделении русского языка и словесности. Елизавета Николаевна 19 апреля 1927 г. писала по этому поводу своему давнему знакомому В.И. Вернадскому: «Последний раз переписывались о них [рукописях] с ак[адемиком] Шахматовым. <…> Мне лично было бы очень интересно знать о судьбе этих двух толстых портфелей; если Вам это будет не трудно, может быть, Вы напишите мне, <…> нашли ли Вы их»[2].

Л.Б. Модзалевский в изданном им научном описании рукописей М.В. Ломоносова писал, что «“портфель” был пожертвован в Академию наук в 1926 г. прапраправнучкой Ломоносова, Елизаветой Николаевной Орловой, внучкой Екатерины Николаевны Орловой, рожденной Раевской»[3]. Но, как видно из цитированного письма, Е.Н. Орлова в 1927 г. еще не предприняла никаких шагов по передаче бумаг Ломоносова на постоянное хранение в Академию наук.

По ходатайству президента Академии наук СССР В.Л. Комарова с 1938 г. Е.Н. Орлова стала получать персональную пенсию. В ноябре 1938 г. ею был передан в Академию диплом М.В. Ломоносова на звание профессора химии. Диплом по распоряжению В.Л. Комарова был направлен в академический архив в Ленинграде и принят на хранение 15 ноября 1938 г.[4]

Как известно, профессором химии М.В. Ломоносов стал в 1745 г. Диплом же, свидетельствующий о полученном им звании, Ломоносов получил только 19 мая 1751 г. Диплом на пергамене, с подписью-автографом президента Академии наук К.Г. Разумовского и академической печатью. Сообщения о поступлении в Академию наук профессор-

[1] Путеводитель по состоящей под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». СПб., 1912. С. 16.

[2] Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1213. Л. 1.

[3] Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: научное описание / Сост. Л.Б. Модзалевский. М.; Л., 1937. (Тр. Архива АН ССР. Вып. 3). С. 10.

[4] СПФ АРАН. Дело фонда 20. Т. 1. Л. 15.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ского диплома М.В. Ломоносова были опубликованы 16 ноября 1938 г. в газетах «Вечерняя Москва» и «Комсомольская правда»[1].

В начале 1939 г. диплом был отреставрирован[2] и занял свое место в фонде. В период реставрации была сделана фотокопия этого диплома на пергамене с мастичным слепком печати Академии наук. Эта работа была исполнена реставратором, директором лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Николаем Петровичем Тихоновым. Необходимость создания факсимильной копии была вызвана тем, что диплом Ломоносова отправлялся на Международную выставку в Нью-Йорк (1939 г.). Директор Архива АН СССР Г.А. Князев в своем дневнике в связи со смертью Н.П. Тихонова в блокадном Ленинграде писал: «Я видел у него великолепно имитированные документы (например, диплом Ломоносова), который почти нельзя было отличить от подлинника»[3]. Эта копия хранится ныне в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук[4].

Передав в Академию наук профессорский диплом Ломоносова, Е.Н. Орлова и ее сестра Е.Н. Котляревская приняли решение расстаться и с другими хранившимися у них реликвиями. 14 декабря 1938 г. Е.Н. Орлова писала В.Л. Комарову: «Кроме переданного в Академию наук диплома Ломоносова в нашей семье (т.е. у меня и сестры моей, Екат[атерины] Ник[олаевны] Котляревской с дочерью[5]) хранятся еще три документа, относящиеся к Ломоносову, а именно: 1. Дарственная грамота Императрицы Елизаветы на землю в Петербургской губ. (имение Усть-Рудица), для устройства там стекольного завода; 2. Паспорт, данный Ломоносову Марбургским университетом при возвращении его в Россию; и 3. Грамота на дворянское звание, выданное Имп[ератором] Павлом его [Ломоносова] зятю Константинову, первому библиотекарю Петербургской публичной библиотеки[6]. Обстоятельства не позволяют нам предложить эти вещи в дар; мы решили их продать, и первым долгом обратиться в Академию наук, т.к. думаем, что они представляют для нее интерес, особенно первые два. Первая — дарственная грамота

[1] См. об этом: Модзалевский Л.Б. Новые автографы Ломоносова и материалы о нем в Академии наук СССР // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1940. С. 392.

[2] СПФ АРАН. Дело фонда 20. Т. 1. Л. 17.

[3] Георгий Алексеевич Князев. Дневники военных лет. СПб., 2009. С. 586–587.

[4] СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 4. Д. 25.

[5] Павла Сергеевна Котляревская.

[6] Алексей Алексеевич Константинов был личным библиотекарем Екатерины II.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

на имение Усть-Рудицы — интересна не только в историческом, но и в художественном отношении. Текст написан на листах пергамена и обрамлен рисунками гуашью, представляющими медальончики с видами Усть-Рудицы и амурчиков, исполняющих разные работы будущего стекольного завода[1]. Листы эти вложены в нарядную папку и скреплены печатью в серебряном футляре с гербом. Второй документ — Марбургский паспорт — написан по-немецки, на простой бумаге, 1741 г., с бумажной печатью. Дворянское звание Константинову, так же как и грамота на Усть-Рудицу, представляет из себя папку с пергаменными листами и печатью в большом серебряном футляре; листы украшены обрамлением с гербами всех городов. Документ этот был заготовлен при Павле I, но выдан уже за подписью Александра I в 1801 г., и печать в футляре траурная — черная»[2].

Елизавета Николаевна просила академика В.Л. Комарова принять ее, чтобы он смог лично посмотреть эти документы. В.Л. Комаров обратился к директору Института мировой литературы И.К. Лупполу, прося направить к Е.Н. Орловой эксперта. В качестве эксперта к Елизавете Николаевне был направлен Я.Н. Жданович. В начале XX в. он был сотрудником Академии художеств, принимал участие в разработке одного из отделов выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В 1923–1931 гг. он старший консультант Центрального архивного управления РСФСР.

В деле фонда нет упоминаний о сумме, которая была уплачена за документы, но в письме от 9 января 1939 г.[3] Е.Н. Орлова указала, что Усть-Рудицкая грамота оценивается в 10 тыс. руб., грамота А.А. Константинова — в 2,5 тыс., а марбургский паспорт М.В. Ломоносова — в 500 руб.

Та же оценка Усть-Рудицкой грамоты упоминается В.И. Вернадским. В своем дневнике 22 декабря 1938 г. он пишет, что цена эта невысока: «Звонила Елиз[авета] Ник[олаевна] (Орлова) — как будто А[кадемия] н[аук] хочет приобрести грамоту на фабрику Ломоносова с мизерн[ыми] затратами. Оценивается в 10 000 р[уб]. Надеюсь, приобретут»[4].

---

[1] См. об Усть-Рудицкой грамоте: Станюкович Т.В. Усть-Рудицкая грамота Ломоносова как исторический источник // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1960. Т. IV. С. 158–179.

[2] Архив РАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 51. Л. 1–2. Письма Е.Н. Орловой к В.Л. Комарову доступны в Интернете в составе электронного архива академика В.Л. Комарова на сайте РАН www.ras.ru

[3] Там же. Л. 4.

[4] Вернадский В.И. Дневники. 1935–1941. Кн. 1. 1935–1938. М., 2006. С. 379. Текст дневников опубликован на сайте http://uni-persona.srcc.msu.su/site/authors/vernadsky/vernadsky.htm

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Все три упомянутых документа были по решению Президиума приобретены Академией наук. Усть-Рудицкая грамота, марбургский паспорт и грамота А.А. Константинова были переданы Е.Н. Орловой и ее племянницей П.С. Котляревской по акту в Московское отделение Архива АН СССР 16 марта 1939 г.[1] Из Ленинграда в Москву был командирован Л.Б. Модзалевский, который и привез их в Ленинград 7 апреля вместе с другими документами. В 1940 г. в сборнике «Ломоносов» Л.Б. Модзалевский описал поступившие в Архив Академии наук документы Ломоносова[2]. В СПФ АРАН хранится также точное факсимиле Усть-Рудицкой грамоты[3], выполненное в середине XIX в. Историю его создания еще предстоит раскрыть.

[1] СПФ АРАН. Дело фонда 20. Т. 1. Л. 19.

[2] Модзалевский Л.Б. Новые автографы Ломоносова и материалы о нем в Академии наук СССР // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1940. С. 391–395.

[3] СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 4. Д. 24.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Л.Э. Сутягина

ШЛИССЕЛЬБУРГ — ПОЛТАВА — ПЕТЕРБУРГ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И СУДЬБЫ

Северная война между Россией и Швецией (1700–1721) сыграла во многом судьбоносную роль в истории развития противоборствующих сторон. Для Шведского великодержавия было потеряно устойчивое равновесие и могущество на Балтике, а для молодой Российской империи начинается период расцвета, могучих перемен и укрепления международного авторитета. Без побед на море Россия не смогла бы закрепить свое владычество, но все же кульминацией Северной войны является Полтавская битва. Это тот случай, когда работает закон перерастания количества в качество. 27 июня 1709 г. стало для молодой русской армии отправной точкой будущих великих побед в истории государства Российского и славы русского оружия.

Полтавскому сражению предшествовали первые победы русской армии в Северной войне: Нотебург, Ниеншанц, Нарва, Прибалтийские походы, битва при Лесной. Но мы остановим свое внимание на некой логической канве событий, в которую вплетаются факты, города, люди, сыгравшие очень важную роль в становлении и развитии России.

11 октября 1702 г. русские войска успешно, после 13-часового штурма, заставили коменданта Нотебурга (крепость Орешек) генерала Шлиппенбаха вынести ключи от форта царю Петру, о чем и читаем в «Журнале или поденной записке Петра Великого»[1].

В письме к А. Виниусу Петр писал о том, *что «Зело жесток сей орех был, однако, Слава Богу, счастливо разгрызен»*[2]. Это была первая настоящая петровская победа в Северной войне, по случаю чего Петр решил пере-

[1] Очерки истории России. Первая четверть XVIII в. М., 1954. С. 472.

[2] Там же. С. 472–473.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

именовать Орешек (Нотебург) в Шлиссельбург — «ключ-город» — ключ к Балтике, ключ к будущим победам и будущему новому городу на Неве.

Через год, в конце апреля 1703 г., Б.П. Шереметев с 16-тысячным корпусом сухопутных войск вышел к устью реки Невы, куда из Шлиссельбурга прибыл и Петр I. 1 мая 1703 г. шведская крепость Ниеншанц на берегу Невы и Охты капитулировала. Крепость срыли, а на маленьком острове с финским названием «Янни — саари» 16 мая 1703 г. начали строить военный форт — Петропавловскую крепость. Так царь Петр основал новый город — Санкт-Петербург. В 1704 г. на острове Котлин был заложен форт Кроншлот — будущий Кронштадт.

Образовался своеобразный треугольник из форпостов на Балтике, Неве и Ладоге, защищавший русские земли в ходе Северной войны. Но уже с 1704 г. война постепенно откатывается от северо-западных границ России. Ареной борьбы становится Украина и западные границы.

В кампанию 1707–1709 гг. русская армия прошла суровую практическую школу войны и вышла из нее еще более сильной и окрепшей, став в подлинном смысле этого слова регулярной армией. За эти годы сформировался и окреп командующий состав армии в целом: выдающиеся полководцы и сподвижники царя Петра А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, М.М. Голицын и другие. Полтава не только укрепила позиции России на суше, но и дала позитивный толчок к дальнейшим победоносным событиям на море. Кроме того, на поле Полтавы окрепла и закалилась в бою российская военная стратегия и тактика, школа военного мастерства.

Но мы хотим рассмотреть иной аспект событий июня 1709 г. Полтавское сражение сразу обрастает мифами и легендами, продолжая традиции былинных богатырей Руси. Героизм, мужество и милосердие солдат, офицеров, царя Петра и его сподвижников во время сражения не могло быть забыто как современниками, так и потомками.

М.В. Ломоносов, работая над созданием мозаичной школы в России, не случайно задумал создать эпическое мозаичное панно Полтавского сражения. Ведь именно после Полтавы начинается активное строительство Петербурга, а с 1712 г. Санкт-Петербург официально становится столицей Российского государства.

В Петербурге, на Выборгской стороне, строится собор в честь Святого Самсония, в день памяти которого, 27 июня, русские одержали победу над шведами. После смерти царя Петра в Петергофе создается величественный фонтанный комплекс «Большой Самсон», в аллегории которого прочитывается русская победа: Самсон раздирает пасть поверженному льву — символу Шведского великодержавия.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.В. Ломоносов любил и знал историю Отечества. Мозаика задумывалась для интерьеров величественного Петропавловского собора, северную стену которого Ломоносов решил украсить «Полтавой», тем самым прославляя деяния Петра I и развивая петровские традиции начала XVIII в. За художественную основу для создания мозаики Ломоносов взял цветную гравюру с картины маслом Мартена Младшего (первая четверть XVIII в.) «Полтавская баталия 27 июня 1709 года».

Мозаика огромна — 481 × 644 см. (309,764 кв. м). Она состоит из 1 млн 30 тыс. кубиков смальты, набранных и укрепленных на плоском медном подносе весом 80 пудов (1280 кг). В записке «О мозаике» Яков Штелин пишет о том, что М.В. Ломоносов «в 1761 году добился интригами <…> в Правительствующем Сенате того, что ему поручили выполнение этого отменного плана и выдали несколько тысяч рублей в виде задатка». Готовясь к работе над мозаикой, Ломоносов пересмотрел ряд работ, посвященных Полтаве. Это прежде всего цветная гравюра Ларессена с «Полтавской битвы» Пьера Дениса Мартена Младшего. Голову Петра Ломоносов делал с гипсовой головы царя, хранившейся в Кунсткамере. Кроме того, ученый использовал копию работы Жана Марка Натье «Полтавская баталия» (1717), полотна Каравака[1]. Тот же Яков Штелин в записке «О мозаике» сообщает о том, что М.В. Ломоносов со всей энергией взялся за осуществление своих, хоть и «урезанных», но грандиозных для возрождения мозаики, замыслов.

Он начинает подготовку к созданию монументального панно «Полтавская баталия», для набора которой необходимо было написать картину (картон). Наняли «неплохого городского живописца ученика Пфанцельта – Христинека»[2], которому в помощь дали «двух несчастных новичков из академической Рисовальной палаты и подобную же пару бедняг из Канцелярии от строения»»[3]. И они слепили, как характеризует работу мастеров Я. Штелин, «14 футов длины и 9 футов высоты <…> отвратительную большую картину, которая должна была изображать Полтавскую баталию»[4].

М.В. Ломоносов работал над этой мозаикой с восемью помощниками. Обращаясь к документам той эпохи, читаем: «Маия с 1-го числа сего 1763 года получить имеют жалованья в год: Матвей Васильев — 150; Ефим Мельников — 120; Яков Шалауров — 60; Михайло Меш-

[1] Макаров В.К. Художественное наследие М.В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950. С. 159.

[2] Штелин Я. О мозаике // Макаров В.К. Художественное наследие… С. 291.

[3] Там же.

[4] Там же.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ков — 54; Филипп Нестеров — 48; Максим Шотки — 48; Семен Романов — 18; Фома Рогожин — 18 квадратных фунтов»[1].

Используя исторические материалы того времени, М.В. Ломоносов создает неповторимую, лаконичную и монументальную мозаику, о которой он писал: *«Представлен Петр Великий в немалой опасности, когда он в последний раз выехал к сражению, при наклонении в бегство Карла <…> надеясь, напереди и назади генералы и солдаты, охраняя государя, колют и стреляют неприятеля. Близко впереди гренадер со штыком, направленным в неприятеля, оглянулся на монарха, яко бы негодуя, что так далече отваживается»*[2].

М.В. Ломоносов намеренно ввел образ русского солдата, спасающего царя Петра. Эта тема перекликается с событием под освобожденным Нотебургом, когда бомбардир Петр Алексеев хотел забраться на сосну и посмотреть на расположение противника, но вдруг солдат оттолкнул царя и полез сам, и через минуту упал, сраженный вражеской пулей[3]. Это урочище под Шлиссельбургом называли «Красные сосны». Легенда бытовала в конце XVIII — начале XIX в. И таких легенд о спасении простым солдатом царя Петра было немало. Ломоносов использует эти легенды в мозаике, тем самым подчеркивая значение роли русского солдата на войне.

На мозаичном полотне простой солдат с мушкетом изображен в самом центре композиции, перед Петром I, сидящим на коне. Солдат преграждает путь царю, пытаясь защитить его от вражеской пули. Он как бы сдерживает Петра от порыва прорваться в гущу схватки и возможности погибнуть. Ломоносов выдвигает на первый план обычного гренадера, символизирующего народ, роль которого, по мысли художника, столь же значительна в битве с противником, как и самого Петра I и его сподвижников.

Петр I изображен в левой части композиции в образе смелого полководца, ведущего русские войска в бой. На нем темно-зеленый мундир Преображенского полка. Поза царя величественна, взгляд смел и решителен. Петр с саблей в руке, на скачущей лошади, в окружении Шереметева, Меншикова, Голицына и охраняющих свиту солдат. Русский царь совершает очередной и уже последний выезд на поле сражения в момент, когда исход битвы предрешен. Но обстановка достаточно опасна для жизни царя, поскольку сражение продолжается и враг еще не повер-

[1] Макаров В.К. Художественное наследие… С. 91.

[2] Там же. С. 90.

[3] Пыляев М. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 2002. С. 101–102.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

жен. Трупы солдат, коней, стрелкового оружия, пушка с разбитым лафетом — неизбежные спутники каждого сражения — брошены отступающими неприятельскими войсками[1].

«Лицо Петра сделано чрезвычайно похожим, так как скопировано с гипсовой маски, отлитой с натуры, и лучших портретов этого государя. Не менее похожи и фигуры его генералов, изображенных на картине вокруг императора, как это было во время знаменитой битвы: Шереметева, Меншикова, Голицына», — читаем в бумагах Я. Штелина[2].

В центре картины, за передним планом, изображены обороняющиеся шведы; они продолжают вести сильный огонь, но под ударами наступающих русских войск оставили захваченные ими в начале боя укрепления русских — редуты. Еще дальше от переднего плана — эпизод пленения русскими войсками шведского генерала. Русские солдаты бережно поднимают шведа, раненого и морально поверженного, тем самым уважая его положение.

Карл XII изображен в простой коляске, раненый и пытающийся сдержать наступление русских. Но его приближенные другого мнения. Они пытаются развернуть коляску Карла, чтобы спасти своего короля.

Кульминация картины — наступление войск царя Петра, которые теснят шведов по всему фронту. Исход сражения предрешен. В 1829 г. А.С. Пушкин в поэме «Полтава» напишет:

Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
<...>
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен[3]

Язык мозаики М.В. Ломоносова лаконичен и четок. Цвета насыщенные, построенные на контрастных сопоставлениях. Расцветка мозаики лишена всякой пестроты. Красные и зеленые смальты глубоких оттенков (цвета мундиров русского воина) противопоставлены синим и желтым одеждам шведских солдат. При яркости и сочности этих цветов небо и поле боя как бы затянуты дымкой от залпов орудий, которая объединяет

[1] Бунин М.С. Мозаика М.В. Ломоносова «Полтавская баталия». М.; Л., 1961. С. 46–47.

[2] Макаров В.К. Художественное наследие… С. 12–13.

[3] Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 119.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

все цвета картины. Даль в лиловых тонах. Все это достигнуто сравнительно мелким набором кусочков смальты. М.В. Ломоносов в этой работе выступил как родоначальник русской исторической живописи. Он тщательно продумывал сюжет, композицию и цветовое решение мозаичного полотна, создавая образы героев Полтавы.

Набор этой грандиозной мозаики проходил в мозаичной мастерской при доме Ломоносова. Смальты для панно изготовлялись в Усть-Рудице, недалеко от Ораниенбаума. Работы начались в феврале — мае 1762 г. Наиболее ответственные места — голову Петра Великого и портреты Брюса, Шереметева и Голицына — набирали мастера мозаичного дела Матвей Васильевич Васильев и Ефим Тихонович Мельников. Это были вполне зрелые художники мозаичной живописи, владевшие различными приемами набора, виртуозы-мозаисты[1]. Другие мастера работали над общими планами и сценами картины. Мозаистам помогали пять крестьян, которых обучали в Усть-Рудице мозаичному искусству. Весной 1764 г. М.В. Ломоносов писал в Италию князю М.И. Воронцову: *«Фигуры свыше чаяния хорошо выходят, и не сомневаюсь, что к половине июня месяца все дело начисто окончится»*[2].

В середине 1764 г. создание мозаики «Полтавская баталия» было завершено. В январе 1765 г. М.В. Ломоносов доносит Сенату: *«Неусыпным тщанием сие новое и многотрудное дело ныне совершено и помянутая мозаичная картина в 2 года и 7 месяцев окончена набором, шлифовкою и полированием, и рамы по пропорции и по приличеству сделаны медные, кованые и жарко вызолоченные червонным золотом огне»*[3].

М.В. Ломоносов собирался начать изготовление другой картины этой же серии для Петропавловского собора — «Азовское взятие». Но этот замысел художника остался неосуществленным. 15 апреля 1765 г. великий русский ученый скончался, оставив потомкам огромное наследие своих открытий, размышлений и непрестанных дел.

Отдавая дань художественному творчеству Ломоносова и высоко оценивая созданные им произведения мозаичного искусства, Российская Академия художеств 10 октября 1763 г. избрала его почетным членом Академии.

А вот судьба Ломоносовской мозаики «Полтавская баталия» была нелегкой. Первоначально панно располагалось в петербургской усадьбе М.В. Ломоносова на Мойке; затем панно перевезли в «важню» на

[1] Макаров В.К. Художественное наследие… С. 92

[2] Ломоносов М.В. Письмо Воронцову М.И. // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 10. С. 582.

[3] Макаров В.К. Художественное наследие… С. 165.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Мойке, в результате чего был утерян мозаичный образ апостола Павла, украшавший верхнюю часть картины. В 1786 г. мозаику перевозят в мастерскую профессора Вильевальда, расположенную на заднем дворе Академии художеств. И долгие годы огромной мозаике не могли найти достойное постоянное место. Находясь в деревянном сарае Академии художеств, страдая от плохих условий хранения, мозаика разрушалась, а правый нижний угол панно ушел глубоко в землю.

К 200-летию со дня рождения Петра I, в 1872 г., о картине вспомнили, но попытки серьезной реставрации так и не были предприняты. И только благодаря деятельности замечательных русских мозаистов Фроловых, возродивших дело М.В. Ломоносова в конце XIX в., мозаика «Полтавская баталия» получила новую жизнь.

В 1899–1900 гг. мозаику «Полтавская баталия» переносят из Академии художеств в Музей Общества поощрения художеств для восстановления. В ходе реставрационных работ Владимир Александрович Фролов, вдохновленный идеями М.В. Ломоносова, придерживаясь исторической правды и технологий мозаичной мастерской Ломоносова, метр за метром восстанавливает бесценное мозаичное полотно.

К юбилейным торжествам празднования 200-летия основания Российской академии наук в 1925 г. мозаику «Полтавская баталия» перенесли в здание Академии на Университетской набережной Петербурга и установили на лестничной площадке значительного архитектурного сооружения великого Джакомо Кваренги. Так она приобрела достойное местопребывание[1], где хранится и по сей день.

В.А. Фролов скончался в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Похоронен он на Смоленском кладбище в братской могиле профессоров Петербургской Академии художеств. А «Полтавская баталия» осенью 1944 г. была открыта из кирпичной стены, созданной специально в годы войны для укрытия уникальной мозаики.

И в заключении хочу вернуться к размышлениям в начале своего повествования. Когда Гитлер рвался к Ленинграду, задумывая стереть его с лица земли, части группы армий «Север» 6–7 сентября 1941 г. вышли к южной оконечности Ладожского озера. 8 сентября нацисты взяли Шлиссельбург. Кольцо блокады сомкнулось. И опять Шлиссельбург стал ключом к Ленинграду, ключом к Балтике. 500 дней защитники крепости Орешек (Шлиссельбургской) оборонялись и защищали Дорогу Жизни по Ладоге. 27 января 1944 г. Ленинград окончательно освободили от блокады. До сих пор в Шлиссельбургской крепости сохрани-

[1] Бунин М.С. Мозаика М.В.Ломоносова «Полтавская баталия». М.-Л. 1961.С. 71

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

лись развалины собора Иоанна Предтечи, израненного в годы войны. Русские солдаты не нарушили традиций Отечества, не прервали связь времен, храня память истории, память военных баталий и символичную память исторического имени.

В 1986 г. рядом с Академией наук на Университетской набережной был открыт памятник великому русскому ученому М.В. Ломоносову (скульпторы Б.А. Петров, В.Д. Свешников). Своим знаменитым полотном он не только возродил и развил мозаичное искусство в России, но и воспел славу русского оружия, значимость исторических событий, имен и побед.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Н.Ю. Бахарева

«В КОМНАТЕ, ЧТО ОБОИ СТЕКЛЯРУСОВЫЕ»

Ораниенбаум занимает особое место в ряду дворцово-парковых комплексов окрестностей Санкт-Петербурга. Это единственный пригородный ансамбль, не разрушенный в годы Великой Отечественной войны и в значительной степени сохранивший подлинные постройки XVIII–XIX столетий, среди которых немало памятников, аналогов которым нет в России, а иногда и в мире.

Расположенный в глубине Ораниенбаумского парка Китайский дворец является единственным в России дворцом, созданным в стиле рококо. Построенный по проекту итальянского архитектора Антонио Ринальди для императрицы Екатерины II, он получил свое название благодаря отделке части интерьеров в «китайском вкусе» (так называемом стиле «шинуазри»), модном в XVIII столетии. Среди великолепных изысканных залов дворца сохранился подлинный шедевр, не имеющий аналогов в мире — Стеклярусный кабинет, созданный в 1760-е годы по проекту А. Ринальди.

Стены зала украшают двенадцать панно, вышитых ворсистым шелком (синелью) и стеклярусом. На сверкающем фоне, набранном из трубочек молочного стекляруса, вышиты фантастические птицы и растения, цветочные гирлянды, ажурные беседки. Стеклярусные композиции почти полностью закрывают стены, создавая иллюзию мерцающего фантастического пространства.

Стеклярусные панно были исполнены в 1762–1764 гг. по рисункам Серафино Бароцци девятью русскими золотошвеями, имена которых стали известны благодаря исследованиям М.Г. Воронова. Это Анна Андреева, Авдотья Логинова, Татьяна и Лукерья Кусковы, Прасковья и Матрена Петровы, Авдотья Петрова, Клеопатра Данилова и Марья Ивано-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ва. Руководила работой бывшая актриса французской труппы при русском дворе Мария де Шель.

Стеклярусные панно обрамлены резными золочеными рамами в виде древесных стволов, увитых листьями аканта и цветочными гирляндами, выполненными в 1760-е годы русскими мастерами-резчиками.

Каминный экран также был вышит стеклярусом и синелью и заключен в резную позолоченную раму.

Первоначально пол и панели в зале были выполнены из цветных смальт, что еще более усиливало ощущение сказочного, нереального пространства, куда попадали гости августейшей владелицы дворца. Пол и панели делались под руководством Я. Мартини, по исполненному им проекту.

Зал украшали два изящных столика и столик-консоль, столешницы и ножки которых украшены цветными смальтами, набранными в технике флорентийской мозаики. На одном из столиков смальтовая мозаика столешницы изображает фрагмент интерьера с бюро, на котором размещаются глобус, компас, книги и карты. На другой столешнице в центре помещен медальон с архитектурным пейзажем. Поле столешниц оформлено мозаикой, имитирующей фанеровку и набор из ценных пород дерева.

Ножки столика-консоли украшает мозаичный набор в виде чешуи, а на столешнице — обрамленные геометрическим орнаментом изображения шкатулки, книг, географических карт, раскрытой партитуры и игральных карт. В оформлении столика-консоли наряду с цветными смальтами использованы полудрагоценные камни и черепаховый панцирь.

Мозаичный набор всех столиков был выполнен на Петергофской гранильной фабрике под руководством Я. Мартини.

Большую роль в создании «сказочного» образа Стеклярусного кабинета играли примененные в его отделке смальты Усть-Рудицкой фабрики М.В. Ломоносова. В течение нескольких лет фабрика поставляла для оформления дворца большое количество «мозаичных разноцветных составов». Ломоносовские смальты использовались для создания пола и панели Стеклярусного кабинета, мозаичных столиков. Здесь был произведен и стеклярус, составивший основу убранства Стеклярусного кабинета.

Ломоносовские смальты сохранились и в отделке центрального интерьера Китайского дворца — Большого зала. Над дверными проемами западной и восточной стены помещены овальные медальоны с мраморными барельефными портретами императрицы Елизаветы Петровны и императора Петра I. Портреты были исполнены в 1770 и 1773 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

М.-А. Колло. Фон медальонов выполнен под руководством Я. Мартини в 1773 г. из цветных смальт Усть-Рудицкой фабрики.

Екатерина II любила показывать гостям свой любимый Китайский дворец, удивляя роскошными интерьерами, похожими на драгоценные шкатулки, в которых хранятся различные «диковинки». Во время одного из таких посещений императрица принимала в Стеклярусном кабинете Цесарского посла, о чем свидетельствует запись в Камер-фурьерском журнале от 27 июля 1774 г.: «В исходе 5-го часа Ее императорское Величество и Их Императорское Высочество со всею свитою, в каретах соизволили шествовать в сад, в маленький домик, куда и господа министры чужестранные приезд имели, и в то же время Ее императорское Величество соизволила допустить на аудиенцию Цесарского министра князя Лобковича в комнате, что обои стеклярусовые».

В XIX столетии в Стеклярусном кабинете были произведены работы, частично изменившие его отделку. В 1850-е годы смальтовый пол заменили на паркетный, сохранившийся до настоящего времени. Считается, что он повторяет рисунок первоначального пола. Стеклярусные панно были «поновлены»: вышивка синелью окрашена, что привело к потере первоначального колорита композиций.

В годы Великой Отечественной войны стеклярусные панно были сняты со стен и эвакуированы в Ленинград, где сначала хранились в Исаакиевском соборе, а с 1943 г. в Эрмитаже. После войны панно вернулись в Китайский дворец, открывшийся для посетителей уже летом 1946 г.

Хрупкие произведения галантного XVIII века, пережившие страшные годы войны, сегодня требуют особого внимания, постоянной заботы. Основной угрозой для уникальных интерьеров Китайского дворца и его коллекций на протяжении всей его истории оставался суровый петербургский климат. Дворец строился как летний павильон, его интерьеры постоянно не отапливались. Резкие перепады температуры, повышенная влажность приводили к многочисленным повреждениям художественного убранства, что потребовало проведения комплексных реставрационных работ в интерьерах дворца.

В 2009 г. начались работы по реставрации Стеклярусного кабинета. Стеклярусные панно были демонтированы и перевезены в лабораторию научной реставрации тканей Государственного Эрмитажа, где на основании специально разработанной методики была произведена их реставрация, завершившаяся в ноябре 2010 г. Работы выполняли шесть сотрудниц лаборатории, которые очистили панно от загрязнений и плесени, поздних закрашиваний вышивки, укрепили стеклярус и нити вы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

шивки и дублировали все панно на новый холст. В декабре 2010 г. отреставрированные панно были представлены на выставке в Государственном Эрмитаже. Впервые после «поновлений» середины XIX в. стало возможным увидеть их подлинное колористическое решение и необычную фактуру вышивки.

Сегодня постепенно возрождается уникальное убранство Стеклярусного кабинета. Отреставрированы наборные паркетные полы, резные позолоченные рамы стеклярусных панно, ведется реставрация мозаичных столиков, элементов декоративной отделки интерьера.

Одновременно специалисты выполняют целый комплекс мероприятий, которые позволят защитить дворец от разрушительных воздействий окружающей среды. Попытки решить эту задачу предпринимались на протяжении более чем двух столетий. Однако в результате удавалось лишь устранить следы разрушений, но не их первопричину. С 2009 г. в интерьерах Китайского дворца проводятся комплексные изыскательские, научно-исследовательские и реставрационные работы. Выполненные на сегодняшний день работы по реконструкции подполий, гидроизоляции, поддержанию необходимого температурно-влажностного режима позволят создать условия, необходимые для сохранения уникальных интерьеров.

Одним из первых залов, которые откроются для посетителей после окончания первого этапа реставрационных работ, будет знаменитый Стеклярусный кабинет. Он вновь предстанет во всем блеске стеклярусных «обоев», приглашающих заглянуть в сказочно прекрасный сад, где на ветвях причудливых и изящно переплетающихся вечноцветущих деревьев живут необыкновенные экзотические птицы, парящие в искрящемся и сияющем небе, состоящем из миллионов миниатюрных стеклянных сверкающих и переливающихся трубочек. Мир, созданный талантом русских мастеров середины XVIII столетия.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Публикации

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА[1]:

Т.Н. Барсукова

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА В 1752–1756 гг. (По неопубликованным материалам Архива АН СССР)

В связи с 300-летием со дня рождения М.В. Ломоносова отдел истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН проводит конференцию «Ломоносовские чтения в Кунсткамере». По ее материалам публикуется данный сборник, в котором ответственным редактором было принято решение опубликовать статью Татьяны Николаевны Барсуковой и ввести в научный оборот ценные архивные материалы, освещающие некоторые этапы работы Химической лаборатории Ломоносова.

В архиве музея М.В. Ломоносова[2] находится рукописный текст неизданной статьи Т.Н. Барсуковой «Материальная база химической лаборатории Ломоносова в 1752–1756 гг.». К статье прилагаются шесть таблиц. Они составлены в основном на материале Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН). Т.Н. Барсукова ссылается на уже изданные ра-

[1] Публикация и примечания Т.М. Кравченко.

[2] Архив Музея М.В. Ломоносова находится в научно-технической обработке.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

боты Л.Б. Модзалевскиго «Рукописи Ломоносова»[1] и Б.Н. Меншуткина «Труды Ломоносова по физике и химии»[2].

В личном деле Т.Н. Барсуковой (СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 163) есть сведения о том, что эта статья написана в 1949 г. и издана не была. Помимо рукописного варианта существует машинописный экземпляр, на котором карандашом указана дата написания статьи — 18 марта 1949 г. Здесь же карандашом запись: «Передан для редактирования А.А. Елисееву и Н.М. Раскину 29.XI.59». Таким образом, мы можем предполагать, что Н.М. Раскин, автор статьи «Описание химической лаборатории Ломоносова 1757–1760 гг.»[3], был знаком с работой Барсуковой.

Возможно, исследования Т.Н. Барсуковой, так же как и работа Н.М. Раскина, готовились для зарождавшегося Музея М.В. Ломоносова и его раздела по химической деятельности ученого и готовились для издания в сборнике «Ломоносов». Статья Т.Н. Барсуковой «Материальная база химической лаборатории Ломоносова в 1752–1756 гг.» повторила судьбу ряда статей, которые «осели» в архиве Музея и не были изданы.

Татьяна Николаевна Барсукова родилась в 1907 г. в селе Вознесенское Калининской области Высоковского района в крестьянской семье. До 1924 г. она училась в школе, по окончании которой поступила в Калининский педагогический институт. В 1927 г. Татьяна Николаевна перевелась в Ленинградский государственный университет на факультет языкознания и материальной культуры, который окончила 1930 г. и была направлена на работу в Ленинградскую область в Архивное управление в качестве архивиста, где и работала до 1936 г. В 1937–1944 гг. она служила заведующей рукописным архивом Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра.

С 1944 г. работала в Ленинградском государственном университете на кафедре истории СССР старшим лаборантом и секретарем кафедры.

В личном деле Барсуковой хранится заявление на имя директора Архива АН СССР Г.А. Князева с просьбой зачислить ее на должность младшего научного сотрудника (СПФ АРАН, Ф. 7. Оп. 3. № 163. Л. 1). С 20 апреля 1948 г. Татьяна Николаевна трудилась в Архиве АН СССР.

---

[1] Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: научное описание / Сост. Л.Б. Модзалевский. Науч. ред. Г.А. Князев. М.; Л., 1937. (Тр. Архива АН СССР. Вып. 3) (далее — Рукописи Ломоносова).

[2] Меншуткин Б.Н. Труды Ломоносова по физике и химии. М., 1936 (далее — Меншуткин Б.Н.).

[3] Раскин Н.М. Описание химической лаборатории Ломоносова 1757–1760 гг. // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Вып. III. С. 124–205.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Работа ее заключалась в разработке и описании архивных материалов, поступавших из академических учреждений. В то же время она выполняла обязанности по обследованию состояния и режима хранения архивных материалов в Ленинградских учреждениях АН СССР и наряду с основной научной работой занималась систематическим выявлением архивных материалов. В годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда принимала участие в оборонительных работах, за что награждена медалью «За оборону Ленинграда».

По распоряжению № 39 по ленинградскому отделению Архива АН СССР 4 мая 1963 г. Т.Н. Барсукова была освобождена от работы по сокращению штатов и в связи с уходом на пенсию.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Ссылки на научную литературу уточнены публикатором. Библиографические описания и описания архивных документов в комментариях Т.Н. Барсуковой даны в соответствии с современными правилами.

С момента окончания постройки Химической лаборатории в 1748 г. Ломоносов до половины 1752 г. сам, единолично, вел счет средствам, выдаваемым Канцелярией Академии наук на мелкие расходы по приобретению материалов для Химической лаборатории: сам получал деньги и сам же в них отчитывался[1].

Как видно, в частности, из «Росписи мелочным расходам», представленной Ломоносовым в феврале 1750 г.[2], его отчеты были далеки от принятых в то время форм бухгалтерской отчетности и отличались своей краткостью от последующих записей (с 1752 г.), представлявших «точный отчет».

По ходатайству Ломоносова о «приглашении лаборатора» и «о приписке лаборатора к Химической лаборатории»[3] на академическую службу был зачислен с 1 мая 1749 г. уроженец города Мекленбурга Иоганн Менеке, прослуживший в лаборатории до июня 1751 г. Но несмотря на то что Ломоносов свидетельствовал при отъезде на его родину, что Менеке *«отправлял по своему контракту свои операции по моему предписанию верно и прилежно и казны ее величества ничего не утратил, и я поступками его был доволен»*[4], все же и при нем Ломоносов продолжал ведать всей материально-денежной частью. Только с появлением лаборатора Франца Бетигера, принятого на службу в Химическую лаборато-

[1] Рукописи Ломоносова. № 540, 541, 546, 559, 560, 571, 572.

[2] Там же. № 546. ААН [Ныне СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. № 138. Л. 487.

[3] Меншуткин Б.Н. С. 49–350.

[4] Там же. С. 350.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

рию 1 июня 1751 г.[1], обязанности по заведованию денежным и материальным хозяйством Химической лаборатории перешли к лаборатору[2] и выполнялись им до тех пор, пока Бетигер не был уволен («за неприличные поступки») 22 мая 1756 г.

Памятниками бухгалтерской деятельности Бетигера являются пять книг, озаглавленных так: «Тетради, данные из канцелярии Академии наук, находящемуся при академической лаборатории лаборатору Бетигеру (Битигеру) на записку в приход и расход, выданных (принимаемых) от комиссара Панкратьева денег»[3]. Они охватывают пятилетие 1752–1756 гг. Эти «тетради» являются одновременно и авансовыми отчетами, и книгами поступления материалов, приобретавшихся в разное время от разных учреждений и лиц.

О Бетигере Ломоносов писал в 1756 г. 22 марта: «Я, нижеименованный, сим свидетельствую, что лаборатор Франц Беттигер при академической химической лаборатории с начала своего вступления в академическую службу и поныне отправляет свою должность верно и прилежно. <...> Для чего, по моему мнению, должен быть награжден прибавкою жалованья»[4].

Столь положительный отзыв Ломоносова дает основание отнестись к записям Бетигера с доверием, а в таком случае их ценность бесспорна: они дают развернутую в хронологической последовательности, день за днем, исчерпывающую картину всех поступлений в Химическую лабораторию химического сырья, лабораторной посуды, предметов и материалов, связанных с мозаическим производством, строительно-ремонтных материалов и топлива за целое пятилетие и при том за такое, когда М.В. Ломоносов принимал наиболее горячее участие в работе основанной им академической лаборатории.

Эти книги были известны Б.Н. Меншуткину[5], однако текст их не только никогда и никем не был опубликован, но не был даже и исполь-

---

[1] Работавшего ранее с 1735 г. в Московской аптеке, затем с 1741 г. был учеником Петербургской Главной аптеки, а с 1743 г. служил в Петербургском госпитале. Лукьянов П.М. История хим[ической] пром[ыслов и промышленности] России [до конца XIX века]. [М.;Л., 1948]. Т. 1. С. 449.

[2] Меншуткин Б.Н. С. 351; Рукописи Ломоносова. № 583.

[3] Архив АН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1347, 1397, 1398, 1436, 1485.

[4] Меншуткин Б.Н. С. 351.

[5] Меншуткин Б.Н. С. 349. Упоминается вскользь: «В израсходовании каждого аванса представляется точный отчет в «тетради», и только тогда выдавался новый аванс».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

зован сколько-нибудь полно и серьезно при изучении материальной и, в частности, сырьевой базы Ломоносовской лаборатории.

А между тем при изучении деятельности этой лаборатории данный материал — именно в силу своей исчерпывающей полноты — никак не может быть обойден.

Воспроизводить в печати все книги Бетигера в том виде, в котором они велись, нет смысла: чуть не основное в них место занимают расписки поставщиков лаборатории, которые не имеют никакого значения.

Поэтому полное содержание упомянутых книг я передаю в виде следующих шести таблицах:

1. Получение Ф. Бетигером подотчетных сумм на расходы по Химической лаборатории.

2. Хронологическая ведомость материалов, приобретенных для Химической лаборатории Академии Наук в 1752–1756 гг.

3. Хронологическая ведомость работ, исполненных для Химической лаборатории в 1752–1756 гг.

4. Сводная ведомость предметов и материалов, приобретенных для Химической лаборатории в 1752–1756 гг.

5. Ведомость поставщиков Химической лаборатории в 1752–1756 гг.

6. Ведомость лиц, выполнявших работы для Химической лаборатории в 1752–1756 г.

Таблица 1

Получение Ф. Бетигером подотчетных сумм на расходы по Химической лаборатории[1]

Дата получения			Сумма в рублях
Год	**Месяц**	**Число**	
1752	июля	30	30
–"–	сентября	30	50
1753	февраля	17	25
–"–	мая	14	50
–"–	октября	7	50
1754	февраля	25	50
–"–	октября	5	50
1756	января	30	50
Итого			355

[1] Архив АН (далее — ААН; в квадратных скобках приводился современное наименование) [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1347. Л. 1; Д. 1397. Л. 1; Д. 1398. Л. 1; Д. 1436. Л. 1; Д. 1485. Л. 1.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunskamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Таблица 2[1]

Хронологическая ведомость материалов, приобретенных для Химической лаборатории Академии Наук в 1752–1756 годах[2]

Месяц	Число	Что приобретено	Количество	Фамилия и имя лица, продавшего товар	Сумма	
					руб.	коп.
июля	31	Горшки разные плавельные, московские	–	Ножевщиков Андрей Родионов	–	42
–"–	–"–	Сурик, синей крухман	–	Павлов Егор	1	5

Таблица 3

Хронологическая ведомость работ исполненных для Химической лаборатории в 1752–1756 годах

Месяц	Число	Какая работа выполнена	Количество	Фамилия и мя лица, исполнившего работу	Стоимость	
					руб.	коп.
1	2	3	4	5	6	7
1752 год						
августа	20	Перевозка угля	100 кулей	Давыдов Спиридон, извощик	1	–
–"–	25	Сделана машина	Одна	Иванов Сидор, столяр	2	–

[1] Таблицы 2 и 3 исчерпывают все данные, содержащиеся в «тетрадях» Беттигера, и таким образом перекрывают собою последующие три таблицы (4, 5 и 6), которые имеют лишь вспомогательное значение как тематические сводки.

[2] Прим. публикатора. Таблица была подготовлена только за 1752 г.

1	2	3	4	5	6	7
сентября	30	Сделаны литые, медные, позолоченные рамы для мозаического образа	–	Венденбург Мартин (Wendenburg Martin), пуговищник	16	–
октября	2	Сделан железный обой (?) к мозаическому образу	Один	Лампрехт Яков (Lamprecht Jacob), Мастер (?)	1	70
–"–	–"–	Сделан ящик под машину, для шлифования мозаического образа	Один	Екимов Петр столяр (?)	–	30
–"–	–"–	Привозка дров	10 саж.	Сидоров Алексей, извощик	1	–
–"–	3–10	Привоз столов из-за реки	3 шт.	Матвеев Тарас, извощик	–	25
ноября	6	Сделаны железные рамы для мозаического образа	–	Венденбург Мартин (Wendenburg Martin), пуговищник	1	20
Сумма					**26**	**95**
1753 год[1]						
января	7	Привозка угля	100 кулей	Наумов Григорий, извощик	–	80

[1] ААН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1397. Л. 1, 4–5, 6 об., 7, 9 об., 11 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7
января	16	Привоз глины	–	Наумов Григорий, извощик	–	80
февраля	17[1]	Сделаны железные круги для шлифования мозаических камней	Два	Ильин Иван, мастер	–	30
марта	20	Привозка дров	5 саж.	Пахомов Савелий, извощик	–	75
–"–	24	Привозка глины простой	–	Макаров Федор, извощик	–	10
апреля	1	Починка щипцов и железного крюка	–	Фокин Захар, кузнец	–	8
май	15	Навадка угольных щипцов	1 шт.	Семенов Семен, кузнец	–	4
–"–	17	Привозка угля	200 кулей	Черный Иван, извощик	2	–
июля	2	Привозка простой, белой, московской глины	–	Быков Степан, извощик	–	12
сентября	6	Привозка дров	100 саж.	Иванов Алексей, извощик	1	–

[1] ААН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1397. Л. 1, 4–5, 6 об, 7, 9 об., 11 об.

1	2	3	4	5	6	7
октября	7[1]	Перевозка угля	100 кулей	Сидоров Алексей, извощик	1	–
ноября	16	Сделаны на заказ: большие муфела – реферберийные чаши[2] — затворы —	3 шт. 7 шт. 6 шт.	Савин Терентий, извощик	1	89
Сумма					**8**	**09**
			1754 год[3]			
июля	18	Сделан новый ключ к дверям	Один	Дмитриев Степан, мастер	–	10
–"–	–"–	Перевозка и мостовой сбор[4]	–		–	77
Сумма					**–**	**87**
			1755 год			
января	9	Сделан образец педестала к обелиску	–	Бехер (Becher), столяр	1	50
марта	9	Медный герб с шаром для обелиска	Один	Венденбург (Wendenburg), пуговишник	2	50

[1] ААН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1398. Л. 2, 6.
[2] Очевидно, от слова «ревербер» — отражатель, полое зеркало.
[3] ААН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1436. Л. 8 об., 14, 16.
[4] Без указаний, что перевезено и кем.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7
–"–	–"–	Перевозка и мостовой сбор[1]	–		1	15
Сумма					**5**	**15**
1756 год[2]						
		Перевозка и мостовой сбор[3]			1	65
Сумма					**1**	**65**
Общая сумма					**42**	**71**

Таблица 4

Сводная, погодная ведомость предметов и материалов, приобретенных для Химической лаборатории в 1752–1756 годах

Наименование	**Количество**				
	1752 г.	**1753 г.**	**1754 г.**	**1755 г.**	**1756 г.**
1	2	3	4	5	6
I. Химическое сырье					
Алебастр	*[4]	1 пуд	–	–	–
Алебастр чистый	–	–	1 пуд	–	–

[1] Без указаний, что перевезено и кем.

[2] ААН [СПФ АРАН]. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1 об. 2–4.

[3] Без указаний, что перевезено и кем.

[4] Звездочками обозначены те случаи приобретения того или иного материала, когда факт приобретения этого материала Бетигером зарегистрирован и затраченная сумма денег записана, но количество материала не показано: каждому такому случаю соответствует одна звездочка.

1	2	3	4	5	6
Алебастр самый чистый	–	–	20 фунтов	–	–
Арканум дупликатум (серно-калиевая соль)	–	–	–	–	1 фунт
Весила белке для обелиска	–	–	–	3 фунта	–
Бумага пропускная	–	–	–	–	2 дести
Бура	–	–	–	4 фунта	½ фунта
Винный камень и прочие	–	***	2 фунта*	–	–
Висмут	–	–	–	–	8 унций
Водка крепкая	*	****	2 фунта	1 ½ фунта *	3 фунта
Водка французская	–	–	–	–	2 штофа
Вохра	–	**	–	–	–
Выжега серебряная, чистая	2 лота	–	–	–	–
Глина песчаная	–	–	–	1 пуд	–
Глина простая	–	**	–	–	–
Глина простая, белая, московская	–	*	–	–	–
Глина черноземная	–	–	–	*	–
Глинка московская	***	*	–	-	–
Глинка московская, белая	*	–	–	–	–
Дробь мелкая	–	*	–	–	–
Квасцы	–	–	12 фунтов	10 фунтов	16 фунтов
Клей рыбий	*	***	6 фунтов**	*	–
Кремни черные	–	–	–	100 шт.	–
Кристали тартати (винный камень кристаллический)	–	–	–	4 унца	–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunskamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
Крухман синий	*	*******	3 фунта*	–	–
Купорос	–	–	–	3 фунта	–
Купорос белый (цинковый)	–	–	–	1 унций	–
Купорос сапожный	*	–	–	–	–
Купорос синий (медный)	–	–	–	½ фунта	–
Купорос турецкий (медный)	–	*	–	–	–
Купоросное масло (серная кислота)	–	**	–	6 унций	1 фунт
Лапис магнети	–	–	*	–	–
Лед	–	–	–	*	–
Маждак [наждак]	*	–	10 фунтов	–	–
Марганец	–	1 фунт *	3 ¼ фунта	–	–
Масло деревянное	–	–	*	–	–
Масло маковое	–	–	1 фунт	–	–
Масло постное[1], льняное	–	–	13 фунтов **	4 фунта	–
Медь	–	2 фунта	–	–	–
Медь красная	4 фунта	–	–	–	–
Медь красная, чистая	–	–	2 фунта	–	–
Медь сибирская	–	–	3 фунта	–	–
Мел	–	–	26 фунтов	–	–
Мышьяк	1 фунт**	3 фунта**	1 фунт*	–	–
Мышьяк белый	–	–	1 фунт	–	–

[1] За 1754 год июня 6 указано: «Для шлифовки мозаического портрета».

1	2	3	4	5	6
Олово аглинское	–	–	–	–	1 фунт
Олово притовое	–	1 фунт	–	–	–
Опилки железные	–	–	*	–	–
Орешки чернильные	–	*	*	–	–
Пагало книжки	–	–	–	3 шт.	–
Пепел оловянный, чистый	–	–	2 фунта	–	–
Плумбаго (графит)	–	–	–	*	–
Поташ	*	***	–	–	–
Поташ чистый	–	–	**	–	–
Ртуть	–	2 фунта	–	–	4 фунта
Ртуть чистая	–	–	–	3 унца	–
Сал волатиле аммониаци	–	–	–	–	*
Свинец	4 фунта	*	6 фунтов	–	–
Селитра	–	–	–	–	*
Селитра литрованная	*	–	4 фунта	–	–
Сироп фиалковый	–	–	–	–	½ фунта
Смола	–	–	–	*	–
Соль пермянка	*	*	10 фунтов*	–	–
Спиритус вини (винный спирт)	*	**	–	–	–
Спиритус вини ректификатисимус (винный спирт очищенный)	–	–	3 фунта*	–	1 фунт
Спиритус нитри (азотная кислота)	–	*	–	–	–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunskamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
Спиритус нитри ацидус (азотная кислота)	–	–	*	–	–
Спиритус салис ацидус (соляная кислота)	–	–	¼ фунта*	6 унций	1 фунт
Спиритус салис крудус (соляная кислота неочищенная)	–	**	–	–	–
Спиритус витриоли ацидус (серная кислота)	–	–	*	–	–
Стекло белое, битое	–	*	–	–	–
Сулема	–	–	4 унца	–	–
Сурик	***	1 пуд[1] 10 ½ фунта	8 пудов 10 ½ фунта	–	–
Сурма	–	16 фунтов	6 фунтов	–	–
Терпуг аглинский	*	–	–	–	–
Трепел	*	–	2 фунт**	–	–
Туция	–	–	–	1 унций	–
Уксус	–	–	*	–	–
Уксус ренский	–	–	–	–	¾ анкера
Ультрамарин	–	–	*	–	–
Умбра	–	1 фунт*	1 фунт *	–	–
Фирнис (олифа)	–	–	½ фунта	–	–
Харпиус (гарпиус)	–	–	*	–	–

[1] Приобретено, кроме указанного веса, 16 раз, без указания веса.

1	2	3	4	5	6
Хрусталь белый	–	*	–	–	–
Хрусталь белый, битый	–	*	–	–	–
Хрусталь битый	*	****	9 пудов * 33 фунта	–	–
Хрусталь горный	–	–	–	*	–-
Цинк	–	–	1 фунт	–	–
Червонец галанский	1 шт.	1 шт.	–	–	–
Шифервейс	–	–	*	–	–
II. Лабораторная посуда					
а) стеклянная					
Банки белой и зеленой материи	–	–	–	**	
Банки маленькие	*	–	–	–	
Банки разные	*	**	25 фунтов[1]	–	
Бутыль большая	–	1 шт.	–	–	
Воронки	–	**	*		
Воронки зеленой материи	–	–	–	–	
Иготи (ступки) большие с пестиками	–	–	–	–	3 штуки 24 фунта
Иготи (ступки) зеленой материи	–	–	–	1 пуд[2] 20 фунтов	–
Колбы	1 шт.	–	*	25 шт.*	–
Колбы большие	–	2 шт.	–	–	–

[1] В том числе колбы стеклянные, реторты маленькие, приобретенные 1754 г. ноября 3.

[2] В том числе банки и чашки зеленой материи, приобретенные 1755 г. (сентября) 7.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
Колбы маленькие, разные	*	2 шт.*	–	–	*
Реторты	1 шт.	–	–	*	–
Реторты «валденбуртские»	2 шт.	–	–	–	–
Реторты заморского стекла	–	2 шт.	–	–	–
Реторты маленькие	24 шт.	–	*	–	–
Реципиент	–	1 шт.	–	–	–
Реципиент большой	1 шт.	–	–	–	–
Склянки со стеклянными пробками, белой материи	–	–	–	10 фунтов 30 зол.	–
Скляночки маленькие	–	–	*	–	–
Стволики (трубки стеклянные)	–	–	–	–	18 фунтов
Стволики белой материи, долгие	–	–	–	–	7 фунтов
Стволики белой материи, долгие, толстые	–	–	–	–	*
Фиолы	–	–	–	*	–
Чаши	2 шт.	–	–	–	–
Чаши английские, простого фарфора	–	–	–	–	*
Чашки	–	*	–	–	–
Чашки малые	–	–	–	–	*
Чашки разных рук	–	–	18 шт.	–	–
Чашки разных рук зеленой материи	–	–	–	*	11 фунтов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
б) глиняная					
Банки муравленые	–	*	–	–	–
Горшки «валденбурские» и «бремские» разные	–	–	–	*	–
Горшки муравленые	6 шт.	10 шт.	–	–	–
Горшки плавельные	–	***	–	20 шт.*	–
Горшки плавельные, копеешные	–	–	*	–	–
Горшки плавельные, маленькие	–	*	*	–	*
Горшки плавельные, московские разных рук	****	***	1050 шт.	*	–
Горшки плавельные разных рук	–	*******	***	–	–
Колбы	–	–	10 шт.	–	–
Муфела	7 шт.	5 шт.	–	–	–
Муфела большие	–	3 шт.	–	–	–
Чашки муровленыя, маленькие	–	–	–	–	8 шт.
в) металлическая					
Ведра	–	1 шт.	1 шт.	–	1 шт.
Иготь (ступка) железная, большая	–	–	1 шт.	–	–
Иготь (ступка) чугунная	–	1 шт.	–	–	–
Кастрюлька железная	–	1 шт.	–	–	–
Ковши	–	–	1 шт.	–	1 шт.
Котел чугунный	–	1 шт.	–	–	–
Котел чугунный, малый	–	–	–	–	1 шт.
Сковорода железная	–	–	–	–	1 шт.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
г) деревянная					
Лоханки	–	1 шт.	–	–	–
Лоханки большие	–	1 шт.	–	–	–
Чаши	–	–	–	–	1 шт.
Шайки	–	–	2 шт.	–	–
Блоки	2 шт.	–	–	–	–
Вески галанские	–	–	*	–	–
Долота маленькие	–	–	3 шт.	–	–
Затворы	8 шт.	6 шт.	–	–	–
Карерники маленькие	–	7 шт.	–	–	–
Круги к шлифовальному станку	–	1 шт.	–	–	–
Круги железные к машине шлифовальной	–	–	–	2 шт.	–
Круги железные для шлифования мозаических камней	–	2 шт.	–	–	–
Лопатки железные	–	2 шт.	–	–	–
Лотки четвероугольные, маленькие	4 шт.	–	–	–	–
Матка к шлифовальному станку	–	1 шт.	–	–	–
Машина	1 шт.	–	–	–	–
Меха малые	–	–	–	–	1 шт.
Ножик складной	–	–	1 шт.	–	–
Пестики	–	*	3 шт.	–	–
Пилки аглинские	–	2 шт.	–	–	–
Роспуски (сани) маленькие	–	–	1 шт.	–	–

1	2	3	4	5	6
Ремень к шлифовальной машине	–	1 шт.	–	–	–
Сита	–	2 шт.	1 шт.	–	–
Сита маленькие	–	–	–	1 шт.	–
Сита частые	–	–	1 шт.	1 шт.	–
Ставчики деревянные	–	–	2 шт.	–	–
Топор	1 шт.	–	–	–	–
Точила	2 шт.	1 шт.	1 шт.	–	–
Ухват	–	1 шт.	–	–	–
Ухват железный с железным шестом	–	–	1 шт.	–	–
Чаши реверберийные	–	7 шт.	–	–	–
Щипцы пробирные	–	–	1 шт.	–	–
Щипцы угольные	–	3 шт.	–	–	–
Ящик под машину для шлифования мозаического образа	1 шт.	–	–	–	–
IV. А где III **Предметы и материалы, связанные с мозаическим производством и с другими художественными работами**					
Герб медный с шаром для обелиска	–	–	–	Один	–
Образец пьедестала к обелиску	–	–	–	*	–
Обой железный к мозаическому образу	1 шт.	–	–	–	–
Пьедесталивые штуки к обелиску	–	–	–	3 шт.	–
Полотно	*	**	3 арш.	5 арш.	–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6
Рамы железные для мозаического портрета	*	–	–	–	–
Рамы литые, медные, позолоченные для мозаического образа	*	–	–	–	–
Шиферные таблицы	–	–	14 шт.	–	–
V. Строительно-ремонтные материалы.					
Железо прутовое	–	22 фунта[1] **[2]	16 фунтов[3]	–	–
Железо четверогранное	–	–	38 фунтов	–	–
Пруты железные под муфель	–	4 шт.	–	–	–
Жесть белая	–	–	*	–	–
Гвозди	–	**	*	*	–
Гвозди большие	–	–	–	–	*
Гвозди маленькие	–	–	**	*	–
Проволока	–	–	–	*	–
Проволока железная	–	1 ½ фунта*	–	–	–

[1] В том числе 13 фунтов на решетку к печи в лаборатории.
[2] В том числе и под муфеля.
[3] То же.

1	2	3	4	5	6
Крюк железный	–	1 шт.	–	–	–
Кирпич белый, московский: – клинчетный – подовой – стенной	 – –	 50 шт. 50 шт. 250 шт.	 – – –	 – – –	 – – –
Пергамент тонкий для машины	–	–	**	–	–
VI. Предметы и материалы хозяйственного и канцелярского оборудования					
Кисти маленькие	–	–	*	–	–
Ключи новые к дверям	–	–	*	–	–
Нитки	–	–	–	1 связка	–
Нитки толстые	–	1 пятинка**	2 связки	1 связка	–
Перья галанские	–	–	–	2 пучка	2 пучка
Перья галанские нечиненные	–	–	1 фунт	–	–
Столы двуаршинные	–	3 шт.	–	–	–
Шандал железный	–	1 шт.	–	–	–
VII. Топливо					
Дрова	20 саж.	15 саж.	[к-во не указано]	[к-во не указано]	[к-во не указано]
Уголь	100 кулей	400 кулей	–	–	–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Таблица № 5

Ведомость поставщиков Химической лаборатории в 1752–1756 годах

Поставщики	Выплаченные суммы											
	1752 г.		1753 г.		1754 г.		1755 г.		1756 г.		Всего	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Алексеев Борис	–	–	–	20	–	–	–	–	–	–	–	20
Алексеев Матвей	–	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30
Андреев Савва	–	–	2	82	–	50	–	–	–	–	3	32
Андреев Савелий	–	–	–	72	–	–	–	–	–	–	–	72
Андреев Федор	–	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–	10
Аптека	4	50	13	06	6	35	6	17	9	54	39	62
Аптека Адмиралтейская	8	94	4	28	3	48	–	–	–	–	16	70
Аптека Главная	–	–	–	–	1	99	–	–	–	–	1	99
Артамонов Иван	–	–	–	–	2	62	–	–	–	–	2	62
Белый Сидор	–	–	–	–	–	60	–	–	–	–	–	60
Богданов Семен	–	–	–	20	–	–	–	–	–	–	–	20
Борисов Андрей	2	70	–	–	–	–	–	–	–	–	2	70
Буш, шлесер [слесарь]	–	–	1	12	1	86	–	–	–	–	2	98
Ванифатьев Максим	–	–	–	–	–	62	1	42 ½	–	–	2	4 ½
Васильев Иван	–	–	1	22	–	99	–	–	–	–	2	21

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Гаврилов Василий	–	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30
Гаусман Д (Hausmann)	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–	3	–
Давыдов Дмитрий	–	40	–	–	–	–	–	–	–	–	–	40
Дмитриев Григорий	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
Евсеев Ермолай, горшечник	–	–	–	–	9	74	–	–	–	–	9	74
Зуев Максим	–	–	–	85	–	–	–	–	–	–	–	85
Иванов Алексей	–	–	2	90	–	–	–	–	–	–	2	90
Иванов Василий	–	–	–	62	3	2	–	–	–	–	3	64
Иванов Филипп	–	20	–	–	–	–	–	–	–	–	–	20
Игнатьев Василий	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	8
Исаев Тимофей	–	–	–	28	–	–	–	–	–	–	–	28
Ка[р]мависицкий Алексей, горшечник	4	50	–	–	–	–	–	–	–	–	4	50
Кирилов Василий	–	–	–	–	–	35	–	45	–	–	–	85
Козлов Иван Петров	–	–	–	–	–	–	–	–	–	95	–	95
Ларионов Иван	–	–	–	–	–	80	–	–	–	–	–	80
Левонтьев Яков	–	–	2	5	–	–	–	–	–	–	2	5
Максимов Александр	–	–	–	25	–	–	–	–	–	–	–	25
Максимов [Н]икифор	–	–	–	–	4	86	–	–	–	96	5	82
Максимов Савелий	–	–	–	–	–	15	–	–	–	–	–	15
Максимов Тимофей	–	–	–	–	7	21	–	–	–	–	7	21
Мейш Егор (Meisch), мастер	–	–	–	–	–	50	–	–	–	–	–	50
Ми[.]л Иван, подаптекарь	–	–	–	–	5	04	–	–	–	–	5	04

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Мил[ю?]ков Петр, кузнец	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30	–	30
Михайлов Михайло	–	–	–	60	–	–	–	–	–	–	–	60
Мурзин Иван	–	–	2	54	–	–	–	–	–	–	2	54
Муравьев Иван	–	–	2	40	–	–	–	–	–	–	2	40
Николаев Дмитрий	–	–	–	20	–	29	–	–	–	–	–	49
Ножевщиков Андрей, Родионов	5	58	40	70	5	13	1	01	–	24	52	66
Орлов Семен	–	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30
Павлов Алексей	–	–	–	30	–	–	–	–	–	–	–	30
Павлов Егор	5	65	14	84	2	66	–	59	–	–	23	74
Палм (Palm Johann) золотых дел мастер	3	35	2	25	–	–	–	–	–	–	5	50
Петров Степан	–	10	–	–	–	–	–	–	–	–	–	10
Попов Иван Терентьев	2	20	–	–	–	–	–	–	–	–	2	20
Родионов Андрей	–	–	–	–	–	28	1	94	–	24	2	46
Совин Терентий, горшечник	–	–	–	–	–	35	–	–	–	–	–	35
Семенов Галактион	–	–	–	20	–	–	–	–	–	–	–	20
Семенов Иван, кузнец	–	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–	10
Сидоров Семен	–	–	–	–	–	15	–	–	–	–	–	15
Смирнов Алексей	–	–	4	15	4	65	–	–	–	–	8	80
Спиридонов Андрей	–	50	–	–	–	–	–	–	–	–	–	50
Сомов Илья	–	–	–	24	–	–	–	–	–	–	–	24

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Стекольные заводы	4	59	6	73	2	54	11	92 1/2	9	22	35	1/2
Терентьев Иван	–	–	–	–	5	59	–	–	–	–	5	59
Терентьев Тихон	–	–	–	–	–	42	–	–	–	–	–	42
Тимофеев Никифор, столяр	–	–	–	–	–	–	–	30	–	–	–	30
Титов Федор, медник	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Тихонов Алексей	–	–	2	99	–	–	–	–	–	–	2	99
Тюков Андрей	–	48	–	–	–	–	–	–	–	–	–	48
Ушов Семен	–	–	–	–	–	75	–	–	–	–	–	75
Федоров Павел	–	–	–	44	–	–	–	–	–	–	–	44
Федоров Евстифей	–	–	–	50	–	50	–	–	–	–	1	–
Федоров Захар	–	–	–	27	–	–	–	–	–	–	–	27
Филиппов Иван	–	–	–	–	–	30	–	–	–	–	–	30
Филипьев Макар	–	–	–	24	–	20	–	–	–	–	–	44
Фокин Захар, кузнец	–	–	–	77	–	56	–	–	–	–	1	33
Фирсов Федор	–	–	–	–	–	10	–	–	–	–	–	10
Фомин Алексей	–	–	–	58	–	–	–	–	–	–	–	58
Черный Никифор	–	–	–	–	1	80	–	–	–	–	1	80
Чулков Петр	–	–	–	–	3	20	–	–	–	–	3	20
Шалдов Иван	–	–	–	–	–	25	–	57	6	45	7	27
	45	49	111	71	80	70	24	38	31	90	294	18

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Стекольные заводы	4	59	6	73	2	54	11	92 1/2	9	22	35	1/2
Терентьев Иван	–	–	–	–	5	59	–	–	–	–	5	59
Терентьев Тихон	–	–	–	–	–	42	–	–	–	–	–	42
Тимофеев Никифор, столяр	–	–	–	–	–	–	–	30	–	–	–	30
Титов Федор, медник	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Тихонов Алексей	–	–	2	99	–	–	–	–	–	–	2	99
Тюков Андрей	–	48	–	–	–	–	–	–	–	–	–	48
Ушов Семен	–	–	–	–	–	75	–	–	–	–	–	75
Федоров Павел	–	–	–	44	–	–	–	–	–	–	–	44
Федоров Евстифей	–	–	–	50	–	50	–	–	–	–	1	–
Федоров Захар	–	–	–	27	–	–	–	–	–	–	–	27
Филиппов Иван	–	–	–	–	–	30	–	–	–	–	–	30
Филипьев Макар	–	–	–	24	–	20	–	–	–	–	–	44
Фокин Захар, кузнец	–	–	–	77	–	56	–	–	–	–	1	33
Фирсов Федор	–	–	–	–	–	10	–	–	–	–	–	10
Фомин Алексей	–	–	–	58	–	–	–	–	–	–	–	58
Черный Никифор	–	–	–	–	1	80	–	–	–	–	1	80
Чулков Петр	–	–	–	–	3	20	–	–	–	–	3	20
Шалдов Иван	–	–	–	–	–	25	–	57	6	45	7	27
	45	49	111	71	80	70	24	38	31	90	294	18

Таблица 6

Ведомость лиц, выполнявших работы для Химической лаборатории в 1752–1756 годах

Лица, выполнявшие работу	Выплаченные суммы											
	1752 г.		1753 г.		1754 г.		1755 г.		1756 г.		Всего	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Бехер (Becher), столяр	–	–	–	–	–	–	1	50	–	–	1	50
Быков Степан, извощик	–	–	–	12	–	–	–	–	–	–	–	12
Венденбург Мартин (Wendenburg Martin) пуговишник	19	50	–	–	–	–	2	50	–	–	22	–
Григорьев Василий, извощик	1	20	–	–	–	–	–	–	–	–	1	20
Давыдов Спиридон, извощик	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Дмитриев Степан, мастер[?]	–	–	–	–	–	10	–	–	–	–	–	10
Екимов Петр, столяр [?]	–	30	–	–	–	–	–	–	–	–	–	30
Иванов Алексей, извощик	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–
Иванов Сидор, столяр	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Ильин Иван, мастер	–	–	–	30	–	–	–	–	–	–	–	30
Лампрехт Яков, (Lamprecht Jacob) кузнец	1	70	–	–	–	–	–	–	–	–	1	70
Марков Федор, извощик	–	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–	10
Матвеев Тарас, извощик	–	25	–	–	–	–	–	–	–	–	–	25
Наумов Григорий, извощик	–	–	–	90	–	–	–	–	–	–	–	90

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Пахомов Савелий, извощик	–	–	–	75	–	–	–	–	–	–	–	75
Савин Терентий, горшечник	–	–	1	80	–	–	–	–	–	–	1	80
Семенов Семен, кузнец	–	–	–	4	–	–	–	–	–	–	–	4
Сидоров Алексей, извощик	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Фокин Захар, кузнец	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–	–	8
Черный Иван, извощик	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Извощики и мостовой сбор	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	–
Итого	**26**	**95**	**8**	**09**	**2**	**87**	**5**	**15**	**1**	**65**	**42**	**71**

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ОТКРЫТИЯ МУЗЕЯ М.В. ЛОМОНОСОВА:

ПУБЛИКАЦИЯ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АН СССР, ПОСВЯЩЕННОГО ОТКРЫТИЮ МУЗЕЯ М.В. ЛОМОНОСОВА[1]

Организация Музея М.В. Ломоносова проходила в тяжелые послевоенные годы. Одним из инициаторов создания Музея М.В. Ломоносова был президент Академии наук СССР академик Сергей Иванович Вавилов. Поэтому не случайно, что открытие Музея состоялось в ходе сессии Общего собрания Академии наук (5–11 января 1949 г., Ленинград), посвященной истории отечественной науки и 200-летию постройки Академией наук химической лаборатории М.В. Ломоносова. В ходе сессии на «Доме академиков»[2] были открыты установленные там мемориальные доски в честь В.В. Петрова, М.В. Остроградского, Б.С. Якоби, Я.К. Грота, П.Л. Чебышева, Н.Я. Марра, А.П. Карпинского, И.П. Павлова, Ф.Ю. Левинсон-Лессинга и В.И. Вернадского. Мемориальные доски были выполнены по проекту директора открываемого в те же дни Музея М.В. Ломоносова Роберта Исааковича Каплан-Ингеля.

[1] Публикация и примечания Н.П. Копаневой и Т.М. Кравченко.

[2] Жилой дом № 2 на углу 7-й линии Васильевского острова и набережной Лейтенанта Шмидта. В середине XVIII в. находящиеся на этом участке строения перешли в собственность Императорской Академии наук. Дом построен в 1750-х годах по проекту архитектора С.И. Чевакинского и перестроен в 1806–1808 гг. по проекту архитекторов А.Д. Захарова и А.Г. Бежанова. В этом доме жили многие члены Академии наук, поэтому за ним закрепилось неофициальное название «Дом академиков», которое сохраняется и поныне.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Открытие Музея М.В. Ломоносова проходило на заседании Президиума АН СССР. В докладах, с которыми выступили академик С.И. Вавилов, директор Института этнографии АН СССР С.П. Толстов, председатель Комиссии по организации Музея М.В. Ломоносова академик Н.С. Державин и директор Музея Р.И. Каплан-Ингель, содержатся сведения о том, как формировался музейный фонд и какая огромная работа была проделана. Доклады опубликованы вместе с материалами Общего собрания АН СССР[1]. В настоящей работе мы публикуем протокол заседания Президиума АН СССР. По сравнению с изданием 1949-го г. в него входит перечень присутствовавших на открытии Музея М.В. Ломоносова, а также постановление Президиума.

Сравнение опубликованных текстов докладов с протоколом заседания Президиума АН СССР показало, что выступления докладчиков опубликованы не только с редакторской правкой, но и с некоторыми сокращениями. Так как протокол заседания Президиума АН СССР является ценным источником по изучению истории Музея М.В. Ломоносова, которая неразрывно связана с деятельностью Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, мы сочли возможным опубликовать его в настоящем сборнике. Нами использована машинописная копия протокола заседания Президиума Академии наук СССР, посвященного открытию Музея М.В. Ломоносова. Она принадлежала директору Архива АН СССР Георгию Алексеевичу Князеву, одному из инициаторов и активных участников созданиям музея. Г.А. Князев собрал материалы, относящиеся к заседанию Президиума и открытию музея (подготовленные к этому торжеству пригласительный билет, краткий путеводитель) и присоединил их к описи 6 «Дела и отдельные документы, касающиеся Ломоносова (поступившие из разных учреждений и отдельных лиц)» фонда 20 (М.В. Ломоносов) академического Архива[2]. Расхождения в текстах докладов в протоколе заседания Президиума АН СССР и в их опубликованной версии показано нами графически и в примечаниях.

[1] Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949.

[2] СПФ АРАН. Ф. 20. Оп. 6. Д. 55. Материалы по деятельности Музея М.В. Ломоносова при Институте этнографии АН СССР (Протокол заседания Президиума АН СССР, посвященного открытию Музея, краткий путеводитель, пригласительные билеты). Машинопись.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Протокол 1
заседания Президиума Академии наук СССР,
посвященного открытию Музея М.В. Ломоносова
при Институте этнографии АН СССР

5 января 1949 года. Присутствовали[1]:

Президент АН СССР академик С.И. Вавилов, и.о. академика-секретаря академик В.П. Никитин, академик-секретарь Отделения физико-математических наук академик А.Ф. Иоффе, академик-секретарь Отделения химических наук академик М.М. Дубинин, и.о. академика-секретаря Отделения биологических наук академик А.И. Опарин, академик-секретарь Отделения технических наук академик Б.А. Введенский.

Члены Президиума: академики Э.В. Брицке, И.В. Гребенщиков, Н.С. Державин, Н.И. Мусхелишвили, А.Н. Несмеянов, Л.А. Орбели, А.В. Палладин, С.А. Христианович, Н.В. Цицин.

Зам. академика-секретаря Отделения химических наук академик С.И. Вольфкович, зам. академика-секретаря Отделения технических наук академик Б.Н. Юрьев, зам. академика-секретаря Отделения истории и философии академик И.И. Минц.

Академики: А.Е. Арбузов, Л.С. Берг, А.А. Благонравов, В.А. Горделевский, И.Ю. Крачковский, Д.В. Наливайкин, И.А. Орбели, А.Е. Порай-Кошиц, П.А. Ребиндер, В.В. Струве, В.Ф. Шишмарев.

Члены-корреспонденты АН СССР: В.А. Амбарцумян, И.И. Жуков, А.Ф. Капустинский, Х.С. Коштоянц, Т.П. Кравец, П.Я. Леиньш, А.А. Максимов, М.А. Шателен, А.И. Яковлев.

Работники учреждений АН СССР: С.П. Толстов, Л.П. Потапов, М.Г. Левин, И.Я. Треногов, Э.В. Краснуха, Р.И. Каплан-Ингель, А.А. Елисеев, Т.В. Станюкович, Т.В. Победимова, Г.В. Васильева, В.В. Гинзбург, Д.А. Ольдерогге (Институт этнографии), А.И. Андреев (Институт истории), В.В. Данилевский (Комиссия по истории техники), П.Н. Берков (Институт литературы), Г.А. Князев, Н.М. Раскин (Архив АН), К.И. Шафрановский (Библиотека АН), А.И. Назаров (Издательство), И.Е. Зильберштейн (редакция «Литературное наследство»).

Борисов (управление кадров), П.Г. Шидловский (финансовый отдел), В.П. Чаплиев (секретариат).

---

[1] Список присутствовавших на заседании Президиума АН СССР в материалах сессии Общего собрания АН СССР 5–11 января 1949 г. не опубликован.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Е.А. Мильштейн (ГМЭ[1]), П.К. Болтун (Русский музей), А.М. Герасимов (президент Академии художеств), Б.Н. Яковлев (Академия художеств), Ю.Ю. Нут (Эстонская академия [наук]), А.Г. Алмазов (Радиокомитет), Берлин (Союз писателей).

В.А. Авсянкин (горком ВКП (б), М.А. Плюхина (райком ВКП (б).

Управляющий делами АН СССР М.И. Соколов.

Председательствовал президент АН СССР академик С.И. Вавилов.

1. Речь президента АН СССР академика С.И.Вавилова[2]

Сегодня в г[ороде] Ленинграде мы начинаем сессию Общего Собрания Академии наук СССР. Эта сессия посвящена вопросам истории отечественного знания. Она собирается в дни знаменательной годовщины. Двести лет назад, благодаря усилиям Ломоносова, Академия наук соорудила для него на Васильевском острове скромную Химическую лабораторию[3]. Эта лаборатория, надо думать, во многом заменила Ломоносову в его экспериментальной работе Кунсткамеру, погоревшую в 1747 году, в палатах которой Ломоносов и занимался своими физическими и химическими опытами[4].

Целых два столетия сохраняло здание Кунсткамеры следы этого пожара <и стояло без сгоревшей башни>[5], просуществовав в таком иска-

[1] Государственный музей этнографии народов СССР, ныне Российский этнографический музей.

[2] Речь С.И. Вавилова опубликована: Вавилов С.И. Речь при открытии Музея М.В. Ломоносова // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 889–891. Авторизованная машинопись в фонде С.И. Вавилова в Архиве РАН. Ф. 596. Оп. 1. Д. 204.

[3] Именной указ о постройке академической Химической лаборатории на Васильевском острове последовал 1 июля 1746 г. В августе 1747 г. комиссией Академии наук было отведено место для строительства — в Ботаническом саду Академии рядом с Боновым домом, в котором жил Ломоносов (с 1741 по 1757 гг.). Но непосредственно строительные работы начались лишь 3 августа 1748 г. Лаборатория была построена в короткий срок, к октябрю 1748 г. В 1948 г. отмечалось 200-летие первой научной химической лаборатории в России.

[4] Физический кабинет размещался в здании Кунсткамеры; зал для физических опытов был и в рядом стоящем здании Академии наук, бывшем дворце царицы Прасковьи Федоровны. В этом же здании находился и большой зал для академической Конференции.

[5] Текст, выделяемый нами здесь и далее угловыми скобками, отсутствует в публикации 1949 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

леченном виде и в XVIII, XIX и в XX веках до 1948 г. Понадобилась Великая Октябрьская Социалистическая революция, органически с нею связанный огромный подъем науки и выросшее внимание к истории отечественной науки, чтобы в советских условиях здание Кунсткамеры, колыбель новой русской науки, было наконец восстановлено.

В этом историческом здании, дорогом для каждого советского патриота, Президиум Академии наук постановил развернуть[1] Музей М.В. Ломоносова[2]. В этом Музее должны быть собраны предметы, характеризующие жизнь и деятельность великого нашего сочлена.

Предваряя начало работы сессии Общего собрания, мы посвящаем сегодняшнее заседание Президиума открытию Музея М.В. Ломоносова. Заседание происходит в здании реставрированной Кунсткамеры, в циркульном зале, в котором после пожара 1747 года заседала конференция Академии наук за тем же самым большим столом, за которым происходит настоящее заседание[3]. К сожалению, теснота старинных палат построенных в начале XVIII века, не дает возможности провести открытие Музея в присутствии всех членов Академии. Во времена Ломоносова в

[1] *В публикации 1949 г.:* развернуть при Институте этнографии.

[2] Постановление Президиума Академии наук СССР от 8 мая 1947 г.

[3] Большой круглый стол, и ныне стоящий в Музее М.В. Ломоносова, был передан Библиотекой Академии наук из ее Рукописного отделения по решению академика С.И. Вавилова. Директор БАН И.И. Яковкин писал С.И. Василову 7 декабря 1946 г.: «Библиотека Академии наук СССР докладывает, что Ваше распоряжение относительно передачи антикварной мебели выполнено в значительной части указанных при обследовании предметов. Но вместе с тем библиотека считает необходимым ходатайствовать о том, чтобы ей были оставлены гарнитур мебели красного дерева, находящийся в Рукописном отделении, а также [круглый стол, который находится] в комнате выставок. Основанием для такого рода ходатайства являются следующие соображения. Гарнитур стульев красного дерева составляет часть обстановки Рукописного отделения, которая была в свое время принесена в дар именно библиотеке В.И. Срезневским, и разрывать эту обстановку, т.е. оставлять шкафы в Библиотеке, а стулья передавать в другую организацию, было бы едва ли целесообразно. Что же касается круглого стола, то он исключительно необходим для выставок новых поступлений, и заменить его каким-нибудь другим столом Библиотека в данное время не может. Кроме того надо учесть, что размеры этого стола требуют его разборки для выноса из помещения, что при ветхости его и отсутствии опытных мастеров может повлечь его серьезные повреждения». На письме резолюция С.И. Вавилова: «Яковкину: Круглый стол, за которым заседали академики, необходимо обязательно передать в Ломоносовский музей. В библиотеку будут переданы другие столы. Прошу также передать шкаф, по-видимому, принадлежавший Кунсткамере. Остальное можно оставить. С. Вавилов. 10.XII.1946» (Письмо хранится в архиве Музея М.В. Ломоносова, находящегося в научно-технической обработке).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

этом круглом зале, за этим круглым столом могла бы поместиться вся Академия наук in corpore. Сейчас это, конечно, невозможно. Академия наша чрезвычайно выросла по количеству своих членов в соответствии с неустанным громадным ростом советской науки.

Открывая Ломоносовский музей[1] в этом здании, освященном для нас памятью личной работы Ломоносова, Академия наук выполняет свой старинный долг перед памятью одного из самых замечательных людей нашего прошлого.

Только в советской стране, когда истекло почти два века, как жил и работал Ломоносов, перед нами вдруг начала раскрываться во всей полноте и поразительности его научная работа[2]. Почти с двухвековым опозданием мы узнали о необычайной широте атомистических исследований Ломоносова, о нем как о зачинателе физической химии, как о замечательном оптике и приборостроителе, выдающемся географе и тончайшем специалисте по химии и технологии силикатов. Новое освещение получила в наше время филологическая и поэтическая деятельность Ломоносова, его работа как историка и экономиста. Родина наша вправе гордиться тем, что история нашей новой науки началась Ломоносовым. Ломоносовский стиль, характерный исключительной широтой, простотой, глубокой материалистической основой и народностью, отобразился во всех лучших представителях отечественной науки. Ломоносов стал символом самого лучшего в нашем естествознании.

Открываемый сегодня Музей Ломоносова должен послужить распространению знаний о Ломоносове, о его науке в широких народных массах. Вместе с тем этот музей должен служить новым центром для дальнейшего углубленного изучения Ломоносова, для собирания предметов и документов, с ним связанных. Невнимание, небрежность царского правительства к памяти Ломоносова привели к крайнему распылению и даже уничтожению вещей и документов, связанных с его жизнью и деятельностью. Составление музея оказалось нелегким делом, и Президиум Академии наук вновь и вновь обращается ко всем советским учреждениям и частным лицам с просьбой о содействии пополнению Ломоносовского музея.

Здание Кунсткамеры, видевшее Ломоносова и других академиков первого призыва, сохранившиеся первые предметы петровской Кунсткамеры и коллекции Ломоносовского музея, должны навсегда остаться драгоценным памятником истории нашей культуры.

---

[1] *В публикации 1949 г.* здесь и далее вместо Ломоносовский музей Музей М.В. Ломоносова.

[2] *В публикации 1949 г.* — его научный подвиг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

<Объявляю заседание, посвященное открытию Ломоносовского музея при Институте этнографии, открытым>.

Советский народ, вдохновляемый руководством партии во главе с великим Сталиным, победоносно преодолевает все препятствия, стоящие на пути к коммунизму. Народ с благодарностью оглядывается на тех передовых людей своего прошлого, которые в тяжелых условиях этого прошлого неустанно растили и развивали нашу культуру.

Слава великому русскому ученому и поэту, первому русскому академику Михайле Васильевичу Ломоносову!

<Объявляю заседание Президиума Академии наук СССР открытым. Предоставляю слово для сообщения председателю Комиссии по Музею М.В. Ломоносова академику Н.С. Державину>[1].

2. Выступление председателя Комиссии по организации Музея М.В. Ломоносова академика Н.С. Державина[2]

Постановлением Президиума Академии наук СССР 8 мая 1947 г. при Институте этнографии[3] организован мемориальный Музей М.В. Ломоносова. Заведующим Музеем тем же постановлением назначен Р.И. Каплан-Ингель; по его проекту и под его наблюдением реконструировано старинное здание Кунсткамеры, в котором должен находиться Музей. В помощь ему в 1946 г. была создана Комиссия по организации Музея М.В. Ломоносова, в состав которой, помимо дирекции Института этнографии, вошли научные работники, председатели различных учреждений Академии наук, работающие в области изучения наследия Ломоносова.

Для определения степени необходимости для Музея и оценки приобретаемых у частных лиц для Музея М.В. Ломоносова коллекционных предметов была создана при Институте этнографии экспертно-оценочная комиссия. К участию в работе этой Комиссии были привлечены экспер-

[1] Державин Николай Севастьянович (1877–1953), историк, филолог-славист, академик АН СССР (с 1931); член Президиума АН СССР (1942–1953); создатель и директор Института славяноведения (1931–1934), Ленинградского отделения Института славяноведения (1947–1953); председатель Комиссии по организации Музея М.В. Ломоносова.

[2] Опубликовано с сокращениями: Доклад академика Н.С. Державина // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 891–893.

[3] В 1947 г. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР находился в Ленинграде, в Москве располагалось отделение института.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ты Государственной закупочной комиссии и Гос[ударственного] Эрмитажа. <После составления соответствующих оценочных актов, подписанных членами комиссии и экспертами, список предметов, предложенных для закупки у частных лиц, посылался на рассмотрение в Президиум АН СССР и утверждался президентом и академиком-секретарем АН СССР.> Комиссия по организации музея М.В. Ломоносова установила профиль Музея и наметила характер предметов, подлежащих приобретению. При этом учитывалось, что Музей создавался на пустом месте в помещении, лишенном обстановки и оборудования[1].

Помимо экспонатов необходимо было приобретать предметы музейного оборудования XVIII века (витрины, столы, подставки, шкафы) и осветительные приборы (люстры, бра, фонари).

Кроме того, Ломоносовская комиссия решила восстановить в Музее конференц-зал времени Ломоносова, для чего требовалось создать соответствующую обстановку XVIII века <и, в первую очередь, необходимо было приобрести несколько десятков однотипных стульев первой половины XVIII в.>. Соответствующие приобретения и были сделаны, как это можно видеть, после ознакомления со списком приобретений музея. Все предметы проходили через экспертизу, определившую подлинность музейных экспонатов, степень их необходимости для музея, а также приемлемость их стоимости. <Комиссия также производила оценку предметов, если покупка производилась у частных лиц. Все покупки оформлялись надлежащим образом, визировались дирекцией Института, являющейся распорядителем кредитов, и не встречали никаких возражений со стороны членов Ломоносовской комиссии[2], ни со стороны дирекции, ни со стороны экспертов. Предметы, относительно которых имелись заключения, не гарантирующие их подлинности или не подтверждающие необходимость их приобретения, музеем не закупались. Заключения эти хранятся в делах музея, также как и вся документация, относящаяся к делу музея.>

Расценки предметов не превосходили обычных, принятых в антикварных и комиссионных магазинах, а также в практике закупочных комиссий Гос[ударственного] Эрмитажа и Государственной закупочной комиссии при Комитете по делам искусств.

С декабря 1946 г. по октябрь 1948 г. приобретено всего 254 предмета на сумму 343 950 руб. (не считая книг и фото), <в том числе у частных лиц 53 предмета на сумму 100 482 руб.

[1] Здание Кунсткамеры сильно пострадало во время Великой Отечественной войны от артобстрелов и зажигательных бомб. Самый большой ущерб был нанесен башне Кунсткамеры, в которой дважды возникал пожар.

[2] Имеется в виду Комиссия по организации Музея М.В. Ломоносова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

По характеру приобретенных предметов они распределяются на следующие группы:

1) Музейные экспонаты — предметов 87 на сумму 58 тыс. руб.

2) Научно-музейные экспонаты — предметов 7 на сумму 35,34 тыс. руб.

3) Мемориальные предметы — предметов 4 на сумму 17,6 тыс.руб.

4) Экспозиция «Конференц-зал времени Ломоносова» — предметов 64 на сумму 66,64 тыс. руб.

5) Осветит[ельные] приборы — (старин[ных]) предметов 32 на сумму 89,9 тыс. руб.

6) Музейное оборудование — предметов 37 на сумму 43,26 тыс. руб.

7) Обстановочные предметы — предметов 19 на сумму 11,85 тыс. руб.

8) Бытовые предметы — предметов 2 на сумму 1,30 тыс. руб.

Таким образом, как это видно из прилагаемого перечня, упор в приобретениях сделан на покупку музейных, научных и мемориальных предметов, что вполне отвечает пожеланиям Ломоносовской комиссии и санкционировано Президиумом [Академии наук].

Средства, отпущенные Президиумом Академии наук СССР на создание мемориального Музея М.В.Ломоносова использованы по назначению и рационально.>

К числу особенно редких и ценных приобретений надо отнести следующие: мозаичную картину Ломоносовской мастерской «Александр Невский»; две старинные армиллярные сферы; барометр с термометром (XVIII в.); настольные горизонтальные часы; серебряную тарелку с монограммой Ломоносова, лично ему принадлежавшую; старинные портреты Ломоносова, один из них работы известного Скородумова[1]; коллекцию медалей, выбитых в честь Ломоносова; жетон для контроля посещений заседаний Российской Академии; старинный портрет работы Мора; гарнитур тульской металлической мебели середины XVIII в.[2], бывший на юбилейной выставке 1911 г.; костяную шкатулку холмогорской работы (XVIII в.); Петровские и Елизаветинские стулья для Ломоносовского конференц-зала; письменные прибо-

[1] Этот портрет М.В. Ломоносова приписывается кисти художника В.М. Скородумова, приобретен в 1948 г. у Е.В. Скородумовой.

[2] На выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» были представлены кресло и четыре стула тульской работы из собрания музея Царскосельского дворца. См. Каталог выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». Отдел I. СПб., 1912. С. 13. № 59.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

ры (XVIII в.); художественный фарфор Елизаветинского времени; зеркало, украшенное цветным стеклом Ломоносовского стекольного завода в Усть-Рудице; фарфоровую тарелку с видом Денисовки, родины Ломоносова; ряд старинных гравюр с портретами Ломоносова и его современников, с видами старого Петербурга по рисункам Махаева, с видами старой Москвы, Ораниенбаума, дома Ломоносова на Мойке и иллюминаций, в том числе и по рисунку Ломоносова; рукописную грамматику [М.Г.] Смотрицкого[1] и арифметику [Л.Ф.] Магницкого; книги, по которым учился Ломоносов. Музеем создан макет Химической лаборатории Ломоносова в 1/10 нат[уральной] величины с полной обстановкой и оборудованием[2].

Подбор экспонатов для вновь создаваемого <на пустом месте> Музея является делом весьма сложным, трудным и ответственным.

Особенно затрудняет отыскание и приобретение экспонатов для Музея М.В. Ломоносова то, что предметы эти относятся к эпохе первой половины XVIII в. Предметы эти сохранились в весьма незначительном количестве, в продаже попадаются редко и весьма ценятся любителями старины, <которые охотно их приобретают, как только они появляются в продаже>. Но не только любители охотятся за этими предметами. Они необходимы и для восстановления разрушенных фашистами загородных дворцов-музеев в окрестностях Ленинграда. Надо считать, что Ломоносовская музейная комиссия по инициативе руководителя Музея М.В. Ломоносова предусмотрительно постаралась, пока имеется к тому возможность, обеспечить будущий музей соответствующими предметами первой половины XVIII в.

В деле собирательства экспонатов для Музея и организации его открытия к предстоящей сессии Академии наук СССР Ломоносовская комиссия проявила необходимое усердие, энтузиазм и добросовестное отношение, обеспечивающее благополучное выполнение возложенной на нее ответственейшей задачи по созданию первого научно-мемориального Музея М.В. Ломоносова.

---

[1] Имеется в виду список «Грамматики» М.Г. Смотрицкого в кожаном переплете. На первом листе штамп: «Из библиотеки архиепископа Нила». Как и «Арифметика, сиречь наука числительная...» Магницкого, куплена для Музея М.В. Ломоносова в «Книжной лавке писателей».

[2] О макете Химической лаборатории см.: Каплан-Ингель Р.И., Барзаковский В.П. Макет химической лаборатории Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1951. Вып. III. С. 339–346.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

3. Выступление директора Института этнографии доктора этнографических наук С.П. Толстова[1]

Мне выпала высокая честь от лица коллектива Института [этнографии] и Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР приветствовать членов Президиума Академии в этих древних стенах, в том самом зале, за тем самым столом, где 200 лет назад М.В. Ломоносов на конференциях Академии боролся за честь русской науки.

Сегодня в этих стенах, где некогда трудился Ломоносов, открывается посвященный ему Музей. Нам, Институту и Музею антропологии и этнографии, выпала честь активно участвовать в его создании. Это не случайно. Не только стенами Кунсткамеры связан наш Институт с ломоносовской темой. Являясь старейшим учреждением Академии наук, прямым наследником петровской Кунсткамеры, старейшим Музеем нашей страны, отмечая в этом году 232 год своего существования[2], Институт и Музей антропологии и этнографии являются хранилищем славных реликвий истории русской науки. Музей Ломоносова занимает почетное и центральное в его системе место, рядом с анатомическими коллекциями и коллекциями по этнографии Дальнего Востока, собранными Петром Первым, рядом с коллекциями великих сибирских экспозиций XVIII века, русских кругосветных путешественников начала XIX века, рядом с замечательными коллекциями русских исследователей Северо-Западной Америки, рядом с собраниями Миклухо-Маклая, имя которого с гордостью носит наш Институт[3].

Поэтому когда по инициативе президента Академии С.И. Вавилова решением Президиума от 8 мая 1948 г. на наш Институт была возложена задача создания Музея М.В. Ломоносова, мы восприняли это задание как высокую честь для нас, как задание, органически входящее, при всей его специфичности, в профиль нашего Музея, являющееся нашим кровным делом.

---

[1] Толстов Сергей Павлович (1907–1976), историк, этнограф, археолог, в 1943 г. назначен директором Института этнографии АН СССР. Выступление опубликовано с небольшими сокращениями: Доктор этнографических наук С.П. Толстов // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 893–895.

[2] Годом основания Кунсткамеры считается 1714 г., когда началась работа с ее коллекциями; в 1717 г. собрание было перевезено в Петербург.

[3] Имя Н.Н. Миклухо-Маклая было присвоено Институту этнографии АН СССР Постановлением Совета министров СССР от 29 января 1947 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Задача была сложной и трудной. Она потребовала напряжения сил всего коллектива Института и Музея, широкого привлечения внеинститутских специалистов, без помощи которых нам было бы трудно осветить многогранный образ великого русского энциклопедиста, труды которого сыграли выдающуюся роль в развитии самых разнообразных областей точных, естественных и гуманитарных наук.

Участие коллектива Института в строительстве Музея Ломоносова шло по самым разнообразным линиям. Прежде всего, уже в 1947 г. был укомплектован штат Музея за счет лучших кадров Института. Помимо заведующего Музеем Р.И. Каплан-Ингеля[1] Институт выделил непосредственно на эту работу одного из лучших окончивших аспирантуру Института молодых работников — Татьяну Владимировну Станюкович[2], работе которой в качестве пом[ощника] зав[едующго] музеем музей обязан научно-методической разработкой и экспозиционным осуществлением значительной части своих тем. Большую роль сыграла также выделенная из кадров Института одна из опытнейших научно-технических сотрудников Института — Татьяна Васильевна Победимова.

План экспозиции был дважды предметом обсуждения на научно-методическом музейном совещании при дирекции Института с широким привлечением музейной общественности Ленинграда: Эрмитажа, Гос[ударственного] музея этнографии и др. Научный коллектив Музея антропологии и этнографии активно помогал основным работникам Музея М.В. Ломоносова в подборе и мобилизации экспонатов (т. [Г.А.] Гловацкий, Золотаревская, Посенковская и др.) При активном участии работников сектора антропологии (т. [В.В.] Гинзбург, Якимов, Фирштейн) была осуществлена перестройка, в целях увязки с Музеем М.В. Ломоносова, экспозиции кунсткамерных коллекций. Вообще трудно перечислить разнообразные формы участия научного коллектива МАЭ в деле помощи Музею М.В. Ломоносова. В той или иной мере в этом деле участвовал весь ленинградский и часть московского коллектива Института.

Особо надо отметить роль заместителя директора Института Л.П. Потапова[3], осуществлявшего систематическое <повседневное> научно-

[1] Каплан-Ингель Роберт Исаакович (1884–1951), архитектор, историк науки, по его проекту была восстановлена башня здания Кунсткамеры; первый директор Музея М.В. Ломоносова.

[2] Станюкович Татьяна Владимировна (1917–1992), этнограф, историограф Кунсткамеры, лауреат Государственной премии СССР, автор фундаментальных работ по истории Кунсткамеры.

[3] Потапов Леонид Павлович (1905–2000), этнограф, с 1948 г. заместитель директора Института этнографии АН СССР, с переносом в 1950 г. Института этнографии в Москву возглавил его Ленинградское отделение.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

идейное руководство работой по созданию Музея М.В. Ломоносова. Нельзя не отметить также активного участия в этой работе партийной организации Института, в лице ее секретаря т. И.Я. Треногова[1], который вместе с Л.П. Потаповым обеспечил идейно-политическое руководство работой и своевременно разрешил <стоявшие на пути организации Музея> организационно-хозяйственные трудности.

На протяжении 1948 года, в особенности второй его половины, весь хозяйственный аппарат Института во главе с зам. директора В.Д. Карпихиным был мобилизован на обеспечение экспозиции Музея М.В. Ломоносова. Ряд научно-технических сотрудников (художник, фотограф, столяр, монтер, слесаря, рабочие Института, всего до 20 чел[овек]) в течение нескольких месяцев были заняты этой работой.

Итоги нашей работы мы представляем сейчас на рассмотрение Президиума. Так или иначе, основы Музея заложены. Славные страницы истории русской науки через музейный показ — самый массовый вид научного просвещения — станут достоянием народных масс города Ленина и всего Советского Союза. <Не 3, и не 10, и не 25 тысяч [экземпляров] (максимальный тираж научно-популярной литературы), а> 50–60 тысяч посетителей, ежегодно проходящие через выставочные залы МАЭ, обогатят свои знания, ознакомившись с историей жизни и трудов великого героя передовой русской науки.

Я считаю своим приятным долгом отметить с глубокой признательностью ту повседневную помощь, которую оказывал нам в нашей работе инициатор создания Музея М.В. Ломоносова академик С.И. Вавилов, входивший во все детали нашей работы. Ему мы обязаны преодолением многочисленных трудностей, стоявших на нашем пути.

То, что сделано, — это основы будущего Музея М.В. Ломоносова. Освоение помещений вновь отстроенной башни, которая намного расширит площадь Музея, мобилизация новых коллекций, научная разработка наследия Ломоносова в различных, еще недостаточно освещенных в экспозициях областях его деятельности — такова обширная программа еще предстоящих работ. Но основа заложена, и в условиях того внимания, которым наше дело окружено со стороны руководства Академии наук, мы не сомневаемся, что работа наша будет успешно доведена до конца.

[1] Илья Яковлевич Треногов возглавлял отдел учета и хранения МАЭ им. Петра Великого.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

4. Выступление заведующего Музеем М.В.Ломоносова Р.И. Каплан-Ингеля[1]

Уже давно назрела мысль о необходимости увековечить имя великого русского ученого М.В. Ломоносова созданием музея, посвященного его жизни и деятельности.

Царская Россия поставила Ломоносову лишь памятник в Архангельске[2] да бюсты в Петербурге[3] и перед Московским университетом[4]. Чрезвычайно скромный музей был организован на родине Ломоносова[5], на том месте, где был когда-то дом отца Ломоносова, но музей настолько незначительный, что он не может считаться мемориальным музеем, ибо не сохранилось ни здание, ни каких-либо вещей, относящихся к жизни Ломоносова.

К 200-летию со дня рождения Ломоносова Академия наук обратилась к Петербургской городской управе с просьбой выделить участок для постройки на нем Института им. Ломоносова, но Городская управа не нашла участка и Ломоносовский институт не был создан[6].

---

[1] Опубликовано с небольшими изменениями: Заведующий Музеем М.В. Ломоносова Р.И. Каплан-Ингель // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 895–897.

[2] Памятник М.В. Ломоносову в Архангельске по проекту ректора Академии художеств И.П. Мартоса был установлен в 1832 г.

[3] Бронзовый бюст М.В. Ломоносова по модели скульптора П.Л. Забелло был установлен 24 сентября 1892 г. в сквере у Чернышева моста. В 1948 г. мост, как и площадь, на которой стоит бюст, были переименованы в честь М.В. Ломоносова.

[4] Имеется в виду бронзовый бюст скульптора С.И. Иванова, который был установлен в 1876 г. перед зданием университета на Моховой улице; ныне находится в клубе МГУ на Большой Никитской улице. Перед высотным зданием МГУ на Ленинских горах в 1953 г. был установлен памятник Ломоносову скульптора Н.В. Томского (архитектор Л.В. Руднев).

[5] В 1940 г. в селе Ломоносово на месте, где в XVIII в. находился дом Ломоносовых, в доме, построенном в 1861 г. на народные средства для училища им. Ломоносова, был открыт музей Ломоносова, сначала как филиал Архангельского областного краеведческого музея, а с 1941 г. — как самостоятельный мемориальный музей.

[6] Идея создания Ломоносовского института была выдвинута рядом академиков в ходе подготовки 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова. В 1911 г. записка «О Ломоносовском институте при Императорской Академии наук» была составлена В.И. Вернадским. Городская дума в 1913 г. приняла решение отвести под Ломоносовский институт участок в конце Большого проспекта Васильевского острова, однако из-за начавшейся Первой мировой войны эти планы не осуществились.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Устроенная когда-то выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»[1] собрала довольно много экспонатов, характеризующих жизнь и деятельность Ломоносова, однако после закрытия выставки никто не позаботился сохранить эти экспонаты и создать Музей Ломоносова. Только в Советской России[2] его научное наследие всесторонне изучается. Имя Ломоносова стало известно широким кругам советского народа как основоположника великой русской культуры.

8 мая 1947 г. постановлением Президиума Академии наук СССР была создана комиссия, на которую была возложена задача — создание мемориального музея, отражающего деятельность Ломоносова, выявление и экспонирование всех материалов, отражающих жизнь и деятельность Ломоносова на фоне состояния русской науки его времени, популяризация по материалам музея жизни и деятельности М.В. Ломоносова и значения его работ в истории развития русской и советской науки.

Музей М.В. Ломоносова в своей экспозиции должен иметь отделы, характеризующие различные стороны деятельности М.В. Ломоносова и вклад его в развитие отечественной и мировой науки.

Кроме того, при Музее должен быть научный отдел для изучения Ломоносовского наследия и его популяризации, подбора материалов, расширения и увеличения выставки, посвященной Ломоносову.

Встал вопрос о том, где устроить музей Ломоносова. Дело в том, что из всех зданий, где жил и работал М.В. Ломоносов, сохранилось лишь старинное здание Кунсткамеры, где ныне помещается Институт и Музей этнографии. Жилой дом (так называемый Бонов[3]) на 2-й линии не существует[4], нет также и Химической лаборатории, основанной Ломоносовым, дом на Мойке[5] настолько перестроен, что даже трудно найти следы фундамента здания, где жил Ломоносов и где находилась его лаборатория и мозаичная мастерская. Стекольной фабрики в Усть-Рудице не существует, а жилой дом сгорел в начале XX в.[6] Таким образом, со-

[1] Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время» была организована к 200-летию со дня рождения М.В. Ломоносова и проходила в залах Академии художеств. Состояла под покровительством императора Николая II.

[2] *В публикации 1949 г. добавлено:* стало возможным создать такой Музей.

[3] Бонов (принадлежал генералу Г.И. Бону) дом Академия наук арендовала, а потом выкупила для своих сотрудников.

[4] Дом после Великой Отечественной войны был разобран из-за ветхости, а на его территории была построена школа (2 линия, д. 43).

[5] В собственном доме на Мойке М.В. Ломоносов жил с 1757 г. В XIX в. дом перестраивался, разбирался до основания вместе с фундаментом. Ныне на доме, построенном на этом месте (Большая Морская 61) укреплена мемориальная доска.

[6] Главное здание усадьбы М.В. Ломоносова в Усть-Рудице сгорело в 1919 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

хранилось лишь одно здание Кунсткамеры, где протекала жизнь и деятельность Ломоносова с 1741 по 1765 гг.

Кроме того, в этом здании помещается Институт этнографии, сохранивший в своих стенах большое количество экспонатов того времени и разрабатывающий научную тематику, заложенную еще с начала основания Академии наук.

Не напрасной[1] является та мемориальная доска, которая установлена и сегодня открывается на здании Кунсткамеры[2], на которой написано: «В этом здании колыбели русской науки с 1741 по 1765 г. работал Ломоносов».

В конце 1946 г. началось собирательство экспонатов Музея. По распоряжению Президиума АН СССР и по указанию президента А[кадемии] н[аук] академика С.И. Вавилова было предложено учреждениям Академии наук передать будущему Музею М.В. Ломоносова то, что находится в их собраниях и может отражать жизнь и деятельность Ломоносова.

Таким образом, часть библиотеки, рисунки, картины, гравюры, целый ряд мемориальных предметов были переданы Музею М.В. Ломоносова из Библиотеки АН, из Архива АН, из Института литературы. Физический институт передал большое зажигательное стекло[3], которое находится сейчас здесь. Кроме того, по постановлению Совета министров СССР из различных музеев и учреждений переданы были Музею М.В. Ломоносова необходимые ему экспонаты. Из Исторического музея в Москве получен целый ряд экспонатов, преимущественно характеризующих деятельность Ломоносова; из Эрмитажа передан целый ряд приборов: насосы, пресса, измерительные приборы, гравюры и проч.

Кроме того, посторонними учреждениями, например Фармацевтическим музеем[4], переданы нам приборы того же научного порядка: весы, штейнглазы и другие экспонаты.

---

[1] *В публикации 1949 г.:* Замечательной, исторической.

[2] Текст мемориальной доски на здании Кунсткамеры был предложен директором Архива АН СССР Г.А. Князевым еще в тяжелейшие блокадные февральские дни 1942 г. См.: Георгий Алексеевич Князев. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945 / Отв. ред. Н.П. Копанева. СПб.: Наука, 2009. С. 443.

[3] В Музее М.В. Ломоносова находится основная линза зажигательного прибора инструмента Чирнгаузена, купленного Академией наук в первой половине XVIII в. для Физического кабинета. В Музей линза поступила в 1947 г. из Физического института АН СССР. Этот экспонат — единственный зажигательный инструмент Чирнгаузена в нашей стране.

[4] Фармацевтический музей был создан в Москве в 1920 г., в 1998 г. прекратил свое существование.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Помимо передачи из учреждений Музей интенсивно закупал целый ряд предметов научного порядка. Например, приобретены астрономические сферы, весы, приборы, часы и другие вещи, мемориальные предметы. Так, приобретена мозаика работы Ломоносова, тарелка и фарфоровый чайник[1], принадлежавшие лично Ломоносову, рисунки и иллюстрации.

Весь этот собранный материал дал возможность уже в этом году, значительно раньше намеченного срока, открыть экспозицию музея. Эту экспозицию первоначально было предложено приурочить к двухсотлетию со дня открытия Химической лаборатории, но потом, ввиду большого количества собранного материала, было решено открыть первую очередь музея.

Разработка тематического плана потребовала привлечения консультантов, специалистов по различным научным дисциплинам, соответственно тем научным областям, в которых работал Ломоносов. Пришлось пригласить специалистов в области химии, физики, оптики, словесности, истории и т.д. Лучшие работники со всех институтов помогали нам разрабатывать план, подготовляли текстаж для наших экспозиций и помогали проектированию и разработке экспозиционного плана.

Будущий Музей займет верхний этаж этой башни, там будет находиться физический кабинет. Картографический и астрономический кабинеты будут восстановлены на астрономической вышке, и там будет демонстрироваться большой академический глобус, который находится в башне, <но ввиду того, что башенное помещение еще не закончено, его сейчас демонстрировать невозможно>.

Для расширения работ Музея и его экспозиции в будущем потребуется увеличение его штатов.

Еще много предметов, связанных с жизнью и деятельностью Ломоносова, находится в различных музеях и учреждениях: в Государственном историческом музее находится подлинный перегонный куб Ломо-

[1] Серебряное блюдо русской работы XVIII в., принадлежало М.В. Ломоносову, а потом находилось у его потомка Петра Михайловича Раевского. Музей приобрел это блюдо у Н.В. Эйснер, дочери архитектора и коллекционера, который купил его в Петрограде между 1917–1924 гг. По краю внутренней стороны гравированная надпись в три строки: «Блюдо, принадлежавшее Михаилу Василевичу Ломоносову». Блюдо демонстрировалось на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время», о чем свидетельствует этикетка на дне: «Состоящая под высочайшим государя императора покровительством Выставка “Ломоносов и Елизаветинское время”». Чайник фарфоровый, Мейсеновского завода, на тагане. По преданию, принадлежал М.В. Ломоносову. Приобретен у Павлы Сергеевны Котляревской.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

носова, а здесь лишь его копия. Целый ряд предметов находится в Русском музее. Там находится подлинный рисунок Уткина для гравюры известного портрета Ломоносова[1], переданный Академией художеств и подлежащий передаче по постановлению Совета министров в Музей Ломоносова.

В Эрмитаже до сего времени находятся переданные Академией наук научные приборы и инструменты как из Петровской галереи, так и из Музея истории науки и техники[2].

<Для передачи этих и аналогичных им предметов, отражающих жизнь и деятельность Ломоносова и необходимых для расширения и углубления экспозиций Музея М.В. Ломоносова, требуется соответствующее постановление Совета министров СССР.>

Необходимо расширить круг деятельности музея организацией работ для поисков приборов и инструментов ломоносовского времени по различным учреждениям и местам Союза, необходимо организовать раскопки на месте бывшей Усть-Рудицкой фабрики[3].

Требуется увеличение штатов соответствующего персонала. Ввиду же того, что экспонаты нашего музея очень дорогие, требуется особый надзор за ними и охрана их.

Большое внимание и помощь оказали Музею М.В. Ломоносова Президиум Академии наук и ее президент, а также дирекция и парторганизация Института этнографии и учреждений академических, так и внеакадемических. Много помощи оказано музею со стороны отдельных лиц, помогавших своими советами и работой созданию музея.

---

[1] Гравер, профессор Императорской Академии художеств Николай Иванович Уткин (1780–1863) для заказанной ему гравюры резцом с портретом М.В. Ломоносова создал в 1834 г. рисунок карандашом. На рисунке помета об утверждении его президентом Российской академии А.С. Шишковым. Рисунок в Музей М.В. Ломоносова передан не был.

[2] Музей истории науки и техники при Институте науки и техники АН СССР в Ленинграде.

[3] Археологическая экспедиция в Усть-Рудице работала с 1949 по 1953 гг. под руководством историка техники Виктора Васильевича Данилевского (1898–1960). Экспедиция была организована Академией наук и Ленинградским политехническим институтом. В ходе раскопок найдены остатки фундамента, бревна, битый кирпич, застывший раствор, куски штукатурки, тигли, реторты, горшки для плавки стекла, весы, обломки изразцов, осколки цветного стекла и, конечно, кусочки смальты. Проведенные исследования позволили воссоздать месторасположение фабричных построек, а также особенности технологических операций и лабораторных исследований, проводимых Ломоносовым в Усть-Рудице. Многое из экспедиционных находок поступило в Музей М.В. Ломоносова.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Открытие Музея М.В. Ломоносова является событием большого государственного значения. Тот факт, что сессия Академии наук СССР специально посвящена истории отечественной науки, начинает свою работу с открытия Музея Ломоносова, дает все основания думать, что это скромное научное учреждение в дальнейшем займет достойное место в развитии социалистической культуры нашей великой Родины.

Президиум Академии наук СССР
принимает следующее постановление
(проект внесен президентом АН СССР С.И. Вавиловым)[1]

1. Разрешить Институту этнографии Академии наук СССР открыть Музей М.В. Ломоносова для обозрения.

2. Предложить Институту этнографии, Музею М.В. Ломоносова, Комиссии по истории Академии наук, Архиву Академии наук СССР, Библиотеке Академии наук СССР принять меры к дальнейшему пополнению Музея М.В. Ломоносова экспонатами.

3. За работу по организации Музея М.В. Ломоносова и подготовке его к открытию объявить благодарность:
   - академику Н.С.Державину — председателю Комиссии [по организации Музея М.В. Ломоносова],
   - профессору С.П. Толстову — директору Института этнографии АН СССР,
   - доктору исторических наук Л.П. Потапову — заместителю директора Института этнографии АН СССР,
   - И.Я. Треногову — секретарю партийной организации Института [этнографии АН СССР],
   - кандидату исторических наук Г.А. Князеву — директору Архива АН СССР,
   - кандидату исторических наук Н.М. Раскину — научному сотруднику Архива АН СССР,
   - профессору И.И. Яковкину — директору Библиотеки АН СССР.

4. Объявить благодарность и премировать месячным окладом:
   - Р.И. Каплан-Ингеля — заведующего Музеем М.В. Ломоносова,
   - Т.В. Победимову — ст. научно-технического сотрудника Музея М.В. Ломоносова,

[1] Постановление Президиума АН СССР не опубликовано в материалах сессии Общего собрания АН СССР 5–11 января 1949 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

− кандидата физико-математических наук А.А. Елисеева — ученого секретаря Комиссии по истории Академии наук СССР,
− Г.С. Григорьева — столяра,
− В.А. Духницкого — монтера,
− А.М. Никитичева — слесаря.

На этом заседание объявляется закрытым.

Президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов
И.о. академика-секретаря Академии наук СССР академик В.П. Никитин.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абайдулова Анна Галиевна — научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Бахарева Наталья Юрьевна — заведующая филиалом «Ораниенбаум» Государственного музея-заповедника «Петергоф».

Березницкий Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Винтухова Людмила Васильевна — заместитель директора Городского Центра медицинской профилактики Санкт-Петербурга.

Голубева Татьяна Михайловна — доктор медицинских наук, сотрудник Музея гигиены Городского Центра медицинской профилактики Санкт-Петербурга.

Дубовик Алла Васильевна — заведующая Музеем гигиены Городского Центра медицинской профилактики Санкт-Петербурга.

Дьяков Борис Борисович — кандидат физико-математических наук, сотрудник Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе РАН.

Иванов Борис Ильич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.

Копанева Наталья Павловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Кравченко Татьяна Михайловна — хранитель отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Лупанова Евгения Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Петрова Ольга Юрьевна — хранитель отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Савельева Диана Николаевна — кандидат философских наук, заведующая сектором истории техники Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.

Савельева Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, заведующая научно-исследовательским отделом редкой книги Библиотеки РАН.

Свердлов Михаил Борисович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Соболев Владимир Семенович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН.

Сутягина Людмила Эдуардовна — кандидат философских наук, ведущий специалист МАЭ РАН.

Телешов Сергей Владимирович — учитель химии школы № 17 Василеостровского района Санкт-Петербурга.

Фролова Алевтина Ивановна — директор Городского Центра медицинской профилактики Санкт-Петербурга.

Хартанович Маргарита Федоровна — доктор исторических наук, заведующая отделом истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Хартанович Мария Валерьевна — ведущий специалист отдела информационных технологий МАЭ РАН.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Статьи

Копанева Н.П. М.В. Ломоносов и Кунсткамера 7

Свердлов М.Б. К изучению материалов, подготовленных М.В. Ломоносовым для Вольтера в 1757–1759 гг. 19

Савельева Е.А. Неизвестный список сочинения Афанасия Холмогорского «Описания трех путей из державы царского величества из Поморских стран в Швецкую землю» в собрании отдела рукописей Библиотеки Академии наук 30

Фролова А.В., Винтухова Л.В., Голубева Т.М., Дубовик А.В. Идеи М.В. Ломоносова в концептуальном поле городского центра медицинской профилактики и его Музея гигиены 37

Иванов Б.И. Научно-техническое знание в творчестве М.В.Ломоносова 45

Дьяков Б.Б., Савельева Д.Н. Идеи М.В.Ломоносова в трудах и высказываниях ученых Физико-технического института им. А.Ф.Иоффе 60

Телешов С.В., Кравченко Т.М. Химические лаборатории М.В. Ломоносова 69

Березницкий С.В. Роль и образ М.В. Ломоносова в российской смеховой культуре 78

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Лупанова Е.М. Роль юбилея 1865 г. в развитии исторической памяти о М.В. Ломоносове 86

Соболев В.С. Празднование 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова в Санкт-Петербургской Академии наук 97

Хартанович М.Ф. Память о М.В. Ломоносове: премии и награды имени М.В. Ломоносова во второй половине XIX–XX вв. 111

Хартанович М.В., Кравченко Т.М. Учреждение Музея М.В. Ломоносова и его первый директор Р.И. Каплан-Ингель 120

Петрова О.Ю. Семья М. В. Ломоносова 130

Абайдулова А.Г., Копанева Н.П. О приобретении Академией наук Усть-Рудицкой грамоты и других документов М.В. Ломоносова в 1938–1939 годах 135

Сутягина Л.Э. Шлиссельбург — Полтава — Петербург: исторические параллели и судьбы 141

Бахарева Н.Ю. «В комнате, что обои стеклярусовые» 149

Публикации

Материалы к истории химической лаборатории М.В. Ломоносова:
Барсукова Т.Н. Материальная база Химической лаборатории М.В. Ломоносова в 1752–1756 гг. (По неопубликованным материалам Архива АН СССР) 155

К истории создания и открытия Музея М.В. Ломоносова: Публикация протокола заседания Президиума АН СССР, посвященного открытию Музея М.В. Ломоносова 183

Сведения об авторах 203

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН

Научное издание

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КУНСТКАМЕРЕ

К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова

Выпуск 1

Редактор М.А. Ильина
Корректор Л.Г. Амбросенко
Компьютерный макет Р.А. Морозовой

Подписано в печать 27.05.2011. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.печ л. 12,5. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 300 экз. Заказ № 6.

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24.
Тел. 323-67-74, e-mail: izd_lema@mail.ru

ISBN 978-5-88431-215-9

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-215-9/
© МАЭ РАН